

Центрифуга,

Centrifuga

Russian Reprintings and Printings

Edited by

Karl Eimermacher, Johannes Holthusen,

Simon Karlinsky, Reinhard Lauer,

Vladimir Markov and Friedrich Scholz

Vol. 12/I · 1977

М. А. КУЗМИН

СОБРАНИЕ СТИХОВ I

Дореволюционные книги стихов

M. A. KUZMIN

Gesammelte Gedichte I

Gedichtbände vor der Revolution

Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert
von John E. Malmstad und Vladimir Markov

WILHELM FINK VERLAG MÜNCHEN

ISBN 3-7705-1444-0

© 1977 Wilhelm Fink Verlag, München

Gesamtherstellung: Hain-Druck KG, Meisenheim/Glan

Published with a subsidy from the James B. Duke Endowment Fund,
Center for Russian and East Studies, UCLA

INHALT

Preface	6
Kuranty ljubvi („Skorpion“, Moskva, 1910), teilweise reproduziert	7–38
Seti, Pervaja kniga stixov, Izdanie tret'e, „Petropolis“, Berlin, 1923	39–128
Osennie ozera, Vtoraja kniga stixov. „Skorpion“ Moskva, 1912	129–310
Glinjanye golubki, Tret'ja kniga stixov, Izdanie vtoroe, „Petropolis“, Berlin, 1923	311–644

Die Seitenangaben im Inhaltsverzeichnis beziehen sich auf die im Text unten, außen, in eckigen Klammern angegebene Pagina, welche vom Verlag eingesetzt wurde.

PREFACE

This is the first edition of the collected poetry of Mixail Alekseevič Kuzmin (1872?–1936). The editors have included all Kuzmin's published verse collections and as much of his uncollected verse as they could locate in periodicals or were given access to in archives and private holdings. Volume One contains the three large verse collections – *Seti*, *Osennie ozera*, *Glinjanye golubki* – issued before 1917 and *Kuranty ljubvi*. Volume Two is made up of those volumes issued after 1917: *Vožatyj*, *Dvum*, *Ėxo*, *Zanavešennye kartinki*, *Nezdešnie večera*, *Paraboly*, *Novyj Gul'* and *Forel' razbivaet led*. It also includes *Lesok*, because of its close relation to Kuzmin's poetry, and the play in verse *Vtornik Mèri.* Volume Three comprises poems published by Kuzmin in periodicals and literary miscellanies but never reprinted in any of his verse collections. There are also many previously unpublished poems, a selection of Kuzmin's songs, poems included in his prose, a selection of his verse translations, and two unpublished plays. Our original intention was to place notes and commentaries for the works in the volumes in which they appear. Financial considerations have forced the editors to include all such material, as well as a critical survey of the poetry and a biography of the writer, in Volume Three.

John E. Malmstad
Vladimir Markov

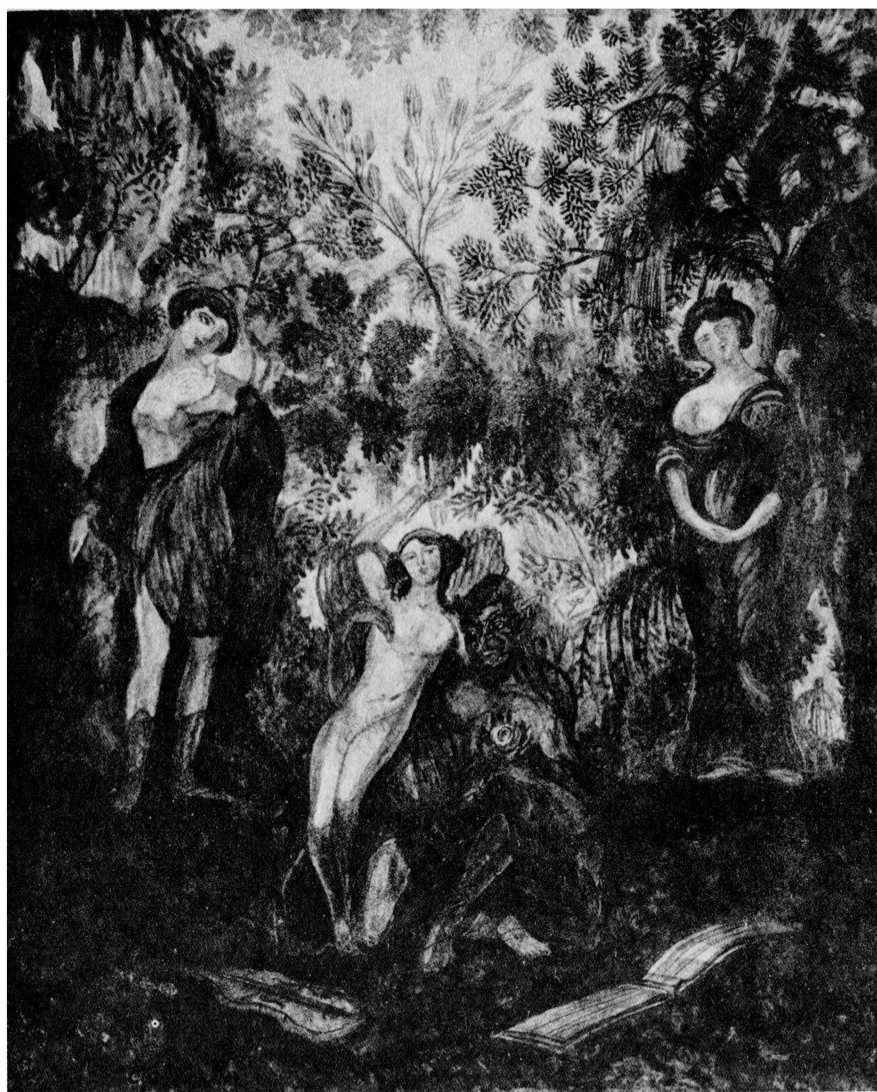
КУРАНТЫ ЛЮБВИ

СЛОВА И МУЗЫКА

М. КУЗМИНА.

РИСУНКИ:

«ВЕСНА» И «ЗИМА» С. СУДЕЙКИНА,
«ЛЪТО» И «ОСЕНЬ» Н. ФЕОФИЛАКТОВА

1. ВЕСНА.

ФАВНЪ.

Зима уходитъ, злясь, въ свои пещеры;
Весна съ цвѣтами привела любовь;
Еще вчера долины были сѣры,—
Сегодня маковъ тамъ пролита кровь.

Гуляютъ въ рощахъ дамы, кавалеры,
И въ томныхъ вздохахъ слышится любовь;
Любовь сквозитъ сквозь тонкія манеры,
Какъ черезъ кожу чуть алѣетъ кровь.

Намъ лѣсъ дарить веселые примѣры,
Напѣвы птицъ звучать намъ про любовь.
Весна диктусть намъ стиховъ размѣры,
И учить танцамъ пламенная кровь.

Весною всѣ одной веселой вѣры:
Ее зовутъ «крылатая любовь».
Зима ушла въ далекія пещеры.
Въ лугахъ пролита алыхъ маковъ кровь.

ЮНОША.

Пѣсня моей свирѣли не ждетъ отвѣта:
Прошла зима, пройдетъ весна, пройдетъ и лѣто.

Голосъ мой, тотъ же всегда, звучить уныло:
Забудуть все, что было зло, что было мило.

Время, какъ птица, вьется, любовь крылата.
Собравшимъ только хлѣбъ рабамъ дается плата.

Камень, стукнутый камнемъ, огонь рождаетъ,
Любовный взглядъ найдеть, ища, кого не знаетъ.

Маски ловятся слѣпо въ повязкѣ жмурокъ:
Пастухъ, король, поэтъ, герой, монахъ и турокъ.

Время летить: скорѣе, не ждите лѣта,
[10] Свирѣль моя одна поетъ, полна отвѣта.

ФАВНЪ.

На весенній лужокъ
Собирайтесь, любовники:
Скоро алый цвѣтокъ
Загорится въ шиповникѣ!

Ужъ зима не придетъ,
Ея вьюги наскучили,
Биль счастливый чередъ,
Уходить старой чучелѣ.

Мы съ весной молодой,
Со блаженной, божественной,
Рѣзволегкой ногой
Спляшемъ танецъ торжественный.

И на свѣжій лужокъ
Соберутся любовники,
Чтобъ смотрѣть на цвѣтокъ,
Заалѣвшій въ шиповникѣ.

ДѢВУШКА

медленно илеть по лугу, будто стѣсняемая узкимъ
платьемъ.

Ночью мнѣ было томно,
Въ окно свѣтила звѣзда...
Стыдливо, скромно
Я прихожу сюда.

Кто-то возьметъ за руку,
Прижметъ меня къ себѣ?
Ночную скуку
Вылечить сладко мнѣ?

Всѣ я цвѣты собираю,
На всѣ цвѣты смотрю...
Я умираю.
Нѣжно его люблю!

Кто мнѣ развяжетъ узелъ?
Такъ слабо связанъ онъ.
Портной мнѣ сузилъ
Платье со всѣхъ сторонъ!

Душно мнѣ, задыхаюсь!
Воды, воды, скорѣй!
Совсѣмъ шатаюсь,
Гдѣ мнѣ найти дверей?

Ахъ, поцѣлуй такъ сладокъ,
Но кто же, кто же ты?
Подъ кровомъ складокъ
Скрыты мои мечты.

Ходить въ лугахъ желанный,
Со мною ищетъ встрѣчъ.
Костюмъ престранный,
Странная страсти рѣчь...

Утромъ мнѣ будетъ томно
Опять горѣтъ звѣзда...
Стыдливо, скромно
Приду я опять сюда.

ЮНОША И ДѢВУШКА.

Гдѣ ты? — Съ тобой!
Идешь ли? — Иду.
Моя ли? — Твоя.
Кто ты? — А ты?

ФАВНЪ.

Любовь разставляетъ сѣти
Изъ крѣпкихъ шелковъ;
Любовники, какъ дѣти,
Ищутъ оковъ.

Вчера ты любви не знаешь,
Сегодня весь въ огнѣ.
Вчера меня отвергаешь,
Сегодня клянешься мнѣ.

Завтра полюбитъ любившій
И не любившій вчера,
Придетъ къ тебѣ не бывшій
Другіе вечера.

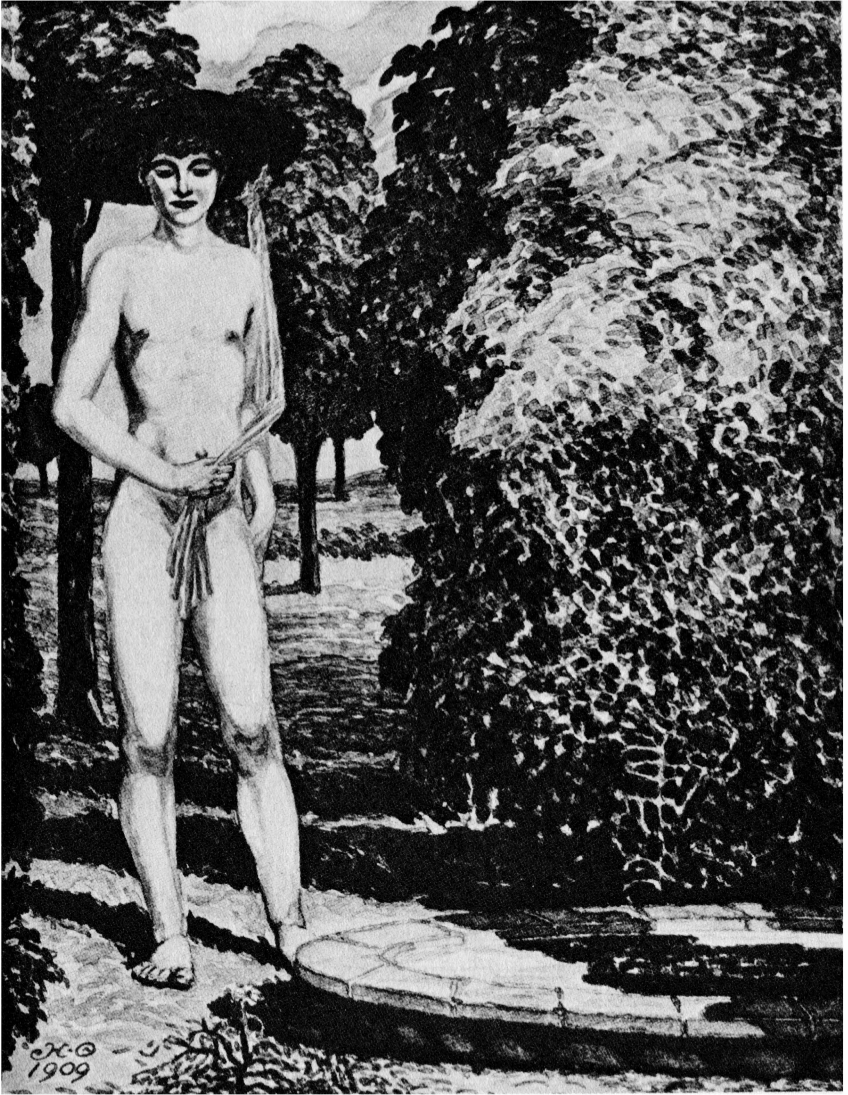
Полюбитъ кто полюбитъ,
Когда настанетъ срокъ,
И будетъ то, что будетъ,
Что приготовилъ намъ рокъ.

Мы, какъ малыя дѣти,
Ищемъ оковъ,
И слѣпо падаемъ въ сѣти
Изъ крѣпкихъ шелковъ.

ЛѢТО

РИСУНОКЪ

Н. ТЕОФИЛАКТОВА.

II. ЛѢТО.

НИМФА.

Прохладна влажность круглаго бассейна,
Листы деревьевъ шепчуть тиховѣино.
И змѣйки по дну бѣгаютъ затѣино.

Когда стихаетъ струйное движенье,
Въ водѣ яснѣетъ наше отраженье,
Тревожа спящее воображенье.

Бассейны манятъ въ часъ полдневный жара,
Вода звучить, какъ лира иль кивара,
Суля прохладу благодного дара.

Любовь томить безсонными ночами,
Влюбленные съ потухшими очами
Пронзаются любовными мечами.

Ахъ, годоемъ въ палящій жаръ опасенъ:
Свой образъ видя, сладостно неясенъ,
Поймешь, что ликъ любви въ себѣ прекрасенъ.

Бѣгите, робкіе, любви купели;
Спѣшите, смѣлые, на зовъ свирѣли!
Дорогою различной, къ той же цѣли.

Входитъ голый юноша въ широкополой шляпѣ.

ЮНОША.

Пробрался я дорогою знакомой
Къ тебѣ, водоемъ,
Чтобъ насмотрѣться съ тайной истомой
Прекраснымъ лицомъ.

Черты, дрожа, скользятъ и исчезаютъ
Въ прозрачной водѣ.
Цвѣты любви блаженно разцвѣтаютъ
Невѣдомо гдѣ.

Повремени, побудь еще со мною,
Дробящийся ликъ,
И я пойду повсюду за тобою.
Въ послѣдній свой мигъ.

Бѣжишь? Иду, иду за поцѣлуемъ
Улыбчивыхъ устъ.
Когда желаньемъ томнымъ я волнуемъ,
Весь мiръ тогда пусть!

Послѣдній разъ я вижу небо, травы,
Полетъ облаковъ.
Итти за сладостью любви отравы
Стою я готовъ.

Прощай, земля, прощайте, рощи, рѣки:
Не видѣть васъ вновь.
Я ужъ не вашъ, я вамъ чужой навѣки.
Я твой, о любовь!

Кладеть шляпу на траву и бросается въ бассейнъ.

Приходитъ дѣвушка, видитъ шляпу, смотритъ на воду, — и
будто поняла, въ чемъ дѣло.

ДЪВУШКА.

Не напрасно утромъ чесался глазъ:
Я видѣла милаго въ послѣдній разъ.

Какъ вчера прощался, сказалъ: «приду»,
Но тщетно сегодня его я жду.

Ужъ я знаю, знаю, что сбылся сонъ:
Въ водѣ глубокой утопился онъ.

И придется теперь лишь слезы лить:
Судьба не порвала мнѣ жизни нить!

Я сниму съ себя ленту, напишу, любя,
Какъ плачу я горько, потерявъ тебя.

Я повѣшу ее со шляпой на сукъ,
И всякій пойметъ, какъ былъ дорогъ мнѣ другъ.

Снимаетъ ленту и пишетъ:

«Все, что любила я, взяла могила,
И жизнь моя теперь течетъ уныло.

Остановись, прохожій человекъ,
Прибавь слезу твою къ слезѣ моей;
Изъ нашихъ слезъ появится ручей,
Ручей любви на долгій, долгій вѣкъ.

Все, что любила я, взяла могила,
И жизнь моя течетъ теперь уныло».

Вѣшаетъ ленту со шляпой на дерево и печально танцуетъ.

НИМФА.

Кто можетъ у Венерина колодца
Любви стрѣлой, любви стрѣлой не уколоться?

Любовь не знаетъ жалости,
Любовь—она зла:
Отъ всякой малости
Пронзаетъ стрѣла,

Она, какъ Аргусъ бдительный,
Замѣтитъ, любя,
Стрѣлою мстительной
Настигнетъ тебя.

Отъ стрѣль ея тщетно прятаться:
Вездѣ насъ найдеть,
И тщетно плакаться,
Когда ужъ уйдетъ.

Приходить къ намъ, нежданная.
Въ сіяніи лучей;
Уйдетъ — желанная,
Дорогой своей.

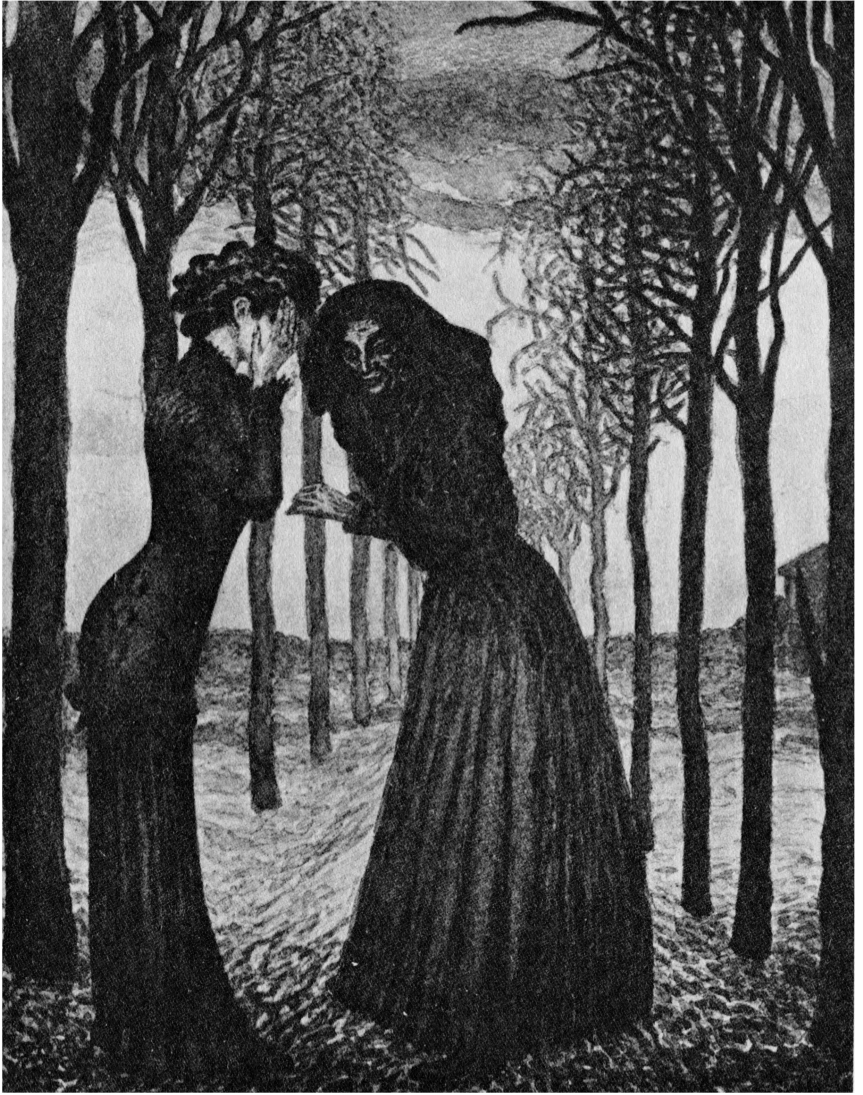
Ахъ, какъ достойны жалости
Любовные дни!
Отъ всякой малости
Пропадаютъ они.

Кто можетъ у Венерина колодца
Любви стрѣлой, любви стрѣлой не уколоться?

ОСЕНЬ

РИСУНОКЪ

Н. ТЕОФИЛАКТОВА.

III. ОСЕНЬ.

ПРОХОЖИЙ.

Наступаютъ осени румяные дни,
Печальную свѣтлость неся съ собой.
Зажигаются раньше въ окнахъ огни.
Яснѣ слышится волчій вой.

Мы идемъ, любившіе, дорогой своей,
Не считая дней, часовъ и минутъ,
Но желтѣютъ листья густыхъ вѣтвей:
Осенніе дни неожиданно идутъ.

Торопитесь любить: ясна лазурь,
Далеки грозы, вѣтеръ стихъ,
И далеки вьюги зимнихъ бурь:
Осенній день золотистъ и тихъ

Прохожу я мимо, не зримъ никѣмъ,
Кто хочетъ, слушаетъ пѣсню мою.
Никому не пою я, и пою я всѣмъ:
Я, мимо идя, для себя пою.

ДѢВУШКА.

Прощаясь, онъ такъ крѣпко цѣловался,
Что медальонъ съ цѣпочкой оборвался.
Я только плакала горько!

Всегда мы здѣсь по вечерамъ сидѣли
И слушали, какъ соловьи намъ пѣли!
Я только плакала горько!

Мы сѣли съ нимъ, гдѣ было больше тѣни,
И онъ склонился сладко на колѣни.
Я только плакала горько!

Онъ прошепталъ: «люблю тебя навѣки»,
И, скромно опустивши долу очи,
Я только плакала горько!

Съ тѣхъ поръ, когда сюда ни приходила,
Его любовь мнѣ память приводила.
Я только плакала горько!

СТАРУХА.

Осенью бываетъ дождь, лѣтомъ грозы,
Зимой не бываетъ.
Сердце тоскуетъ, любовь проливаетъ слезы,
Потомъ забываетъ.

Зимою всѣ воды: озера, ручьи и рѣки
Замерзають.
Уста клянутся быть вѣрнымъ навѣки,
Потомъ забываютъ.

Осень смѣняется зимою, весна—лѣтомъ,
Всегда такъ бываетъ.
Похвастается франтикъ моднымъ жилетомъ,
Потомъ забываетъ.

Купить мать ребенку, шалуну, игрушку,
Его забавляетъ,
Но, бросивъ игрушку, засмотрится онъ на летящую мушку,
И ту забываетъ.

Теперь вотъ сплю я и во снѣ ужъ вижу,
Чего не бываетъ,
Кому сдѣлаю добро, кого обижу,
Все умъ забываетъ.

ПРОХОЖІЙ.

Собранъ въ житницы хлѣбъ, выжатъ сокъ винограда,
Осень богатая, пьяная, прибыли рада.

Солнца, веселье, тепло въ винныхъ бочкахъ уносятъ,
Снова дастся оно, когда запросятъ.

Добрыя жатели, вы, виноградари, ждите веселья:
Дали надолго вы намъ радость похмѣлья.

Вы, уносящіе жаръ любви въ сердца горячемъ,
Осени дни вы не встрѣтите жалкимъ плачемъ.

Мудро собрали вы грозди любви минувшимъ лѣтомъ,
Долго пѣниться будутъ въ сердцѣ согрѣтомъ.

Мимо иду я дорогой, мимо иду я сторонкой,
Кто захочетъ, услышитъ голосъ незвонкій.

ЗИМА

РИСУНОКЪ

С. СУДЕЙКИНА.

IV. ЗИМА.

ПРИВРАТНИЦА.

Скованы холодомъ зимнимъ озера и воды ручныя,
Ярко трещать очаги, приглашая прохожихъ.
Время любви улетѣло съ веселыхъ зеленыхъ лужаекъ,
Пѣсни умолкли въ прибрежныхъ рощахъ кудрявыхъ.
Царство Аида на память приводитъ холодное время,
Царство тѣней безъ любви, безъ радости свѣтлой.
Ахъ, какъ далеки ручьи, веселыя роши,
Пѣснь пастуха, легкая поступь женщинъ!
Кровь какъ вода холодѣетъ въ стынущихъ жилахъ зимою,
Снѣгъ замерзаетъ на яркихъ устахъ у прохожихъ,

Робко стучатся они въ закрытыя двери чужія;
Скучно выпускаетъ хозяинъ иззябшаго гостя.
Солнце поздно встаетъ и рано ложится зимою,
Длинная ночь насъ долго держитъ въ постеляхъ.
Время прогулокъ, улыбокъ, нѣжной любви отлетѣло,
Хмуро глядитъ сквозь замерзшее, Хлоя, окошко.
Долго ли будешь дрожать подъ тяжелою зимней одеждой?
Долго ли будешь съ любовникомъ нѣжнымъ въ разлукѣ?

ПОЭТЪ.

Не самъ ли сердце я сковалъ зимой?
Не самъ ли сдѣлалъ я свой домъ тюрьмой?

Не самъ ли я сказалъ любви «прощай.
Не прилетай, пока не будетъ май!»

Любовь стучится въ дверь, какъ поздній гость,
И сердце снова гнется словно трость:

Оно горитъ и бьется; не хотя, -
Его пронзило дивное дитя.

Онъ спить, мой гость, въ передразвѣтнѣй часъ,
Звѣзда блѣдна, какъ меркнушій топазъ;

Не мнѣ будить его, проснется самъ,
Открывши двери новымъ чудесамъ.

Я жду, я жду: мнѣ страхъ вздымаетъ грудь
Не уходи, мой гость: побудь, побудь.

АМУРЬ.

Мой чуткій слухъ пронзилъ пѣтухъ,
Хитонъ мой сухъ, очагъ потухъ,
И снова весель бодрый духъ.

И цѣль мой лукъ, какъ прежде тугъ,
Покоренъ власти тѣхъ же рукъ,
Чтобъ снова друга ранилъ другъ.

Прими, хозяинъ, нѣжный даръ,
Отплата ночи—тотъ ударъ!
Кто сердцемъ старъ, вновь чуетъ жаръ.

АМУРЪ И ПОЭТЪ.

Снова сердце бьется тревогою,
Потемнѣло, не вижу дня.
Куда ведешь ты темной дорогою?
— Люби меня!

Я пронзенъ стрѣлою нѣжною,
Умираю отъ огня.
Куда ведешь ты дорогой снѣжною?
— Люби меня!

Никого въ пути не встрѣтится,
Воетъ вьюги воркотня.
Чья любовь въ концѣ засвѣтится?
— Люби меня!

ПРИВРАТНИЦА.

Всѣхъ впуская, выпуская,
Дней, ночей не досыпая,
Я, привратница, стояла
И ключи въ рукахъ держала, —
А любовь прошла тайкомъ.

Обгоняя, догоняя,
Всѣ бѣгутъ, цвѣты роняя.
Я, привратница, смотрѣла,—
Окликать ихъ не хотѣла:
«Пусть бѣгутъ себѣ рядкомъ!»

Кто увитый, кто забытый,
Кто въ снѣгу лежитъ убитый,
Я, привратница, считаю,
Поцѣлуй примѣчаю,
Томнымъ вздохамъ ихъ внемлю.

Двери всѣ ли заскрипѣли,
Всѣ ли смѣли, кто хотѣли?
Я, привратница, глухая,
Не слышала, считая,
Кто изъ нихъ сказалъ «люблю».

Опустила, пропустила,
Знать, зимы пропала сила!
Я, привратница, стояла
И ключи въ рукахъ держала,—
А любовь прошла тайкомъ.

М. К У З М И Н

С Е Т И

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

П Е Т Р О П О Л И С
П Е Т Е Р В У Р Г — Б Е Р Л И Н
1 9 2 3

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу дэнди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России „Магомета“
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,

умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою ;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платье
и выдающие своих детей полчаса в сутки ;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину —
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
любит вас ;
и вот все вы :
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

Май. 1907 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

П. К. МАСЛОВУ

I

ЛЮБОВЬ ЭТОГО ЛЕТА

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад,

Твой нежный взор лукавый и манящий, —
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как „Свадьба Фигаро“.

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душевных,
Веселой легкости бездумного житья!
Ах, верен я, далек чудес послушных
Твоим цветам, веселая земля!

Глаз змеи, змеи извивы,
Пестрых тканей переливы,
Небывалость знойных поз...
То бесстыдны, то стыдливы,
Поцелуев все отливы,
Сладкий запах белых роз...

Замиранье, обниманье,
Рук змеистых завиванье
И искусный трепет ног...
И искусное лобзанье,
Легкость близкого свиданья
И прощанье чрез порог.

Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами,
Вы пронзаете стрелами горькими,
Горькими стрелами, стами.

Расцветете улыбками бойкими
Светлыми весенними кустами,
Будто ласка перстами легкими,
Легкими милыми перстами.

Пилигрим, разбойник ли дерзостный —
Каждый поцелуй к вам доходит.
Антиной, Ферсит ли мерзостный —
Каждый свое счастье находит.

Поцелуй, что к вам прикасается,
Крепкою печатью ложится,
Кто устам любимым причащается
С прошлыми со всеми роднится.

Взгляд мольбы, на иконе оставленный,
Крепкими цепями там ляжет:
Древний лик, мольбами прославленный,
Цепью той молящихся вяжет.

Так идешь местами ты скользкими,
Скользкими, святыми местами. —
Ах, уста целованные столькими,
Столькими другими устами.

Умывались, одевались,
После ночи целовались,
После ночи, полной ласк.
На сервизе лиловатом,
Будто с гостем, будто с братом
Пили чай не снявши маск.

Наши маски улыбались,
Наши взоры не встречались
И уста наши немые.
Пели „Фауста“, играли,
Будто ночи мы не знали,
Те, ночные, те — не мы.

Из поднесенной некогда корзины
Печально свесилась сухая роза,
И пели нам ту арию Розины:
„Io sono docile, io sono rispettosa“.

Горели свечи, теплый дождь чуть слышен
Стекал с деревьев, наводя дремоту,
Пезарский лебедь, сладостен и пышен,
Венчал малейшую весельем ноту.

Рассказ друзей о прожитых скитаньях,
Спор изощренный, где ваш ум витает.
А между тѣм в напрасных ожиданиях
Мой нежный друг один в саду блуждает.

Ах, звуков Моцарта светлы лобзанья,
Как дали Рафаэлева „Парнаса“,
Но мысли не прогнать им, что свиданья
Я не имел с четвертого уж часа.

Зачем луна, поднявшись, розовеет,
 И ветер веет, теплой неги полн.
 И челн не чует змейной зыби волн,
 Когда мой дух все о тебе говеет?

Когда не вижу я твоих очей,
 Любви ночей воспоминанья жгут —
 Лежу—и тут ревниво стерегут
 Очарованья милых мелочей.

И мирный вид реки в изгибах дальних
 И редкие огни неспящих окон,
 И блеск изломов облачных волокон
 Не сгонят мыслей, нежных и печальных.

Других садов тенистые аллеи —
 И блеск неверный утренней зари...
 Огнем последним светят фонари...
 И милой резвости любовные затеи...

Душа летит к покинутым забавам,
 В отварах легких крепкая есть нить,
 И аромата роз не заглушить
 Простым и кротким сельским, летним травам.

Мне не спится: дух томится,
Голова моя кружится
И постель моя пуста, —
Где же руки, где же плечи,
Где ж прерывистые речи
И любимые уста?..

Одеяло обвивало,
Тело знойное пылало,
За окном чернела ночь...
Сердце бьется, сухи руки.
Отогнать любовной скуки
Я не в силах, мне не в мочь...

Прижимались, целовались,
Друг со дружкой сплетались,
Как с змеею паладин...
Уж в окно запаха мята,
И подушка вся измята,
И один я, все один...

Каждый вечер я смотрю с обрывов
На блестящую вдали поверхность вод;
Замечаю, какой бежит пароход:
Каменский, Волжский или Любимов.
Солнце стало совсем уж низко,
И пристально смотрю я всегда,
Есть ли над колесом звезда,
Когда пароход проходит близко.
Если нет звезды — значит, почтовый,
Может письма мне привезти.
Спешу к пристани вниз сойти,
Где стоит уже почтовая тележка готовой.
О, кожаные мешки с большими замками,
Как вы огромны, как вы тяжелы!
И неужели нет писем от тех, что мне милы,
Которые бы они написали своими дорогими руками?
Так сердце бьется, так ноет сладко,
Пока я за спиной почтальона жду,
И не знаю, найду письмо, или не найду,

И мучит меня эта дорогая загадка.
О, дорога в гору уже при звездах.
Одному, без письма!
Дорога — пряма.
Горят редкие огни, дома в садах, как в гнездах.
А вот письмо от друга: „Всегда вас вспоминаю,
Будучи с одним, будучи с другим“.
Ну что ж, каков он есть, таким
Я его и люблю и принимаю.
Пароходы уйдут с волнами,
И печально гляжу во след им я —
О, мои милые, мои друзья,
Когда же опять я увижусь с вами?

Сижу, читая я сказки и были,
 Смотрю в старых книжках умерших портреты,
 Говорят в старых книжках умерших портреты:
 „Тебя забыли, тебя забыли“...

— Ну, что же делать, что меня забыли,
 Что тут поможет, старые портреты? —
 И спрашивал, что поможет, старые портреты,
 Угрозы ли, клятва ль, мольбы ли?

„Забудешь и ты целованные плечи,
 Будь, как мы, старым влюбленным портретом:
 Ты можешь быть хорошим влюбленным портретом
 С томным взглядом, без всякой речи“.

— Я умираю от любви безмерной!
 Разве вы не видите, милые портреты? —
 „Мы видим, мы видим“, — молвили портреты,
 „Что ты — любовник верный, верный и примерный?“

Так читал я, сидя, сказки и были,
 Смотря в старых книжках умерших портреты.
 И не жалко мне было, что шептали портреты:
 „Тебя забыли, тебя забыли“.

Я изнемог, я так устал.
 О чем вчера еще мечтал
 Вдруг потеряло смысл и цену.
 Я не могу уйти из плену
 Одних лишь глаз, одних лишь плеч,
 Одних лишь нежно-страстных встреч.

Как раненый, в траве лежу,
 На месяц молодой гляжу.
 Часов протяжных перемена,
 Любви все той же — не измена.
 Как мир мне чужд, как мир мне пуст,
 Когда не вижу милых уст!

О радость сердца, о любовь,
 Когда тебя увижу вновь?
 И вновь пленительной отравой
 Меня насытит взор лукавый,
 И нежность милых прежних рук
 Опять вернет мне верный друг?

Лежу и мыслю об одном:
 Вот дальний город, вот наш дом,
 Вот сад, где прыгают гимнасты,
 Куда сходились мы так часто,
 О милый дом!.. о твой порог!
 Я так устал, так изнемог...

Ничего, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Скоро, скоро этот город я покину,
Перестану видеть скучную картину.

Я оставшиеся дни, часы считаю,
Не пишу уж, не гуляю, не читаю.

Скоро в путь, — так уж не стоит приниматься.
Завтра утром, завтра утром собираться!

Долгий путь, ты мне несносен и желанен,
День от'езда, как далек ты, как ты странен!

И стремлюсь я, и пугаюсь, и робею,
В близость нежной встречи верить я не смею

Промелькнут луга, деревни, горы, реки,
Может-быть, уж не увижу их во веки.

Ничего-то я не вижу и не знаю, —
Об очах, устах любимых лишь мечтаю.

Сколько нежности в разлуке накоплю я —
Столь сильнее будет сладость поцелуя.

И я рад, что мелкий дождь смочил одежду;
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуче мне звучит:
„Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук“.

Сплю тревожно; в чутком сне
Милый друг все снится мне:
Вот прощанье, вот пожатья,
Снова встреча, вновь об'яття
И разлукой стольких дней
Час любви еще сильней.

Под окошком я лежу
И в окно едва гляжу.
Берега бегут игриво,
Будто Моцарта мотивы,
И в разрывы светлых туч
Мягко светит солнца луч

Я от счастья будто пьян.
Все милы мне: капитан,
Пассажиры и матросы,
Лишь дорожные расспросы
Мне страшны, чтобы мой ум
Не утратил ясных дум.

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуке мне звучит:
„Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук“.

1906. Июнь—Август

II

ПЕРВАЯ ПОВЕСТЬ

МОЙ ПОРТРЕТ

Любовь водила Вашу рукою,
Когда писали этот Вы портрет,
Ни от кого лица теперь не скрою,
Никто не скажет: „не любил он, нет“.

Клеймом любви навек запечатленны
Черты мои под Вашу рукою;
Глаза глядят, одной мечтой плененны,
И беспокоен мертвый их покой.

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.
Не поразит мой слух ни гром, ни трубы,
Ни тихий зов куда-то в край иной.

Лишь слышу голос Ваш, о Вас мечтаю,
На Вас направлен взгляд недвижных глаз.
Я пламенею, холодею, таю,
Лишь приближаясь к Вам, касаясь Вас,

И скажут все, забывши о запрете,
Смотря на смуглый, томный мой овал:
„Одним любовь водила при портрете —
Другой — его любовью колдовал“.

В ТЕАТРЕ

Переходы, корридоры, уборные,
Лестница витая, полутемная;
Разговоры, споры упорные,
На дверях занавески нескромные.

Пахнет пылью, скипидаром, белилами,
Издали доносятся овации,
Балкончик с шаткими перилами,
Чтоб смотреть на полу декорации.

Долгие часы ожидания,
Болтовня с маленькими актрисами,
По уборным, по фойе блуждание,
То в мастерской, то за кулисами.

Вы придете совсем неожиданно,
Звонко стуча по корридору —
О, сколько значенья придано
Походке, улыбке, взору!

Сладко быть при всех поцелованным.
С приветом, казалось бы, бездушным,
Сердцем внимать окованным
Милым словам равнодушным.

Как люблю я стены посыревшие
Белого зрительного зала,
Сукна на сцене серевшие,
Ревности жало!

НА ВЕЧЕРЕ

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились от общего гама.

Я играл Вам свои „Куранты“,
Поминутно скрипели двери,
Приходили модницы и франты.

Я понял Ваших глаз намеки,
И мы вместе вышли за двери,
И все нам вдруг стали далеки.

У рояля толстая дама осталась,
Франты стадом толпились у двери,
Тонкая модница громко смеялась.

Мы взошли по лестнице темной,
Отворили знакомые двери,
Ваша улыбка стала более томной.

Занавесились любовью очи,
Уже другие мы заперли двери...
Если б чаще бывали такие ночи!

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Целый день проведем мы сегодня вместе!
Трудно верить такой радостной весте!
Вместе будем ездить, ходить друг за другом следом:
Вы — в своей голландской шапке, с пледом.
Вместе визиты, — на улицах грязно..
Так любовно, так пленительно-буржуазно!
Мы верны правилам веселого быта —
И „Шабли во льду“ нами не позабыто.
Жалко, что Вы не любите „Вены“,
Но отчего трепещу я какой-то измены?
Вы сегодня милы, как никогда не бывали,
Лучше Вас другой отыщется едва ли.
Приходите завтра, приходите с Сапуновым —
Милый друг, каждый раз Вы мне кажетесь новым!

КАРТОННЫЙ ДОМИК

Мой друг уехал без прощанья,
 Оставив мне картонный домик.
 Милый подарок, ты — намек или предсказанье?
 Мой друг — бездушный насмешник или нежный
 комик?

Что делать с тобою, странное подношенье?
 Зажгу свечу за окнами из цветной бумаги.
 Не сулишь ли ты мне радости рожденье?
 Не близки ли короли-маги?
 Ты — легкий, разноцветный и прозрачный,
 И блестяшь, когда я огонь в тебе зажигаю.
 Без огня ты — картонный и мрачный:
 Верно ли я твой намек понимаю?
 А предсказание твое — такое:
 Взойдет звезда, придут волхвы с золотом, лада-
 ном и смирной.

Что же это может значить другое,
 Как не то, что пришлют нам денег, достигнем
 любви, славы всемирной?

НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ

Я знаю, что у васъ такіе нравы:
Уехать не простясь, вернуться тайно,
Вамъ любо поступать необычайно, —
Но как Вам не сказать, что Вы не правы?

Быть в том же городе, так близко, близко —
И не видать, не слышать, не касаться,
Раз двадцать в день к швейцару вниз спускаться.
Смотреть, пришла ль столь жданная записка.

Нет, нет и нет! чужие ходят с Вами
И говорят, и слышат без участия
То, что меня ввергало-б в трепет счастья,
И руку жмут бездушными руками.

Извозчикам, актерам, машинистам —
Вы всем открыты, все Вас могут видеть,
Ну, что ж, любви я не хочу обидеть:
Я буду терпеливым, верным, чистым.

МЕЧТЫ О МОСКВЕ

Розовый дом с голубыми воротами;
Шапка голландская с отворотами:

Милые руки, глаза неверные,
Уста любимые (неужели лицемерные?);

В комнате гардероб, кровать двуспальная,
Изъ окна мастерской видна улица дальняя;

В Вашей столовой с лестницей внутренней
Так сладко пить чай, или кофей утренний;

Вместе целые дни, близкие гости редкие,
Шум, смех, пенье, остроты меткие;

Вдвоем по переулкам снежным блуждания
Долгим поцелуем ночи начало и окончание.

УТЕШЕНИЕ

Я жалкой радостью себя утешу,
Купив такую шапку, как у Вас;
Ее на вешалку, вздохнув, повешу,
И вспоминать Вас буду каждый раз.

Свое увидя мельком отраженье,
Я удивлюсь, что я не вижу Вас,
И дорисует вмиг воображенье
Под шапкой взгляд неверных, милых глаз.

И проходя случайно по передней,
Я вдруг пленюсь несбыточной мечтой,
Я обольщусь какой-то странной бредней:
„Вдруг он приехал, в комнате уж той“.

Мне видится знакомая фигура,
Мне слышится Ваш голос — то не сон —
Но тотчас я опять пройду понуро,
Пустой мечтой на миг лишь обольщен.

И залу взглядом обведу пустую:
Увы, стеклом был лживый тот алмаз!
И лишь печально отворот целую
Такой же шапки, как была у Вас.

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

Сегодня целый день пробуду дома;
Я видеть не хочу чужих людей,
Владеет мною грустная истома,
И потерял я счет несчастных дней.

Морозно, ясно, солнце в окна светит,
Из детской слышен шум и смех детей;
Письмо, которому он не ответит,
Пишу я тихо в комнате своей.

Я посижу немного у Сережи,
Потом с сестрой, в столовой, у себя —
С минутой каждой Вы мне все дороже,
Забыв меня, презревши, не любя.

Читаю книгу я, не понимая,
И мысль одно и то же мне твердит:
„Далек зимой расцвет веселый Мая,
Разлукою любовь кто утвердит?“

Свет двух свечей не гонит полумрака,
Печаль моя — упорна и тупа.
И песенку пою я Далайрака
„Mon bien-aimé, hélas, ne revient pas!“

Вот ужин, чай, холодная котлета,
Ленивый спор домашних — я молчу;
И совершив обрядность туалета,
Скорей тушу унылую свечу.

ЭПИЛОГ

Что делать с вами, милые стихи?
Кончается, едва начавшись.
Счастливы все: невесты, женихи,
Покойник мертв, скончавшись.

В романах строгих ясны все слова,
В конце — большая точка;
Известно — кто Арман, и кто вдова,
И чья Элиза дочка.

Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека,
Над пропастью летит она вольней
Газели скока.

Слез не заметит на моем лице
Читатель плакса,
Судьбой не точка ставится в конце,
А только клякса.

1906—1907. Ноябрь—Январь

III

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

На берегу сидел слепой ребенок,
И моряки вокруг него толпились;
И улыбаясь он сказал: „Никто не знает,
Откуда я, куда иду и кто я
И смертный избежать меня не может,
Но и купить ничем меня нельзя.
Мне все равны: поэт, герой и нищий,
И сладость неизбежности неся,
Одним я горе, радость для других.
И юный назовет меня любовью,
Муж — жизнью, старец — смертью. Кто же я?“

1904

ЛЮБВИ УТЕХИ

К рассказу С. Ауслендера: „Вечер у г-на де-Севираж“

„Plaisir d'amour ne dure qu'un moment,
Chagrin d'amour dure toute la vie“

Любви утехи длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.
Как счастлив был я с милою Надиной
Как жадно пил я кубок томных нег!

Но ах! недолго той любви нежной
Мы собирали сладкие плоды:
Поток времен, насытый и мятежный,
Смыл на песке любимые следы.

На том лужке, где вместе мы резвились,
Коса скосила мягкую траву;
Венки любви, увы! они развились,
Надины я не вижу наяву.

Но долго после в томном жаре нег
Других красавиц звал в бреду Надиной.
Любви страданья длятся долгий век,
Любви утехи длятся миг единый.

1906. Ноябрь

СЕРЕНАДА

К рассказу С. Ауслендера „Корабельщики“

Сердце женщины — как море,
Уж давно сказал поэт.
Море, воле лунной вторя,
То бежит к земле, то нет.

То послушно, то строптиво,
Море — горе, море — рай;
Иль дремли на нем лениво,
Или снасти подбирай.

Кормщик опытный и смелый
Не боится тех причуд,
Держит руль рукой умелой
Там сегодня, завтра тут.

Что ему морей капризы, —
Ветер, буря, штиль и гладь?
Сердцем Биче, сердцем Лизы
Разве трудно управлять?

1907. Август

ФЛЕЙТА ВАФИЛЛА

К рассказу С. Ауслендера: „Флейта Вафилла“.

Флейта нежного Вафилла
Нас пленила, покорила,
Плен нам сладок, плен нам мил,
Но еще милей и слаще,
Если встречен в темной чаше
Сам пленительный Вафилл.

Кто ловчей в любовном лове:
Алость крови, тонкость брови?
Гроздя ль темные кудрей?
Жены, юноши и девы —
Все текут на те напевы.
Все к любви спешат скорей.

О, Вафилл, желает каждый
Хоть однажды страстной жажды
Сладко ярость утолить,
Хоть однажды, пламенея,
Позабиться, томно млея —
Рвися после жизни нить!

Но глаза Вафилла строги,
Без тревоги те дороги,
Где идет сама любовь.
Ты не хочешь, ты не знаешь,
Ты один в лесу блуждаешь,
Пусть других мятется кровь.

Ты идешь легко, спокоен.
Царь иль воин — кто достоин
Целовать твой алый рот?
Кто соперник, где предтечи,
Кто обнимет эти плечи,
Что лобзал один Эрот?

Сам в себе себя лобзая,
Прелесть Мая презирая,
Ты идешь и не глядишь.
Мнится: вот раскроешь крылья
И без страха, без усилья
В небо ясное взлетишь.

1907. Февраль

„Люблю“, сказал я не любя —
 Вдруг прилетел Амур крылатый
 И, руку взявши, как вожатый,
 Меня повлек во след тебя.

С прозревших глаз сметая сон
 Любви минувшей и забытой,
 На светлый луг, росой омытый,
 Меня неожиданно вывел он.

Чудесен утренний обман:
 Я вижу странно, прозревая,
 Как алость нежно-заревая
 Румянит смутно зыбкий стан;

Я вижу чуть открытый рот,
 Я вижу краску щек стыдливых
 И взгляд очей еще сонливых
 И шею тонкой поворот.

Ручей журчит мне новый сон,
 Я жадно пью струи живые —
 И снова я люблю впервые,
 Навеки снова я влюблен!

1907. Апрель

О, быть покинутым — какое счастье!
Какой безмерный в прошлом виден свет —
Так после лета — зимнее ненастье:
Все помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
Улыбка глаз, счастливых встречи две, —
Пусть теперь в пути темно и вязко,
Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
Иной есть путь — пустынен и широк.
О, быть покинутым — такое счастье!
Быть нелюбимым — вот горчайший рок.

1907. Сентябрь

Мы проехали деревню, отвели нам отвода,
 В свежем вечере прохлада, не мешают овода,
 Под горой внизу, далеко, тихо пенится вода.

Серый мох, песок и камни, низкий, редкий,
мелкий лес,
 Солнце тускло, сонно смотрит из-за розовых завес,
 А меж туч яснеет холод зеленеющих небес.

Ехать молча, сидя рядом, молча длинный, длин-
ный путь,
 Заезжать в чужие избы выпить чай и отдохнуть,
 В сердце темная тревога и тоски покорной муть.

Так же бор чернел в долине, как мы ездили
в скиты,
 То же чувство в сердце сиром полноты и пустоты,
 Так же молча, так же рядом, но сидел со мною ты.

И еще я вспоминаю мелкий лес, вершину гор,
В обе стороны широкий моря южного простор,
И каноника духовный, сладко-строгий разговор.

Так же сердце ныло тупо, отдаваясь и грустя,
Так же ласточки носились, землю крыльями чертя,
Так же воды были видны, в отдаленности блестя.

Память зорь в широком небе, память дальнего пути,
Память сердца, где смешались все дороги, все пути—
Отчего даже теперь я не могу от вас уйти?

1907. Июнь

При взгляде на весенние цветы,
желтые и белые,
милые своею простотой,
я вспоминаю Ваши щеки,
горящие румянцем зари
смутной и страстно тревожащей.

Глядя на быстрые речки,
пенящиеся, бурливые,
уносящие бревна и ветки,
дробящие отраженную голубизну небес,
думаю я о карих,
стоячих,
волнующих своею неподвижностью
глазах.

И следя по вечернему небу
за медленным трепетом
знамен фабричного дыма,
я вижу Ваши волосы
не развевающиеся,
короткие,
и даже еще более короткие,
когда я видел Вас последний раз.

Целую ночь, целый день
я слышу шум машин,
как биенье неустанного сердца,
и все утра, все вечера
меня мучит мысль о Вашем сердце,
которое, увы! бьется не для меня,
не для меня!

1907. Май

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В. А. НАУМОВ

I

РАКЕТЫ

Две маленькие звездочки
— век суетных маркиз

Валерий Брюсов

МАСКАРАД

Кем воспета радость лета:
Роша, радуга, ракета,
На лужайке смех и крик?
В пестроте огней и света
Под мотивы менуэта
Стройный фавн главой поник.

Что белеет у фонтана
В серой нежности тумана?
Чей там шепот, чей там вздох?
Сердца раны лишь обманы,
Лишь на вечер те тюрбаны —
И искусствен в гроте мох.

Запах грядок прян и сладок,
Арлекин на ласки падок,
Коломбина не строга.
Пусть минутны краски радуг,
Милый, хрупкий мир загадок,
Мне горит твоя дуга!

ПРОГУЛКА НА ВОДЕ

Сквозь высокую осоку
Серп серебряный блестит;
Ветерок, летя с востоку,
Вашей шалью шелестит.

Мадригалы Вам не лгали,
Вечность клятвы не суля,
И блаженно замирали
На высоком нежном Ia.

Из долины мандолины
Чу! звенящая струна,
Далеко из-за плотины
Слышно ржанье табуна.

Вся надежда — край одежды
Приподнимет ветерок,
И склонив лукаво вежды,
Вы покажете носок.

Где разгадка тайной складки
На роброне на груди?
На воде прогулки сладки —
Что-то ждет нас впереди?

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

Здесь страстью сладкою волнуясь и горя,
Меня спросили Вы, люблю ли.
Здесь пристань, где любовь бросает якоря,
Здесь счастье знал я в ясном июле.

ВЕЧЕР

Жарко-желтой позолотой заката
Стекла окон горят у веранды,
„Как плечо твое нежно покато!“
Я вздыхал, ожидая Аманды.

Ах, заря тем алей и победней,
Чем склоняется ниже светило —
И мечты о улыбке последней
Мне милее всего, что было.

О, прощанье на лестнице темной,
Поцелуй у вышитых кресел,
О, Ваш взор, лукавый и томный,
Одинокие всплески весел!

Пальцы рук моих пахнут духами,
В сладкий плен заключаю мне душу.
Губы жжет мне признание стихами,
Но секрета любви не нарушу.

Отплывать одиноко и сладко
Будет мне от пустынной веранды,
И в уме все милая складка
На роброне милой Аманды.

РАЗГОВОР

Маркиз гуляет с другом в цветнике
У каждого левкой в руке,
А в парнике
Сквозь стекла видны ананасы.

Ведут они интимный разговор,
С улыбкой взор встречает взор,
Цветной узор
Пестрит жилетов нежные атласы.

„Нам дал приют китайский павильон!“
В воспоминанья погружен,
Умолкнул он,
А тот левкой вдыхал с улыбкой тонкой.

— Любовью Вы, мой друг, ослеплены,
Но хрупки и минутны сны,
Как дни весны,
Как крылья бабочек с нарядной перепонкой.

Вернее дружбы связь, поверьте мне:
Она не держит в сладком сне,
Но на огне
Вас не томит желанием напрасным. —

„Я дружбы не забуду никогда —
Одна нас единит звезда;
Как и всегда
Я только с Вами вижу мир прекрасным!“

Слова пустые странно говорят,
Проходит тихо окон ряд,
А те горят,
И не видны за ними ананасы.

У каждого в руке левкоя цвет,
У каждого в глазах ответ,
Вечерний свет
Ласкает платья нежные атласы.

В САДУ

Их руки были приближены,
Деревья были подстрижены,
Бабочки сумеречные летали.

Слова все менее ясные,
Слова все более страстные
Губы запекшиеся шептали.

„Хотите знать Вы, люблю ли я,
Люблю ли, бесценная Юлия?
Сердцем давно Вы это узнали.“

— Цветок я видела палевый
У той, с кем все танцевали Вы,
Слепы к другим дамам в той же зале.

„Клянусь семейною древностью,
Что Вы обмануты ревностью —
Вас лишь люблю, забыв об Аманде!“

Легко сердце прелестницы,
Отлоги ступени лестницы —
К той же ведут они их веранде.

Но чьи там вздохи задушены?
Но кем их речи подслушаны?
Кто там выходит из-за боскета?

Муж Юлии то обманутый,
В жилет атласный затянутый —
Стекла блеснули его лорнета.

КАВАЛЕР

Кавалер по кабинету
Быстро ходит горд и зол,
Не напудрен, без жилету
И забыт цветной камзол.

„Вряд ли клятвы забывали
Так позорно, так шутя!
Так обмануто едва ли
Было глупое дитя.

Два удара сразу к ряду
Дам я, ревностью горя,
Эта шпага лучше яду,
Что дают аптекаря.

Время Вашей страсти ярость
Охладит, мой господин;
Пусть моя презренна старость,
Кавалер не Вы один.

Вызов, вызов, шпагу эту
Обнажаю против зол“.
Так ходил по кабинету
Не напудрен, горд и зол.

УТРО

Чуть утро настало, зà мостом сошлись,
Чуть утро настало, стада еще не паслись.

Приехало две кареты — привезло четверых,
Уехало две кареты — троих увезло живых.

Лишь трое слышало, как павший закричал,
Лишь трое видало, как кричавший упал.

А кто-то слышал, что он тихо шептал?
А кто-то видел в перстне опал?

Утром у моста коров пастухи пасли,
Утром у моста лужу крови нашли.

По траве росистой след от двух карет,
По траве росистой — кровавый след.

ЭПИТАФИЯ

Двадцатую весну, любя, он встретил,
В двадцатую весну ушел, любя.
Как мне молчать? как мне забыть тебя,
Кем только этот мир и был мне светел?

Какой Аттила, ах какой Аларих
Тебя пронзил, красою не пронзен?
Скажи, без трепета, как вынес он
Затменный взгляд очей прозрачно карих?

Уж не сказать умолкшими устами
Тех нежных слов, к которым я привык.
Исчез любви пленительный язык,
Погиб цветок, пленясь любви цветами.

Кто был стройней в фигурах менуэта?
Кто лучше знал цветных шелков подбор?
Чей был безукоризненной пробор? —
Увы, навеки скрылося все это.

Что скрипка, где оборвалася квинта?
Что у бессонного больного сон?
Что жизнь тому, кто новый Аполлон,
Скорбит над гробом свежим Гиацинта?

1907. Июль

II

ОБМАНЩИК ОБМАНУВШИЙСЯ

Туманный день пройдет уныло
И ясный наступает вслед,
Пусть сердце ночью все изныло,
Сажуся я за туалет.

Я бледность щек удвою пудрой,
Я тень под глазом наведу,
Но выраженья воли мудрой
Для жалких писем я найду.

Не будет вздохов, восклицаний,
Не будет там „увы“ и „ах“ —
И мука долгих ожиданий
Не засквозит в сухих строках.

Но на прогулку не оденусь,
Нарочно сделав томный вид
И говоря: „куда я денусь,
Когда любовь меня томит?“

И скажут все: „он лицемерит,
То жесты позы, не любви;“
Лишь кто сумеет, тот измерит,
Как силен яд в моей крови.

Вновь я бессонные ночи узнал
Без сна до зари,
Опять шептал
Ласковый голос: „умри, умри.“

Кончивши книгу, берусь за другую,
Нагнать ли сон?
Томясь тоскою,
Чем-то в несносный плен заключен.

Сто раз известную „Мапоп“ кончаю,
Но что со мной?
Конечно, от чаю
Это бессонница ночью злой. . .

Я не влюблен ведь, это верно,
Я — нездоров.
Вот тихо мерно
К ранней обедне дальний зов.

Вас я вижу, закрыв страницы,
Закрыв глаза;
Мои ресницы
Странная вдруг смочила слеза.

Я не люблю, я просто болен,
До самой зари
Лежу безволен,
И шепчет голос; „умри, умри!“

Строят дом перед окошком.
Я прислушиваюсь к кошкам,
Хоть не Март.
Я слежу прилежным взором
За изменчивым узором
Вещих карт.

„Смерть, любовь, болезнь, дорога“—
Предсказаний слишком много:
Где-то ложь.
Кончат дом, стасую карты,
Вновь придут Апрель, Марты —
Ну и что ж?

У печали на причале
Сердце скорби укачали
Не на век.
Будет дом весной готовым,
Новый взор найду под кровом
Тех же век.

Отрадно улетать в стремительном вагоне
От северных безумств на родину Гольдони,
И там на вольном лоне, в испытанном затоне,
Вздыхая, отдыхать;

Отрадно провести весь день в прогулках пестрых,
Отдаться в сети черт пленительных и острых,
В плену часов живых о темных, тайных сестрах,
Зевая, забывать;

В кругу друзей читать излюбленные книги,
Выслушивать отчет запутанной интриги,
Возможность, отложив условностей вериги,
Прямой задать вопрос;

Отрадно, овладев влюбленности волненьем,
Спокойно с виду чай с инбирным пить вареньем
И слезы сочетать с последним примиреньем
В дыму от папирос;

Но мне милей всего ночь долгую томиться,
Когда известная известную страницу
Покроет, сон нейдет смежить мои ресницы
И глаз все видит Вас;

И память — верная служанка — шепчет внятно
Слова признания, где все теперь понятно,
И утром брошены сереющие пятна,
И дня уж близок час.

Где сомненья? где томленья?
День рожденья, обрученья
Час святой!
С новой силой жизни милой
Отдаюсь, неуголимый,
Всей душой.
Вот пороги той дороги,
Где не шли порока ноги,
Где — покой.

Обручались, причащались,
Поцелуем обменялись
У окна.
Нѣжно строги взоры Ваши,
Полны, полны наши чаши —
Пить до дна.
А в окошко не случайный
Тайны друг необычайной —
Ночь видна.

Чистотою страсть покрою,
Я готов теперь для боя —
Щит со мной.
О, далече — легкость встречи!
Я беру ярмо на плечи —
Груз двойной.
Тот же я, но нежным взором
Преграждает путь к позорам
Ангел мой.

1907. Октябрь

III

РАДОСТНЫЙ ПУТНИК

Светлая горница — моя пещера,
Мысли — птицы ручные: журавли да аисты;
Песни мои — веселые акафисты;
Любовь — всегдашняя моя вера.

Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, светлое и печальное,
Я как одёжу на гвоздик повесил.

Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
Не трудно акафистов легких чтение.
Само приходит отрадное излечение
В комнате, озаренной солнцем не горячим.

Высоко окошко над любовью и тлением,
Страсть и печаль, как воск от огня, смягчаются.
Новые дороги, всегда весенние, чаются,
Простясь с тяжелым, темным томлением.

Снова чист передо мною первый лист,
Снова солнца свет лучист и золотист;

Позабита мной прочтенная глава,
Неизвестная заманчиво — нова.

Кто собрался в путь, в гостиннице не будь!
Кто проснулся, тот забудь видений муть!

Высоко горит рассветная звезда,
Что прошло, то не вернется никогда.

Веселей гляди, напрасных слез не лей,
Средь полей, между высоких тополей

Нам дорога наша видится ясна:
После ночи утро, после зим — весна.

А устав, среди зеленых сядем трав,
В книге старой прочитав остаток глав:

Ты — читатель своей жизни, не писец,
Неизвестен тебе повести конец.

Горит высоко звезда рассветная
Как око ясного востока,
И одинокая поет далеко
Свирель приветная.

Заря алеет в прохладной ясности,
Нежнее вдоха воздух веет,
Не млеет роща, даль светлеет
В святой прозрачности.

В груди нет жала и нету жалобы,
Уж спало скорби покрывало.
И где причало, от начала
Что удержало бы?

Вновь вереница взоров радостных
И птица райская мне снится.
Открыться пробил час странице
Лобзаний сладостных!

В проходной сидеть на диване,
Близко, рядом, плечо с плечом,
Не думая об обмане,
Не жалея ни о чем.

Говорить Вам пустые речи,
Слушать веселые слова,
Условиться о новой встрече
(Каждая встреча всегда нова!)

О чем-то молчим мы и что-то знаем,
Мы собираемся в странный путь.
Не печально, не весело, не гадаем —
Покуда здесь ты, со мной побудь.

Что приходит, то проходит,
Что проходит, не придет.
Чья рука нас верно водит,
Заплетая в хоровод?

Мы в плену ли потонули?
Жду ли, плачу ли, пою ли —
Счастлив я своей тюрьмой.
Милый пленный, страж смиренный,
Неизменный, иль изменный,
Я сегодня—твой, ты—мой.

Мы идем одной дорогой,
Мы полны одной тревогой.
Кто преступник? кто конвой?
А любовь, смеясь над нами,
Шьет нам пестрыми шелками,
Наклоняясь над канвой.

Вышивает и не знает,
Что-то выйдет из шитья.
„Как смешен, кто не гадает,
Что могу утешить я!“

Уж не слышен конский топот,
Мы одни идем в пути.
Что нам значит скучный опыт?
Все вперед, вперед идти.

Неизвестен путь далекий:
Приведет, иль заведет,
Но со мной не одинокий
Милый спутник путь пройдет.

Утро ясно и прохладно,
Путь — открыт, звезда горит,
Так любовно, так отрадно
Спутник милый говорит:

„Друг, ты знаешь ли дорогу?
Не боишься ль гор и вод?“
— Успокой, мой друг, тревогу:
Прямо нас звезда ведет.

Наши песни — не унылы:
Что нам знать? чего нам ждать?
Пусть могилы нам и милы,
Путь должны мы продолжать.

Мудро нас ведет рукою
Кто послал на этот путь.
Что я скрою? что открою?
О вчерашнем дне забудь.

Будет завтра, есть сегодня,
Будет лето, есть весна.
С корабля опустят сходни
И сойдет Любовь ясна.

1907. Ноябрь

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

I

МУДРАЯ ВСТРЕЧА

Стекла стынут от холода,
Но сердце знает,
Что лед растает —
Весенне будет и молодо.

Въ комнатах пахнет ладаном,
Тоска истает,
Когда узнает,
Как скоро дастся отрада нам.

Вспыхнет на ризах золото,
Зажгутся свечи
Желанной встречи —
Вновь цело то, что расколото.

Снегом блистают здания.
Провидя встречи,
Я теплю свечи —
Мудрого жду свидания.

О, плакальщики дней минувших,
Пытатели немой судьбы,
Искатели сокровищ потонувших, —
Вы ждете трепетно трубы?

В свой срок, бесстрастно неизменный,
Пробудит дали тот сигнал,
Никто бунтующий и мирный пленный
Своей судьбы не отогнал.

Река все та ж, но капли разны,
Безмолвны дали, ясен день,
Цвета цветов всегда разнообразны
И солнца свет сменяет тень.

Наш взор не слеп, не глухо ухо,
Мы внемлем пенью вешних птиц.
В лугах — тепло, предпразнично и сухо —
Не торопи своих страниц.

Готовься быть к трубе готовым,
Не сожелей и не гадай,
Будь мудро прост к теперешним оковам,
Не закрывая глаз на Май.

Окна плотно занавешены,
Келья тесная мила,
На весах высоких взвешены
Наши мысли и дела.

Дверь закрыта, печи топятся,
И горит, горит свеча.
Тайный друг ко мне торопится,
Не свища и не крича.

Стукнул в дверь, отверз об'ятия;
Поцелуй, и вновь, и вновь, —
Посмотрите, сестры, братия,
Как светла наша любовь!

Моя душа в любви не кается —
Она светла и весела.
Какой покой ко мне спускается!
Зажглися звезды без числа.

И я стою перед лампадами,
Смотря на близкий милый лик.
Не властен лед над водопадами,
Любовных вод родник велик.

Ах, нужен лик молебный грешнику
Как посох странничий в пути.
К кому, как не к тебе, поспешнику
Любовь и скорбь свою нести?

Но знаю вес и знаю меру я,
Я вижу близкие глаза,
И ясно знаю, сладко веруя:
„Тебе нужна моя слеза.“

Я вспомню нежные песни
И запою,
Когда ты скажешь: „воскресни“.

Я сброшу грешное бремя
И скорбь свою,
Когда ты скажешь: „вот время“.

Я подвиг великой веры
Свершить готов,
Когда позовешь в пещеры;

Но рад я остаться в мире
Среди оков,
Чтоб крылья раскрылись шире.

Незримое видит око
Мою любовь —
И страх от меня далеко.

Я верно хожу к вечерне
Опять и вновь,
Чтоб быть недоступней скверне.

О, милые други, дорогие костыли,
К какому раю хромца вы привели!

Стою, не смею ступить через порог —
Так сладкий облак глаза мне заволок.

Ах, я ли, темный, войду в тот светлый сад?
Ах, я ли, слабый, избегнул всех засад?

Один не в силах пройти свой узкий путь,
К кому в томленьи мне руки протянуть?

Рукою крепкой любовь меня взяла
И в сад пресветлый без страха провела.

Как отрадно, сбросив трепет,
Чуя встречи, свечи жечь,
Сквозь невнятный нежный лепет
Слышать ангельскую речь.

Без загадок разгадали,
Без возврата встречен брат;
Засияли нежно дали
Чрез порог небесных врат.

Темным я смущен нарядом,
Сердце билось, вился путь,
Но теперь стоим мы рядом,
Чтобы в свете потонуть.

Легче весеннего дуновения
Прикосновение
Пальцев тонких.
Громче и слаще мне уст молчание,
Чем величание
Хоров звонких.

Падаю, падаю, весь в горении,
Люто борение,
Крылья низки.
Пусть разделенные—вместе связаны,
Клятвы уж сказаны—
Вечно близки.

Где разделение? время? тление?
Наше хотение
Выше праха.
Встретим бестрепетно свет гоядущего
Мимойдущего
Чужды страха.

Двойная тень дней прошлых и грядущих
Легла на беглый и не ждущий день —
Такой узор бросает полднем сень
Двух сосен на верху холма растущих.

Одна и та она всегда не будет:
Убудет день и двинется черта,
И утро уж другой ее пробудит
И к вечеру она уже не та.

Но будет час, который непреложен,
Положен в мой венец он, как алмаз,
И блеск его не призрачен, не ложен —
Я правлю на него свой зоркий глаз.

То не обман, я верно, твердо знаю:
Он к раю приведет из темных стран.
Я видел свет, его я вспоминаю —
И все редет утренний туман.

1907. Декабрь

VICTORI DICI

II

ВОЖАТЫЙ

Я цветы собираю пестрые
И плету, плету венок,
Опустились копыта острые
У твоих победных ног.

Сестры вертят веретенами
И прядут, прядут кудель.
Над упавшими знаменами
Разостлался дикий хмель.

Пронеслась, исчезла конница,
Прогремел, умолкнул гром.
Пала, пала беззаконница —
Тишина и свет кругом.

Я стою средь поля сжатого.
Рядом ты в блистаньи лат.
Я обрел себе Вожатого —
Он прекрасен и крылат.

Ты пойдешь стопою смелою,
Поведешь на новый бой.
Что захочешь — то и сделаю:
Неразлучен я с тобой.

„Лето Господнее — благоприятно.“
Всходит гость на высокое крыльцо.
Все откроется, что было непонятно.
Видишь в чертах его знакомое лицо?

Нам этот год пусть будет высокосным,
Белым камнем отмечен этот день.
Все пройдет, что окажется наносным.
Сядет путник под сладостную сень.

Сердце вешее мудро веселится:
Знает, о знает, что близится пора.
Гость надолго в доме поселится,
Свет горит до позднего утра.

Сладко вести полночные беседы
Слышит любовь небесные слова.
Утром вместе пойдем мы на победы —
Меч будет остр, надежна тетива.

Пришел издалека жених и друг.
Целую ноги твои!
Он очертил вокруг меня свой круг.
Целую руки твои!

Как светом отделен весь внешний мир.
Целую латы твои!
И не влечет меня земной кумир.
Целую крылья твои!

Легко и сладостно любви ярмо.
Целую плечи твои!
На сердце выжжено твое клеймо.
Целую губы твои!

Взойдя на ближнюю ступень,
Мне зеркало вручил Вожатый;
Там отражался он как тень,
И ясно золотели латы;
А из стекла того струился день.

Я дар его держал в руке,
Идя по темным корридорам.
К широкой выведен реке,
Пытливым вопрошал я взором,
В каком нам переехать челноке.

Сжав крепко руку мне, повел
Потоком быстрым и бурливым
Далеко от шумящих сел
К холмам спокойным и счастливым,
Где куст блаженных роз, алея, цвел.

Но ярости пугаясь вод,
Я не дерзал смотреть обратно;
Казалось, смерть в пучине ждет,
Казалось гибель — неотвратна.
А все темнел вечерний небосвод.

Вожатый мне: „о друг, смотри —
Мы обрели страну другую.
Возврата нет. Я до зари
С тобою здесь переночую“.
(О сердце мудрое, гори, гори!)

„Стекло хранит мои черты;
Оно не бьется, не тускнеет.
В него смотря, обрящешь ты
То, что спасти тебя сумеет
От диких волн и мертвой темноты“.

И пред сиянием лица
Я пал, как набожный скиталец.
Минуты длились без конца.
С тех пор я перстень взял на палец,
А у него не видел я кольца.

Пусть сотней грех вонзался жал,
Пусть —недостоин,
Но светлый воин меня лобзал —
И я спокоен.

Напрасно бес твердит: „приди:
Ведь риза—драна!“
Но как охрана горит в груди
Блаженства рана.

Лобзаний тех ничем не смыть,
Навеки в жилах;
Уж я не в силах как мертвый быть
В пустых могилах.

Воскресший дух неумертвим,
Соблазн напрасен.
Мой вожь прекрасен, как серафим,
И путь мой—ясен.

Одна нога — на облаке, другая на другом
И радуга очерчена пылающим мечем.

Лицо его как молния, из уст его — огонь.
Внизу, к копыту привязанный, храпит и бьется конь.

Одной волной взметнулася морская глубина,
Все небо загорелось, как Божья купина.

„Но кто ты, воин яростный? тебя ли вижу я?
Где взор твой, кроткий сладостный, как тихая струя?

Смотри, ты дал мне зеркало, тебе я обручен,
Теперь же морем огненным с тобою разлучен.“

Так я к нему, а он ко мне: „смотри, смотри в стекло.
В один сосуд грядущее и прошлое стекло.“

А в зеркале попрежнему знакомое лицо.
И с пальца не скатилось обетное кольцо.

И поднял я бестрепетно на небо ясный взор —
Не страшен, не слепителен был пламенный простор.

И лик уж не пугающий мне виделся в огне,
И клятвам верность прежняя вернулася ко мне.

С тех пор всегда я не один,
Мои шаги всегда двойные,
И знаки милости простые
Дает мне Вождь и Господин.
С тех пор всегда я не один.

Пуškai не вижу блеска лат,
Всегда твой образ зреть не смею—
Я в зеркале его имею,
Он так же светел и крылат.
Пуškai не вижу блеска лат.

Ты сам вручил мне этот дар,
И твой двойник не самозванен,
И жребий наш для нас не странен—
О ту броню скользнет удар.
Ты сам вручил мне этот дар.

Когда иду по строкам книг,
Когда тебе слагаю пенье,
Я знаю ясно, вне сомненья,
Что за спиною ты приник,
Когда иду по строкам книг.

На всякий день, на всякий час—
Тебя и дар твой сохраняю,
Двойной любовью я сгораю,
Но свет один из ваших глаз
На всякий день, на всякий час.

1908. Январь

III
СТРУИ

Сердце, как чаша наполненная, точит кровь;
Алой струею неиссякающая течет любовь;
Прежде исполненное приходит вновь.

Розы любви расцветающие видит глаз.
Пламень сомненья губительного исчез, погас,
Сердца зывающего горит алмаз.

Звуки призыва томительного ловит слух.
Время свиданья назначенного пропел петух.
Лёта стремительного исполнен дух.

Слабостью бледной охваченного подниму.
Светом любви враждующую развею тьму.
Силы утраченные верну ему.

Истекай, о сердце, истекай!
Расцветай, о роза, расцветай!
Сердце, розой пьяное, трепещет.

От любви сгораю, от любви;
Не зови, о милый, не зови:
Из-за розы меч грозящий блещет.

Огради, о сердце, огради.
Не вреди, меч острый, не вреди:
Опустишь на голубую влагу.

Я беду любовью отведу,
Я приду, о милый, я приду
И под меч с тобою вместе лягу.

На твоей планете всходит солнце,
И с моей земли уходит ночь.
Между нами узкое оконце,
Но мы время можем превозмочь.

Нас связали крепкими цепями,
Через реку переброшен мост.
Пусть идем мы разными путями —
Непреложен наш конец и прост.

Но смотри, я — цел и не расколот,
И бесслезен стал мой зрящий глаз.
И тебя пусть не коснется молот,
И в тебе пусть вырастет алмаз.

Мы пройдем чрез мир как Александры,
То, что было, повторится вновь,
Лишь в огне летают саламандры,
Не сгорает в пламени любовь.

Я вижу — ты лежишь под лампадой;
Ты видишь — я стою и молюсь.
Окружил я тебя оградой
И теперь не боюсь.

Я слышу — ты зовешь и вздыхаешь,
Ты слышишь мой голос: „иду“.
Ограды моей ты не знаешь
И думаешь, вот приду.

Ты слышишь звуки сонаты
И видишь свет свечей,
А мне мерещатся латы
И блеск похожих очей.

Ты знал, зачем протрубили трубы,
Ты знал, о чем гудят колокола, —
Зачем же сомкнулись вещие губы
И тень на чело легла?

Ты помнишь, как солнце было красно
И грудь вздымал небывалый восторг, —
Откуда ж спустившись, сумрак неясный
Из сердца радость исторг?

Зачем все реже и осторожней
Глядишь, опустивши очи вниз?
Зачем все чаще плащ дорожный
Кроет сиянье риз?

Ты хочешь сказать, что я покинут?
Что все собралися в чуждый путь?
Но сердце шепчет: „разлуки минут:
Светел и верен будь“.

Как меч мне сердце прободал,
Не плакал, умирая.
С весельем нежным сладко ждал
Обещанного рая.

Палящий пламень грудь мне жег,
И кровь, вся голубая.
Вблизи дорожный пел рожок,
„Вперед, вперед“ взывая.

Я говорил: „бери, бери!
Иду! Лечу! с тобою!“
И от зари и до зари
Стекала кровь струею.

Но к алой ране я привык.
Как прежде истекаю,
Но нем влюбленный мой язык.
Горю, но не сгораю.

Ладана тебе не надо:
Дым и так идет из кадила.
Не даром к тебе приходила
Долгих молитв отрада.

Якоря тебе не надо:
Ты и так спокоен и верен.
Не нами наш путь измерен
До небесного града.

Слов моих тебе не надо:
Ты и так все видишь и знаешь,
А меч мой в пути испытаеть,
Лишь встанет преграда.

Ты как воск, окрашенный пурпуром, таешь,
Изранено стрелами нежное тело.
Как роза сгораешь, сгорая не знаешь,
Какое сиянье тебя одело.

Моя кровь пусть станет прохладной водою,
Дыханье пусть станет воздухом свежим!
Дорогой одною идем с тобою,
Никак мы цепи своей не разрежем.

Вырываю сердце, паду бездушен! —
Угасни, утихни, пожар напрасный!
Пусть воздух душен, запрет нарушен:
Мы выйдем целы на берег ясный.

Если мне скажут: „ты должен итти на мученье“, —
С радостным пеньем взойду на последний костер, —
Послушный.

Если б пришлось навсегда отказаться от пенья,
Молча под нож свой язык я и руки б простер, —
Послушный.

Если б сказали: „лишен ты навеки свиданья“, —
Вынес бы эту разлуку, любовь укрепив, —
Послушный.

Если б мне дали последней измены страданья,
Принял бы в плаваньи долгом и этот пролив, —
Послушный.

Если ж любви между нами поставят запрет,
Я не поверю запрету и вымолвлю: „нет“.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Н. П. ФЕОФИЛАКТОВУ

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ

I

ВСТУПЛЕНИЕ

Как песня матери
над колыбелью ребенка,
как горное эхо,
утром на пастуший рожок отозвавшееся,
как далекий прибой
родного, давно не виденного моря
звучит мне имя твое
трижды блаженное:
 Александрия!

Как прерывистый шепот
любовных под дубами признаний,
как таинственный шум
тенистых роц священных,
как тамбурин Кибелы великой,
подобный дальнему грому и голубей воркованью,
звучит мне имя твое
трижды мудрое:
 Александрия!

Как звук трубы перед боем,
клекот орлов над бездной,
шум крыльев летящей Ники
звучит мне имя твое
трижды великое:
 Александрия!

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: Александрия“,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую „осу“,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: Александрия!“

Вечерний сумрак над теплым морем,
огни маяков на потемневшем небе,
запах вербены при конце пира,
свежее утро после долгих бдений.
прогулка в аллеях весеннего сада,
крики и смех купающихся женщин,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фиалок, гранат и лимонов,
воркуют голуби, светит солнце,
когда увижу тебя, родимый город!

II

ЛЮБОВЬ

Когда я тебя в первый раз встретил,
не помнит бедная память:
утром ли то было, днем ли,
вечером, или позднюю ночью.
Только помню бледноватые щеки,
серые глаза под темными бровями
и синий ворот у смуглой шеи,
и кажется мне, что я видел это в раннем детстве,
хотя и старше тебя я многим.

Ты — как у гадателя отрок:
все в моем сердце читаешь,
все мои отгадываешь мысли,
все мои думы знаешь,
но знанье твое тут не велико
и не много слов тут и нужно,
тут не надо ни зеркала ни жаровни:
в моем сердце, мыслях и думах
все одно звучит разными голосами:
„люблю тебя, люблю тебя на веки!“

Наверно в полдень я был зачат,
наверно родился в полдень,
и солнца люблю я с ранних лет
лучистое сиянье.

С тех пор, как увидел я глаза твои,
я стал равнодушен к солнцу:
зачем любить мне его одного,
когда в твоих глазах их двое?

Люди видят сады с домами
и море багровое от заката,
люди видят чаек над морем
и женщин на плоских крышах,
люди видят воинов в латах
и на площади продавцов с пирожками,
люди видят солнце и звезды,
ручьи и светлые речки,
а я везде только и вижу
бледноватые смуглые щеки,
серые глаза под темными бровями
и несравнимую стройность стана, —
так глаза любящих видят
то, что видеть велит им мудрое сердце.

Когда утром выхожу из дома,
я думаю, глядя на солнце:
„как оно на тебя похоже,
когда ты купаешься в речке,
или смотришь на дальние огороды!“
И когда смотрю я в полдень жаркий
на то же жгучее солнце,
я думаю про тебя, моя радость:
„как оно на тебя похоже,
когда ты едешь по улице людной!“
И при взгляде на нежные закаты
ты же мне на память приходишь,
когда, побледнев от ласк, ты засыпаешь
и закрываешь потемневшие веки.

Не напрасно мы читали богословов
и у риториков учились не даром,
мы знаем значение каждого слова
и все можем толковать семиобразно.
Могу найти четыре добродетели в твоём теле
и семь грехов, конечно;
и охотно возьму себе блаженства;
но из всех слов одно неизменно:
когда смотрю в твои серые очи
и говорю: „люблю“ — всякий ритор
поймет только „люблю“ — и ничего больше.

Если б я был древним полководцем,
покорил бы я Ефиопию и Персов,
свергнул бы я фараона,
построил бы себе пирамиду
выше Хеопса,
и стал бы
славнее всех живущих в Египте!

Если б я был ловким вором,
обокрал бы я гробницу Менкаура,
продал бы камни александрийским евреям,
накупил бы земель и мельниц,
и стал бы
богаче всех живущих в Египте.

Если б я был вторым Антиноем,
утопившимся в священном Ниле —
я бы всех сводил с ума красотою,
при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,
отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —
и стал бы
свободней всех живущих в Египте.

Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземельи
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.

III

OHA

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре любили, но все имели разные „по-
тому что:“
одна любила, потому что так отец с матерью ей
велели,
другая любила, потому что богат был ее любовник,
третья любила, потому что он был знаменитый
художник,
а я любила, потому что полюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре желали, но у всех были разные
желанья:
одна желала воспитывать детей и варить кашу,
другая желала надевать каждый день новые платья,
третья желала, чтоб все о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре разлюбили, но все имели разные
причины:

одна разлюбила, потому что муж ее умер,
другая разлюбила, потому что друг ее раззорился,
третья разлюбила, потому что художник ее бросил,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
а, может быть, нас было не четыре, а пять?

Весною листья меняет тополь,
весной возвращается Адонис
из царства мертвых...
ты же весной куда уезжаешь, моя радость?

Весною все поедут кататься
по морю иль по садам в предместьях
на быстрых конях...
А мне с кем кататься в легкой лодке?

Весной все наденут нарядные платья
пойдут попарно в луга с цветами
сбирать фиалки...
а мне что ж дома сидеть прикажешь?

Сегодня праздник:
все кусты в цвету,
поспела смородина
и лотос плавает в пруду как улей!
Хочешь,
побежим в перегонку,
по дорожке обсаженной желтыми розами
к озеру, где плавают золотые рыбки?
Хочешь,
пойдем в беседку,
нам дадут сладких напитков,
пирожков и орехов,
мальчик будет махать опахалом,
а мы будем смотреть
на далекие огороды с кукурузой?
Хочешь,
я спою греческую песню под арфу,
только уговор:
„не засыпать
и по окончании похвалить певца и музыканта?“

Хочешь,
я станцую „осу“
одна на зеленой лужайке
для тебя одного?
Хочешь,
я угощу тебя смородиной, не беря руками,
а ты возьмешь губами из губ
красные ягоды
и вместе
поцелуи?
Хочешь, хочешь,
будем считать звезды
и кто спутается будет наказан?
Сегодня праздник,
весь сад в цвету,
приди, мой ненаглядный,
и праздник сделай праздником и для меня!

Разве неправда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье?

Разве неправда.
что я — первая в Александрии
по роскоши дорогих уборов,
по ценности белых коней и серебряной сбруи,
по длине черных кос хитросплетенных?
что никто не умеет
подвести глаза меня искусней
и каждый палец напитать
отдельным ароматом?

Разве неправда,
что с тех пор как я тебя увидала,
ничего я больше не вижу,
ничего я больше не слышу,
ничего я больше не желаю,
как видеть твои глаза,

серые под густыми бровями
и слышать твой голос?

Разве неправда,
что я сама дала тебе айву откусивши,
посылала опытных наперсниц,
платила твои долги до того,
что продала именье,
и все уборы
отдала за любовные напитки?
и разве неправда,
что все это было напрасно?

Но пусть правда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье —
будет правдой,
будет правдой
и то,
что ты меня полюбишь!

5

Их было четверо в этот месяц,
но лишь один был тот, кого я любила.

Первый совсем для меня раззорился,
посылал каждый час новые подарки,
и продал последнюю мельницу, чтоб купить мне
запястья,
которые звякали, когда я плясала — закололся,
но он не был тот, кого я любила.

Второй написал в мою честь тридцать элегий
известных даже до Рима, где говорилось,
что мои щеки — как утренние зори,
а косы — как полог ночи,
но он не был тот, кого я любила.

Третий, ах третий был так прекрасен,
что родная сестра его удушилась косою
из страха в него влюбиться ;
он стоял день и ночь у моего порога,
умоляя, чтоб я сказала: „приди“, но я молчала,
потому что он не был тот, кого я любила.

Ты же не был богат, не говорил про зори и ночи,
не был красив,
и когда на празднике Адониса я бросила тебе
гвоздику,
посмотрел равнодушно своими светлыми глазами,
но ты был тот, кого я любила.

Не знаю, как это случилось:
моя мать ушла на базар;
я вымела дом
и села за ткацкий станок.
Не у порога (клянусь!), не у порога я села,
а под высоким окном.
Я ткала и пела;
что еще? ничего.
Не знаю, как это случилось:
моя мать ушла на базар.

Не знаю, как это случилось:
окно было высоко.
Наверно, подкатил он камень,
или влез на дерево,
или встал на скамью.
Он сказал:
„Я думал, это малиновка,
а это — Пенелопа.

Отчего ты дома? здравствуй!“
— Это ты как птица лазаешь по застрехам,
а не пишешь своих любезных свитков
в суде. —
„Мы вчера катались по Нилу —
у меня болит голова.“
— Мало она болит,
что не отучила тебя от ночных гулянок. —
Не знаю, как это случилось:
окно было высоко.

Не знаю, как это случилось:
я думала ему не достать.
„А что у меня во рту, видишь?“
— Чему быть у тебя во рту?
крепкие зубы, да болтливый язык,
глупости в голове.
„Роза у меня во рту — посмотри.“
— Какая там роза! —
„Хочешь, я тебе ее дам,
только достань сама.“
Я поднялась на цыпочки,
я поднялась на скамейку,
я поднялась на крепкий станок,
я достала алую розу,
а он, негодный, сказал:
„ртом, ртом,

изо рта только ртом,
не руками, чур, не руками!“
Может быть, губы мои
и коснулись его, я не знаю.
Не знаю, как это случилось:
я думала, ему не достать.

Не знаю, как это случилось:
я ткала и пела;
не у порога (клянусь), не у порога сидела,
окно было высоко:
кому достать?
мать, вернувшись, сказала:
„что это, Зоя,
вместо нарциса ты выткала розу?
что у тебя в голове?“
Не знаю, как это случилось.

IV

МУДРОСТЬ

Я спрашивал мудрецов вселенной:
„зачем солнце греет?
зачем ветер дует?
зачем люди рождаются?“

Отвечали мудрецы вселенной:
— солнце греет затем,
чтоб созрел хлеб для пищи
и чтобы люди от заразы мёрли.
Ветер дует затем,
чтоб приводить корабли к пристани дальней,
и чтоб песком засыпать караваны.
— Люди рождаются затем,
чтоб расстаться с милою жизнью
и чтоб от них родились другие для смерти.

„Почему ж боги так все создали?
— Потому же,
почему в тебя вложили желанье
задавать праздные вопросы.

Что ж делать,
что багрянец вечерних облаков
на зеленоватом небе,
когда слева уж виден месяц
и космато-огромная звезда,
предвестница ночи —
быстро бледнеет,
тает
совсем на глазах?
Что путь по широкой дороге
между деревьев мимо мельниц,
бывших когда-то моими,
но промененных на запястья тебе,
где мы едем с тобой,
кончается там за поворотом
хотя б и приветливым
домом
совсем сейчас?

Что мои стихи,
дорогие мне,
так же как Каллимаку
и всякому другому великому,
куда я влагаю любовь и всю нежность,
и легкие от богов мысли,
отрада утр моих,
когда небо ясно
и в окна пахнет жасмином,
завтра
забудутся как и все?
Что перестану я видеть
твое лицо,
слышать твой голос?
Что выпьется вино,
улетучатся ароматы
и сами дорогие ткани
истлеют
через столетья?
Разве меньше я стану любить
эти милые хрупкие вещи
за их тленность?

Как люблю я, вечные боги,
прекрасный мир!
Как люблю я солнце, тростники
и блеск зеленоватого моря
сквозь тонкие ветви акаций!
Как люблю я книги (моих друзей),
тишину одинокого жилища,
и вид из окна
на дальние дынные огороды!
Как люблю пестроту толпы на площади,
крики, пенье и солнце,
веселый смех мальчиков, играющих в мяч!
Возвращенье домой
после веселых прогулок,
поздно вечером,
при первых звездах,
мимо уже освещенных гостинниц
с уже далеким другом!
Как люблю я, вечные боги,
светлую печаль,
любовь до завтра,
смерть без сожаленья о жизни,
где все мило,
которую люблю я, клянусь Дионисом,
всею силою сердца
и милой плоти!

Сладко умереть
на поле битвы
при свисте стрел и копий,
когда звучит труба
и солнце светит,
в полдень,
умирая для славы отчизны
и слыша вокруг:
„прощай, герой!“
Сладко умереть
маститым старцем
в том же доме,
на той же кровати,
где родились и умерли деды,
окруженным детьми,
ставшими уже мужами,
и слыша вокруг:
„прощай, отец!“

Но еще слаще,
еще мудрее,
истративши все именье,
продавши последнюю мельницу
для той,
которую завтра забыл бы,
вернувшись
после веселой прогулки
в уже проданный дом,
поужинать
и, прочитав рассказ Апулея
в сто первый раз,
в теплой душистой ванне,
не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря,
и вдалеке были слышны флейты.

Солнце, солнце,
божественный Ра-Гелиос,
тобою веселятся
сердца царей и героев,
тебе ржут священные кони,
тебе поют гимны в Гелиополе;
когда ты светишь,
ящерицы выползают на камни
и мальчики идут со смехом
купаться к Нилу.

Солнце, солнце,
я — бледный писец,
библиотечный затворник,
но я люблю тебя, солнце, не меньше,
чем загорелый моряк,
пахнувший рыбой и соленой водою,
и не меньше,

чем его привычное сердце
ликует
при царственном твоём восходе
из океана,
мое трепещет,
когда твой пыльный, но пламенный луч
скользнет
сквозь узкое окно у потолка
на исписанный лист
и мою тонкую желтоватую руку,
выводящую киноварью
первую букву гимна тебе,
о Ра-Гелиос солнце!

V

ОТРЫВКИ

Сын мой,
настало время расстаться.
Долго не будешь ты меня видеть,
долго не будешь ты меня слышать,
а давно ли
тебя привел твой дед из пустыни
и ты сказал, смотря на меня:
„это бог Фта, дедушка?“
Тепер ты сам как бог Фта
и ты идешь в широкий мир,
и ты идешь без меня,
но Изида везде с тобою.
Помнишь прогулки
по аллеям акаций
во дворе храма,
когда ты говорил мне о своей любви
и плакал, бледнея смуглым лицом?

Помнишь, как со стен храма
мы смотрели на звезды
и город стихал,
вблизи, но далекий?
Я не говорю о божественных тайнах.
Завтра другие ученики придут ко мне,
которые не скажут: „это бог Фта?“
потому что я стал старше,
тогда как ты стал походить на бога Фта,
но я не забуду тебя,
и мои думы,
мои молитвы
будут сопровождать тебя в широкий мир,
о сын мой.

Когда меня провели сквозь сад
через ряд комнат — направо, налево —
в квадратный покой,
где под лиловатым светом сквозь занавески
лежала
в драгоценных одеждах
с браслетами и кольцами
женщина, прекрасная как Гатор,
с подведенными глазами и черными косами—
я остановился.
И она сказала мне:
„Ну?“
а я молчал,
и она смотрела на меня улыбаясь
и бросила мне цветок из волос,
желтый.
Я поднял его и поднес к губам,
а она косясь сказала:
„ты пришел затем,
мальчик,
чтоб поцеловать цветок брошенный на пол?“

— Да, царица — промолвил я —
и весь покой огласился
звонким смехом женщины
и ее служанок;
они разом всплескивали руками,
разом смеялись,
будто сестры на празднике Изиды,
враз ударяемые жрецами.

Что за дождь!
Наш парус совсем смок
и не видно уж, что он — полосатый.
Румяна потекли по твоим щекам,
и ты — как тирский красильщик.
Со страхом переступили мы
порог низкой землянки угольщика;
хозяин со шрамом на лбу
растолкал грязных в коросте ребят
с больными глазами,
и поставив обрубок перед тобою,
смахнул передником пыль
и хлопнув рукою сказал:
„не с'ест ли лепешек, господин?“
А старая черная женщина
качала ребенка и пела:
„если б я был фараоном,
купил бы я себе две груши:
одну бы я дал своему другу,
другую бы я сам скушал“.

Снова увидел я город, где я родился
и провел далекую юность;
я знал,
что там уже нет родных и знакомых,
я знал,
что сама память обо мне там исчезла,
но дома, повороты улиц,
далекое зеленое море —
все напоминало мне
неизмененное, —
далекие дни детства,
мечты и планы юности,
любовь, как дым улетевшую.
Всем чужой,
без денег,
не зная, куда склонить главу,
я очутился в отдаленном квартале,
где из-за спущенных ставен светились огни
и было слышно пенье и тамбурины
из внутренних комнат.

У спущенной занавески
стоял завитой хорошенький мальчик,
и как я замедлил шаги, усталый,
он сказал мне:
„авва,
ты кажешься не знающим пути
и неимеющим знакомых?
зайди сюда:
здесь все есть,
чтоб чужестранец забыл одиночество,
и ты можешь найти
веселую беспечную подругу
с упругим телом и душистой косой“.
Я медлил, думая о другом,
а он продолжал, улыбаясь:
„если тебя это не привлекает,
странник,
здесь есть и другие радости,
которых не бежит смелое и мудрое сердце“.
Переступая порог, я сбросил сандалии,
чтобы не вносить в дом веселья
священного песка пустыни.
Взглянув на привратника,
я увидел,
что он был почти нагой —
и мы пошли дальше по корридору,
где издали
звучали бубны навстречу.

Три раза я его видел лицом к лицу.
В первый раз шел я по саду,
посланный за обедом товарищам,
и, чтобы сократить дорогу,
путь мимо окон дворцового крыла избрал я,
вдруг я услышал звуки струн,
и как я был высокого роста,
без труда увидел в широкое окно
его:
он сидел печально один,
перебирая тонкими пальцами струны лиры,
а белая собака
лежала у ног не ворча,
и только плеск водомета
мешался с музыкой.
Почувствовав мой взгляд,
он опустил лиру
и поднял опущенное лицо.

Волшебством показалась мне его красота
и его молчанье в пустом покое
полднем!

И крестясь я побежал в страхе
прочь от окна...

Потом я был на карауле в Лохие
и стоял в переходе,
ведущем к комнате царского астролога.
Луна бросала светлый квадрат на пол,
и медные украшения моей обуви,
когда я проходил светлым местом,
блестели.

Услышав шум шагов,
я остановился.

Из внутренних покоев,
имея впереди раба с факелом,
вышли три человека
и он между ними.

Он был бледен,
но мне казалось,
что комната осветилась
не факелом, а его ликом.

Проходя он взглянул на меня
и, сказав: „я тебя видел где-то, приятель“,
удаился в помещенье астролога.

Уже его белая одежда давно исчезла
и свет от факела пропал,
а я все стоял, не двигаясь и не дыша,

и когда, легши в казарме,
я почувствовал,
что спящий рядом Марций
трогает мою руку обычным движением,
я притворился спящим.
Потом еще раз вечером
мы встретились.
Недалеко от походных палаток Кесаря
мы купались,
когда слышали крики.
Прибегав мы увидели, что уже поздно.
Вытащенное из воды тело
лежало на песке,
и то же неземное лицо,
лицо колдуна,
глядело незакрытыми глазами.
Император издали спешил,
пораженный горестной вестью,
а я стоял, ничего не видя,
и не слыша, как слезы, забытые с детства,
текли по щекам.
Всю ночь я шептал молитвы,
бредил родною Азией, Никоимидией,
и голоса ангелов пели:
„Осанна!
Новый бог
дан людям!“

VI

КАНОПСКИЕ ПЕСЕНКИ

В Канопе жизнь привольная:
с'ездим, мой друг, туда.
Мы сядем в лодку легкую,
доедем мы без труда.
Вдоль берега спокойного
гостинницы все стоят —
террасами прохладными
проезжих к себе манят.
Возьмем себе отдельную
мы комнату, друг, с тобой;
венками мы украсимся
и сядем рука с рукой.
Ведь поцелуям сладостным
не надо нас, друг, учить:
Каноп священный, благостный,
всю грусть может излечить.

Не похожа ли я на яблоню,
яблоню в цвету,
скажите, подруги?
Не так же ли кудрявы мои волосы,
как ее верхушка?
Не так же ли строен мой стан,
как ствол ее?
Мои руки гибки как ветки.
Мои ноги цепки как корни.
Мои поцелуи не слаще ли сладкого яблока?
Но ах!
Но ах!
хороводом стоят юноши,
вкушая плодов с той яблони,
мой же плод,
мой же плод
лишь один зараз вкушать может!

Ах наш сад, наш виноградник
надо чаще поливать
и сухие ветки яблонь
надо чаще подрезать.
В нашем садике укромном
есть цветы и виноград;
кто увидит кисти гроздей
всякий сердцем будет рад.
И калитка меж кустами
там прохожего манит —
ей Зевес-Гостеприимец
быть открытою велит.
Мы в калитку всех пропустим,
мы для всех откроем сад,
мы не скупы: всякий может
взять наш спелый виноград.

Адóниса Киприда ищет —
по берегу моря рыщет
как львица.
Киприда богиня утомилась —
у моря спать она ложилась —
не спится —
мерещится ей Адóнис белый,
ясный взор его помертвелый,
потухший. —
Вскочила Киприда, чуть дышит,
усталости она не слышит
минувшей.
Прямо к месту она побежала,
где Адóниса тело лежало
у моря. —
Громко, громко Киприда вскричала,
и волна шумливо роптала
ей вторя.

Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крепче за руки!
Звуки
звонкого систра несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются.
Знает ли нильский рыбак,
когда бросает
сети на море, что он поймает?
охотник знает ли
что он встретит,
убьет ли дичь, в которую метит?
хозяин знает ли
не побьет ли град
его хлеб и его молодой виноград?
Что мы знаем?
Что нам знать?
О чем жалеть?

Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крепче за руки!
Звуки
звонкого систра несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются.
Мы знаем,
что все — превратно,
что уходит от нас безвозвратно.
Мы знаем,
что все — тленно
и лишь изменчивость неизменна.
Мы знаем,
что милое тело
дано для того, чтоб потом истлело.
Вот что мы знаем,
вот что мы любим,
за то что хрупко
трижды целуем!
Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крепче за руки.
Звуки
звонкого систра несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются.

VI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ах, покидаю я Александрию
и долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой Богине,
увижу Тир, Ефес и Смирну,
увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
и венец всех желаний,
цель всех стремлений —
увижу Рим великий! —
Все я увижу, но не тебя!
Ах покидаю я тебя, моя радость,
и долго, долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу
в разные глаза насмотрюся,
разные губы целовать буду,
разным кудрям дам свои ласки,
и разные имена я шептать буду
в ожиданьи свиданий в разных рощах.
Все я увижу, но не тебя!

1905—1908

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 Мои предки	Стр. 9
------------------------	-----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I Любовь этого лета	
1 Где слог найду, чтоб описать прогулку	11
2 Глаз змеи, змеи извивы	13
3 Ах, уста, целованные столькими	17
4 Умывались, одевались	19
5 Из поднесенной некогда корзины	20
6 Зачем луна, поднявшись, розовеет	21
7 Мне не спится: дух томится	22
8 Каждый вечер я смотрю с обрывов	23
9 Сажу, читая я сказки и были	25
10 Я изнемог, я так устал	26
11 Ничего, что мелкий дождь смочил одежду	27
12 Пароход бежит, стучит	29
II Прерванная повесть	
1 Мой портрет	33
2 В театре	34
3 На вечере	36
4 Счастливый день	37
5 Картонный домик	38
6 Несчастный день	39

	Стр.
7 Мечты о Москве	40
8 Утешение	41
9 Целый день	42
10 Эпилог	44

III Разные стихотворения

1 На берегу сидел слепой ребенок	47
2 Любви утечи	48
3 Серенада	49
4 Флейта Вафилла	50
5 „Люблю“, сказал я не любя	52
6 О, быть покинутым — какое счастье!	53
7 Мы проехали деревню, отвели нам отвода	54
8 При взгляде на весенние цветы	56

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I Ракеты

1 Маскарад	63
2 Прогулка на воде	64
3 Надпись к беседке	65
4 Вечер	66
5 Разговор	67
6 В саду	69
7 Кавалер	71
8 Утро	72
9 Эпитафия	73

II Обманщик обманувшийся

1 Туманный день пройдет уныло	77
2 Вновь я бессонные ночи узнал	78
3 Строят дом перед окошком,	80
4 Отрадно улетать	81
5 Где сомненья? где томленья?	83

	Стр.
III Радостный путник	
1 Светлая горница — моя пещера	87
2 Слова чист передо мною первый лист	88
3 Горит высоко звезда рассветная	89
4 В проходной сидеть на диване	90
5 Что приходит, то проходит	91
6 Уж не слышен конский топот	92

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I Мудрая встреча	
1 Стекла стыннут от холода	99
2 О, плакальщики дней минувших	100
3 Окна плотно занавешены	101
4 Моя душа в любви не кается	102
5 Я вспомню нежные песни	103
6 О, милые друзья, дорогие костыли	104
7 Как отрадно, сбросив трепет	105
8 Легче весеннего дуновения	106
9 Двойная тень дней прошлых и грядущих	107
II Вожатый	
1 Я цветы собираю пестрые	111
2 „Лето Господнее — благоприятно“	112
3 Пришел издалека жених и друг	113
4 Взойдя на ближнюю ступень	114
5 Пусть сотней грех вонзался жал	116
6 Одна нога — на облаке, другая на другом	117
7 С тех пор всегда я не один	118
III Струи	
1 Сердце, как чаша наполненная	123
2 Истекай, о сердце, истекай	124
3 На твоей планете всходит солнце	125

	Стр.
4 Я вижу — ты лежишь	126
5 Ты знал, зачем протрубили трубы	127
6 Как меч мне сердце прободал	128
7 Ладана тебе не надо	129
8 Ты как воск	130
9 Если мне скажут	131

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Александрйские песни

I Вступление

1 Как песня матери	139
2 Когда мне говорят: „Александрия“	140
3 Вечерний сумрак над теплым морем	141

II Любовь

1 Когда я тебя в первый раз встретил	145
2 Ты — как у гадателя отрок	146
3 Наверно в полдень я был зачат	147
4 Люди видят сады с домами	148
5 Когда утром выхожу из дома	149
6 Не напрасно мы читали богословов	150
7 Если б я был древним полководцем	151

III Она

1 Нас было четыре сестры	155
2 Весною листья меняет тополь	157
3 Сегодня праздник	158
4 Разве неправда	160
5 Их было четверо в этот месяц	162
6 Не знаю, как это случилось	164

	Стр.
IV Мудрость	
1 Я спрашивал мудрецов вселенной	169
2 Что ж делать	170
3 Как люблю я, вечные боги	172
4 Сладко умереть	173
5 Солнце, солнце	175
V Отрывки	
1 Сын мой	179
2 Когда меня провели сквозь сад	181
3 Что за дождь!	183
4 Снова увидел я город	184
5 Три раза я его видел	186
VI Канопские песенки	
1 В Канопе жизнь привольная	191
2 Не похожа ли я на яблоню	192
3 Ах наш сад, наш виноградник	193
4 Адониса Киприда ищет	194
5 Кружитесь, кружитесь	195
VII Заключение	
Ах покидаю я Александрию	199

М. К У З М И Н Ъ

ОСЕННІЯ ОЗЕРА

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

ОБЛОЖКА РАБОТЫ

С. СУДЕЙКИНА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

МОСКВА

МСМХІІ

1.

Хрустально небо, видное сквозь лѣсъ;
 Усталымъ взорамъ
 Искать отрадно скрытые скиты!
 Такъ ждало сердце завтрашнихъ чудесъ,
 Отдавъ озерамъ
 Привольной жизни тщетныя мечты!
 Убранство церкви—желтые листы
 Парчей нависли надъ ковромъ парчевымъ.
 Златятся дали!
 Давно вы ждали,
 Чтобъ желтымъ, краснымъ, розовымъ, лиловымъ
 Иконостасы лѣса расцвѣтить,
 Давно исчезла паутины нить.

Надежду смѣнить сладостная грусть,
 Тоски лампада,
 Смиреннѣй мысли въ сердцѣ богомольномъ,
 И кто-то тихій шепчетъ: „ну и пусть!
 Чего намъ надо?
 Грѣхамъ простится вольнымъ и невольнымъ.“
 Душа внимааетъ голосамъ недольнымъ,
 Осенней тишью странно плѣнена, —
 Знакомымъ плѣномъ!
 И легкимъ тлѣномъ
 Земля дохнетъ, въ багрецъ облечена.
 Какъ четки облака! стоять, не тая;
 Спустилась ясность и печаль святая!

2.

Протянуло паутину
Золотое „бабье лѣто“,
И куда я взглядъ ни кину,—
Въ желтый трауръ все одѣто.
Пѣсня лѣтняя пропѣта,
Я снимаю мандолину,
И спускаюсь съ горъ въ долину,
Гдѣ остатки бродятъ свѣта,
Будто чувствуя кончину.

3.

О тихій край, опять стремлюсь мечтою
Къ твоимъ лугамъ и дремлющимъ лѣсамъ,
Гдѣ я бродилъ, ласкаемый тоскою,
Внималъ лѣснымъ и смутнымъ голосамъ.
Когда опять себя съ любовью скрою,
Открывъ лицо осеннимъ небесамъ?
Когда пойду извѣстною тропою,
Которой, безъ любви, бѣжалъ я самъ?

4.

Осенній вѣтеръ жалостью дышалъ,
Всѣ нивы сжаты,
Лѣса безмолвны земней тишиной.
Что тихій ангелъ тихо нашепталъ,
Какой вожатый
Привелъ незримо къ озиамъ родной?
Какой печальной свѣтлою страной
Въ глаза поля мнѣ глянули пустыя
И рощи пестрыя!
О камни острые,
Объ остовы корней подземныхъ вѣковые
Усталая нога лѣнливо задѣвастъ.
Вечерняя заря, пылая, догораетъ.

Куда иду я? кто меня послалъ?
Ахъ, нѣтъ отвѣта.
Какую ясность льетъ зимы предтеча!
Зари румянецъ такъ златистъ, такъ алъ,
Такъ много свѣта,
Что чуетъ сердце: скоро будетъ встрѣча!
Такъ ясно видны, видны такъ далече,
Какъ не видать намъ лѣтнею порой
Деревни дальнія.
Мечты печальныя
Вокругъ меня свиваютъ тихій рой;
Печаль съ надеждой руки соплетаютъ,
И лебедями медленно летаютъ.

5.

Снѣга покрыли гладкія равнины,
 Едва замѣтенъ санокъ первый слѣдъ,
 Румянецъ нѣжный льетъ закатный свѣтъ,
 Окрася розою холмовъ вершины.

Бѣдокъ плетется въ дальнія путины,
 И пѣсня льется, пѣсня прошлыхъ бѣдъ, --
 Простой и древній скуки амулетъ, —
 Она развѣтъ ждущія вручины!

Зимы студеной сладко мнѣ начало,
 Насъ сочетала строгая пора.
 Яснѣтъ небо, блекнетъ покрывало.

Какимъ весельемъ рогъ трубить: „пора!“
 О, другъ мой милый, какъ спокойны мысли!
 Въ окнѣ узоры райскіе повисли.

Осенія озера.

6.

Моей любви никто не может смѣрять,
 Мою любовь свободѣ не учи!
 Явись, о смерть, тебѣ лишь можно вѣрять
 Богатствъ моихъ злаченые ключи!
 Явись, о смерть, въ какомъ угодно видѣ:
 Какъ кроткій вождь усопшихъ христіанъ,
 Какъ духъ царей, плѣненный въ пирамидѣ,
 Какъ Азраилъ убитыхъ мусульманъ!
 Мнѣ не страшна, повѣрь, ничья личина,
 Ни слезъ моихъ, ни ропота не жди.
 Одна лишь есть любовная кручина,
 Чтобъ вызвать вновь изъ глазъ сухихъ дожди.
 Колю хочешь ты, слѣпая, униженья,
 Безслезныхъ глазъ позорящій ручей,—
 Яви мнѣ вновь его изображенье,
 Верни мнѣ звукъ прерывистыхъ рѣчей!
 „Помедли, смерть!“ скажу тогда я глухо,
 „Продлись, о жизнь!“ прошепчетъ жалкій ротъ,
 Тогда-то ты, безъ глазъ, безъ словъ, безъ слуха,
 Отвѣтишь мнѣ: „я побѣдила. Вотъ!“

7.

Не вѣрю солнцу, что идетъ къ закату,
 Не вѣрю лѣту, что идетъ на убыль,
 Не вѣрю тучѣ, что темнить долину,
 И сну не вѣрю—обезьянѣ смерти—
 Не вѣрю моря лживому отливу,
 Цвѣтку не вѣрю, что твердить: „не любить!“

Твой взоръ мнѣ шепчетъ: „вѣрь: онъ любить, любить!“
 Взойдетъ свѣтило вопреки закату,
 Приливъ шумящій—братъ родной отливу,
 Пойдетъ и осень, какъ весна, на убыль,
 Поютъ поэты: „страсть—сильнѣе смерти!“
 Опять ласкаетъ лучъ мою долину.

Когда придешь ты въ свѣтлую долину,
 Узнаешь тамъ, какъ тотъ, кто ждетъ, полюбить.
 Любви долина—не долина смерти.
 Ахъ, нѣтъ для насъ печальнаго заката:
 Гдѣ ты читалъ, чтобъ страсть пошла на убыль?
 Кто приравнять ее бы могъ отливу?

Я не отдамся никогда отливу!
Я не могу предать мою долину!
Любовь заставлю не идти на убыль.
Я знаю твердо: „сердце вѣчно любить,
И не уклонить линіи къ закатау.
Всегда въ зенитѣ—такъ до самой смерти!“

О другъ мой милый, что страшиться смерти?
Зачѣмъ ты вѣришь краткому отливу?
Зачѣмъ ты смотришь горько вслѣдъ закатау?
Зачѣмъ сомнѣнье не вступать въ долину?
Вѣдь ждетъ въ долину, кто тебя лишь любить.
И кто не знаетъ, что такое убыль.

Тотъ, кто не знаетъ, что такое убыль,
Тотъ не боится горечи и смерти.
Одинъ лишь смѣлый мимо страха любить,
Онъ посмѣется жалкому отливу.
Онъ съ горъ спустился въ щедрую долину.
Огнемъ палимый, небрежетъ закатау!

Конецъ закатау и конецъ отливу,
Конецъ и смерти,—кто вступилъ въ долину.
Ахъ, тотъ, кто любить, не увидитъ убыль!

8.

Не могу я вспомнить безъ волненья,
Какъ съ тобой мы время коротали!
А теперь печали дни настали,
Ахъ, печали, ревности, сомнѣнья!

Какъ осеннимъ утромъ мы бродили,
Подъ ногами листья шелестѣли...
Посмотри: деревья все не тѣ ли?
Эти губы, руки—не мои ли?

И какія могутъ быть сомнѣнья,
Для кого печали дни настали?
Вѣдь отъ дней, что вмѣстѣ коротали,
Лишь осталась горечь да волненья!

9.

Когда и какъ придешь ко мнѣ ты:
 Промолвишь: „здравствуй“, промолчишь?
 Тебя плѣняетъ бѣгъ кометы,
 Мнѣ нужно солнце, свѣтъ и тишь.
 Тебя манитъ игра интриги,
 Падуцій блескъ шальной звѣзды,
 А мнѣ милы: лампада, книги
 И вѣрный ходъ тугой узды.
 Когда-то самъ, съ огнемъ играя,
 Я маски пѣлъ, забывъ любовь,—
 И вотъ закрытаго мнѣ рая
 Душа моя алкаетъ вновь.
 Къ тебѣ зываю я изъ кельи:
 „Приди, пребудь, верни мнѣ свѣтъ!
 Зачѣмъ намъ праздно похмелье:
 Я вѣчной далъ любви обѣтъ.
 Пойми: я ставлю все на ставку,—
 Не обмани, не погуби!
 Уйдешь,—и лягу я на лавку,
 И смерть скуеть уста мои!
 Сбери свой свѣтъ, дугой скользящій,
 И въ сердце тихо, нѣжно влей!
 И выйдемъ изъ тюрьмы томящей
 На волю вешнюю полей!“

10.

Когда и какъ приду къ тебѣ я:
 Что дастъ намъ милая весна?
 Пусть сердце падаетъ, слабѣя,—
 Лазурь безбурна и ясна.
 Въ мое окно съ нависшей крыши
 Стучить весенняя капель;
 Мечты все радостнѣй, все выше,
 Какъ будто минулъ скорбный хмель.
 Смотрю на скромныя уголья,
 И мнится сердцу моему:
 „Съ веселымъ шумомъ половодья
 Вернусь и все душой приму“.
 Языкъ мой шепчетъ: „я покоренъ“,
 Но сердце ропщетъ и дрожить.
 Ахъ, кѣмъ нашъ дальнѣй путь проторенъ?
 Куда ведетъ и гдѣ лежитъ?
 Покойны бѣлые покровы,
 Недвижна тѣнь сосновыхъ лапъ,—
 А тѣ пути, ахъ, какъ суровы,
 И я такъ жалокъ, нагъ и слабъ.
 И я прошу весны сіянье,
 Ослабшій ледъ и талый снѣгъ
 Затеплить и въ тебѣ желанье
 Такихъ смиренныхъ, нѣжныхъ нѣгъ!

11.

Что сердце? огородъ неполотый,
 Память, что дикимъ табуномъ.
 И какъ мнѣ жизнью жить расколотою,
 Когда всѣ мысли объ одномъ?
 Давно сказали: „роза колется;
 Идти на битву—мертвымъ ласть“.
 А сердце все дрожить и молится,
 Колебля тщетно горя власть.
 Ахъ, неба высь—лишь глубь бездонная:
 Мольба, какъ камень, пропадетъ.
 Чужая воля, непреклонная,
 Мою судьбу на смерть ведетъ.
 Къ какимъ я воззову угодникамъ,
 Кто бъ мнѣ помогъ, кто бъ услыхалъ?
 Вѣдь тотъ, кто былъ здѣсь огородникомъ,
 Самъ огородъ свой растопталъ!

12.

Умру, умру, благославляя,
А не кляня.
Ты знаешь самъ, какого рая
Достигнулъ я.
Дашь ли счастье, дашь ли муки,—
Не все ль равно?
Казнящія цѣлуетъ руки
Твой рабъ давно.
Что мнѣ небесъ далекій куполь
И плески волнъ?
Въ моей крови послѣдній скрипучь
Любовью полнъ.
Чего мнѣ жаль, за что держуся?
Такъ мало силъ!..
Стрѣлокъ отбившагося гуся
Стрѣлой скосилъ.
И вотъ лежу и умираю,
Къ землѣ прильну,
Померкъ мой взоръ: благословляю,
А не кляню.

ВСЕВОЛОДУ КНЯЗЕВУ

II.

ОСЕННИЙ МАЙ

Июнь—Августъ, 1910.

1.

Съ чего начать? толпою торопливой
Къ моей душѣ, такъ долго молчаливой,
Бѣгутъ стихи, какъ стадо рѣзвыхъ козъ.
Опять плету вѣнокъ любовныхъ розъ
Рукою вѣрною и терпѣливой.

Я не хвастунъ, но не скопецъ сонливый,
И не боюсь обманчивыхъ занозъ;
Спрошу открыто, безъ манерныхъ позъ:
„Съ чего начать?“

Такъ я метался въ жизни суетливой,—
Явились Вы—и я съ мольбой стыдливой
Смотрю на станъ, стройнѣй озерныхъ лозъ,
И вижу ясно, какъ смѣшенъ вопросъ.
Теперь я знаю, гордый и счастливый,
Съ чего начать.

2.

Трижды въ темный склепъ страстей томящихъ
 Ты являлся, вѣстникъ меченосный,
 И манилъ меня въ страну иную.
 Какъ же нынче твой призывъ миную?
 Жгу, женихъ мой, желтый ладанъ росный,
 Чую близость бѣлыхъ крылъ блестящихъ.

Первый разъ пришелъ ты на разсвѣтъ,
 На лицо опущено забрало,
 Ноги пыльны отъ святыхъ скитаній,—
 Но ушелъ одинъ ты въ край свиданій;
 Сердце, вслѣдъ стремясь, затрепетало,
 И любовь узнало по примѣтѣ.

Долго дни текли въ тупомъ томленьи;
 Помнилъ я тебя и ждалъ возврата,
 Скоро ль снова встанешь на порогѣ?
 Средь пустынь полуденной дороги
 Встрѣтилъ я общааннаго брата
 И узналъ знакомое волненье.

Но прошелъ и этотъ разъ ты мимо.
На прощанье нѣжно улыбувшись,
Струйкой золота исчезъ въ эфиръ.
Я опять одинъ въ тревожномъ мирѣ;
Лишь порой душа, отъ сна очнувшись,
Вспомнить о тебѣ, мечомъ томима.

Въ третій разъ приходишь на закатѣ;
Солнце рдяно къ западу склонилось,
Сердце все горитъ и пламенѣетъ,—
И теперь твой ликъ не потемнѣетъ,
Будетъ все, что прежде только снилось,
Не придется плакать объ утратѣ.

3.

Коснѣли мысли медленныя въ лѣни,
Распластанныя кости спали въ тѣлѣ,
Взрѣзать лазурь голубки не хотѣли,
И струй живыхъ не жаждали олени.

Во снѣ ли я, въ полуденномъ ли плѣнѣ
Лежалъ недвижно у недвижной ели?
Изъ купола небесъ, какъ изъ купели,
Янтарь стекалъ мнѣ сонно на колѣни.

Вдругъ облакъ золотой средь неба сталъ,
А горлицы взметнулись тучкой снѣжной
Съ веселымъ шумомъ крылъ навстрѣчу стрѣлъ.

Сквозь звонъ и плескъ, и трепеть, какъ металлъ,
Пропѣлъ „живи“ мнѣ чей-то голосъ нѣжный,—
И ликъ знакомый въ блескѣ я узрѣлъ.

4.

Все пламеннѣй стремленья,
 Блаженнѣе мечта!
 Пусть хранина пуста,
 Стихаютъ ли хваленья?
 Не знаютъ утоленья
 Разверстыя уста!

Сердце покоя и тѣни не просить.
 Ангель холодное сердце отбросить.

Нездѣшняго сіянья
 Божественную рать
 Посмѣютъ ли скрывать
 Земныя одѣянья?
 Все яростнѣй блистанья,
 Все слаще благодать!

Сердце, не ты ль пришлеца угадало?
 Медленно свѣтлый приподнялъ забрало.

Осеннія озера.

Не тучи закружились,
Не трубы пронеслись,
Не вихри возвились,
Не лебеди забились,—
Воскрылія раскрылись,
И струи излились.

Брызнула кровь отъ пронзанья святого,
Молвилъ, лобзая: „сердце готово!“

5.

Не мальчикъ я, мнѣ не опасны
 Любви безбрежныя моря.
 Всѣ силы чувства—мнѣ подвластны,
 Яснѣть цѣль, звѣздой горя.
 Надеженъ парусъ, крѣпки снасти,
 А кормщикъ—опытенъ и смѣль,
 И не въ моей ли нынѣ власти
 Достичь всего, чего хотѣль?
 Зачѣмъ же въ пору грозовую
 Я выпускаю руль изъ рукъ?
 И сомнѣваюсь и тоскую,
 Въ словахъ ища пустыхъ порукъ?
 Зачѣмъ обманчивая лупа
 Показываетъ бурей гладь?
 Зачѣмъ такъ медленно и скупо
 Вы принуждаете желать?
 Зачѣмъ пловцы не позабыли
 Приюта прежнихъ береговъ?

Зачѣмъ мечтаю я „не Вы ли?“,
Случайно слыша шумъ шаговъ?
Зачѣмъ отъ зависти нѣмѣю,
Когда съ другими вижу Васъ,
Но вотъ одни,—взглянуть не смѣю,
Въ молчаньи протекаетъ часъ.
И, вспоминая всѣ примѣты,
Всеипаю снова, какъ въ огнѣ.
Былая мудрость, гдѣ ты, гдѣ ты?
Напрасно ли дана ты мнѣ?
Ты, кормщикъ опытный, въ умѣ ли?
Волненью предаиъ и тоскѣ,
Гадаешь омуты и мели
Проплыть, какъ мальчикѣ, на доскѣ!

6.

Блѣдны всѣ имена, и стары всѣ названья,—
 Любовь же каждый разъ нова.
 Могу ли передать твои очарованья.
 Когда такъ немощны слова?
 Зачѣмъ я не рожденъ, волнуемый, влюбленный,
 Когда любви живой языкъ
 Младенчески сіялъ красой перворожденной,
 И слухъ къ нему не такъ привыкъ?
 Нельзя живописать подсказанный пѣвцами
 Знакомый образъ, пусть онъ милъ,
 Увѣнчивать того заемными вѣнцами,
 Кто не вѣнчанный побѣдилъ.
 Старѣются слова, но сердце не старѣеть,
 Оно попрежнему горить,
 Попрежнему для насъ Амуръ крылатый рѣветъ,
 И острою стрѣлой грозитъ.

Не онъ ли мнѣ велѣлъ старинною строфою
Сказать про новую красу,
Иль новыя мечты подсказаны тобою,
И я тебѣ ихъ принесу?
Единственный мой чтець, внимательный и нѣжный,
Довольство скромно затая,
Скажи, сказалъ ли ты съ улыбкою небрежной
„Узнать нетрудно: это я“?

7.

Къ матери нашей, Любви, я бросился, горько стеная:
„Мать, о мать, посмотри, что мнѣ готовить судьба!
Съ другомъ моимъ дорогимъ на долгіе дни разлучаюсь,
Долгіе, долгіе дни какъ проведу безъ него?“

Кроткая мать, разсмѣясь, волосъ моихъ нѣжно косну-
лась.

„Глупое“, молвить, „дѣтя, что тебя тяжело томить?
Легкій страсти порывъ улетитъ безслѣдно съ разлукой,
Крѣпко вяжетъ сердца въ часъ разставанья любовь.“

8.

Въ краю Эстляндіи пустынной
Не позабудьте обо мнѣ.
Весь этотъ срокъ тоскливо-длинный
Пускай пройдетъ въ спокойномъ снѣ.
Все—сонъ: минутное кипѣнье,
Веселой дружбы хрупкій плѣнь,
Самолюбивое горѣнье
И вешнихъ розъ прелестный тлѣнь.
Но если милыя примѣты
Не лгутъ, съ сомнѣньемъ разлученъ,
Повѣрь: послѣдніе обѣты
Мнѣ будутъ и послѣдній сонъ.

9.

Одно и то же небо надъ тобою
 И надо мной сѣрветъ въ смутный часъ.
 Таинственно связаны судьбою,
 Мы ждемъ, какой удѣлъ постигнетъ насъ.
 Звѣзда, сквозь тучу крадучись, восходить
 И стерегущій глазъ на насъ наводить.

Какъ не узнать тебя, звѣзда Венеры?
 Хоть трепетно и робко ты дрожишь,
 Но прежней прелестью любовной вѣры
 Надъ раздѣленными ты ворожишь.
 Какъ призрачна минутная преграда,
 Кому пустыхъ порукъ и клятвъ не надо.

Ты захотѣлъ, -- и вотъ синѣй индиго
 Сіяетъ небо, тучи раздѣливъ,
 И, недовѣрчивости сбросивъ иго,
 Персидскій зримъ передъ собой заливъ,
 И спутницей любви неколебимой
 Лучить звѣзда зеленый свѣтъ, любимый.

Быть можетъ, я могу сердечнымъ пыломъ
Тебѣ цѣленье легкое послать,
Чтобъ лѣсъ казался менѣе унылымъ,
И моря непривѣтливая гладь
Не такъ томилъ. Вся моя награда —
Узнать, дошла ли скромная отрада.

Все можемъ мы. Одно лишь не дано намъ:
Сойти съ путей, гдѣ водить тайный рокъ,
И самовольно пренебречь закономъ,
Коль не насталъ тому урочный срокъ.
Не сами мы судьбу свою ковали,
И сами раскуемъ ее едва ли.

10.

Въ началѣ лѣта, юностью одѣта,
Земля не ждетъ весенняго привѣта,
Не бережетъ погожихъ, теплыхъ дней,
Но, расточительная, все пышнѣй
Она цвѣтетъ, лобзаніемъ согрѣта.

И ей не страшно, что далеко гдѣ-то
Конецъ таятся радостныхъ лучей,
И что не даромъ плакалъ соловей
Въ началѣ лѣта.

Не такъ осенней нѣжности примѣта:
Какъ набожный скупецъ, улыбки свѣта
Она собираетъ жадно, передъ ней
Не дологъ путь до комнатныхъ огней,
И не найти вѣрнѣйшаго обѣта
Въ началѣ лѣта.

11.

„Для насъ и въ августѣ наступить май!“
Такъ думалъ я, надеждою ласкаемъ.
Своей судьбы мы, глупые, не знаемъ:
Поймалъ минуту, рукъ не разнимаю.
Нашелъ ли кто къ довольству путь прямой?
Для насъ самихъ какъ можемъ быть пророкомъ,
Когда намъ шалый летъ назначенъ рокомъ,
И завтра—другъ, вчерашній недругъ мой?
Поеть надежда: „осенью сберемъ
То, что весной собирать старались втуне.“
Но вдругъ случится вѣтреной Фортунѣ
Осенній май намъ сдѣлать октябремъ?

III.

ВЕСЕННИЙ ВОЗВРАТЪ

Мартъ—Май, 1911.

1.

„Проходить все, и чувствамъ нѣтъ возврата“,
 Мы согласились мирно и спокойно,—
 Съ такимъ сужденъемъ все выходитъ стройно,
 И не страшна любовная утрата.
 Зачѣмъ же я, когда Васъ вижу снова,
 Блѣднѣю, холодѣю, занкаюсь,
 Былымъ (иль не былымъ?) огнемъ терзаюсь,
 И нѣжныя благодарю оковы?
 Амуръ-охотникъ все стоитъ на стражѣ,
 Возвратный тифъ—опаснѣе и злѣе.
 Проходить все, моя любовь—не та же,
 Моя любовь теперь еще сильнѣе.

2.

Можетъ быть, я безразсуденъ,
Не страшась неожиданныхъ мовъ,
Но отъездъ Вашъ хоть и труденъ,
Мнѣ не страшенъ дальній Псковъ.

Счастье мнѣ сомнѣнья тупить
Вѣстью вѣрной и прямой:
„Сорокъ мученикъ“ наступить,—
И вернетесь Вы домой.

3.

Какъ радостна весна въ апрѣлѣ,
Какъ намъ плѣнительна она!
Въ началѣ будущей недѣли
Пойдемъ сниматься къ Буасона.

Любви покорствуя обрядамъ,
Не размышляя ни о чемъ,
Мы помѣстимся нѣжно рядомъ,
Рука съ рукой, плечо съ плечомъ.

Сомнѣній слезы не во снѣ ли?
(Обманчивы бываютъ сны!)
И развѣ странны намъ въ апрѣлѣ
Капризы милые весны?

Осеннія овера

4.

Окна неясны очертанья...
Тепло и нѣга... сумракъ... тишь...
Во снѣ ль сбываются мечтанья?
Ты рядомъ, близко, здѣсь лежишь.

Рукою обнимая тѣло,
Я чувствую: не сонъ, не сонъ. .
Сомнѣній горечь отлетѣла,
Миѣ снова ясенъ небосклонъ.

О долгіе часы лобзаній,
Объятій сладостныхъ и нѣгъ!
Какихъ намъ больше указаній?
О время, укроти свой бѣгъ!

Пусть счастья голубая птица
Не улетитъ во время сна,
Пусть этотъ сумракъ вѣчно длится
Въ разрѣзѣ смутнаго окна.

5.

У окна стоитъ юноша, смотреть на звѣзду.
Тоненькимъ лучикомъ свѣтитъ звѣзда.
„Въ сердце зеркальное я звонко упаду,
Буду веселить его, веселить всегда“.

Острою струйкою выются слова;
Кто любви не знаетъ, тому не понять;
Милому же сердцу пѣсня—нова,
И готовъ я пѣть ее опять и опять.

Н Д. КУЗНЕЦОВУ.

IV.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Февраль—Май, 1911.

1.

Кого прославлю въ тихомъ гимнѣ я?
Тебя, о солнце, солнце зимнее!
Свой кроткій свѣтъ на полчаса
Даряшь,—и все же
Цвѣтеть на ложѣ
Нежданной розы полоса.

Заря шафранно-полуденная,
Тебя зоветь душа влюбленная:
„Еще, еще въ стекло ударь!
И (радость глаза)
Желтѣй топаза
Разлей обманчивый янтарь!“

Слѣжу я сквозь оконце льдистое,
Какъ зеленѣетъ небо чистое,
А даль холодная—ясна,
Но златомъ свѣта
Свѣтло одѣта,
Вошла неслышная весна.

И пусть морозъ острѣе колется,
И сердце пусть тревожнѣй молится,
И пусть все пуще зябнемъ мы,—
Пышнѣй авроры
Твои уборы,
О солнце знойное зимы!

2.

Отри глаза и слезъ не лей:
Съ небесныхъ, палевыхъ полей
Ужъ глянулъ блѣдный Водолей,
Пустую урву проливая.

Ни снѣжныхъ вьюгъ, ни тусклыхъ тучъ.
Съ прозрачно-изумрудныхъ кручь
Протянуть тонкій, яркій лучъ,
Какъ шпага остро-огневая.

3.

Опять затопилъ я печи
И снова сижу одинъ,
Попрежнему плачуть свѣчи,
Какъ въ зиму былыхъ годинъ.
И ходить за мною слѣдомъ
Безшумно отрокъ нагой.
Кому этотъ гость невѣдомъ?
Въ рукѣ самострѣль тугой.
Я сяду,—и онъ за мною
Стоить, мѣшаетъ читать;
Я лягу, лицо закрою,—
Садится ко мнѣ на кровать.
Онъ знаетъ одно лишь слово,
И все твердить мнѣ его,
Но слушать сердце готово,
Что сердцу извѣстно давно.
Ахъ, отрокъ, ты отрокъ милый,
Ты другъ и тюремщикъ мой,
Ты шепчешь съ волшебной силой,
А съ виду—совсѣмъ нѣмой.

4.

Слезы ревности влюбленной,
Словно уголь раскаленный,
Сердце мучать, сердце жгутъ.
Извиваясь, не слабѣя,
Все впивается больяе
Въ тѣло прежней страсти жгутъ.

Слезы вѣрности влюбленной,
Словно жемчугъ умиленный,
Что бросаетъ намъ гроза,
Словно горныя озера,
Словно набожные взоры,
Словно милаго глаза.

5.

Смирись, о сердце, не ропщи:
 Покорный камень не пытается,
 Куда летить онъ изъ пращи,
 И вешній снѣгъ бездумно таетъ.
 Стрѣла не спросить, почему
 Ее отравой напоили;
 И нѣмы сердцу моему
 Мои ль желанія, твои ли.
 Какую камень цѣль найдетъ?
 Врагу иль другу смерть даруя,
 Иль празднымъ на поле падеть,—
 Все съ равной радостью беру я.
 То—воля мудраго стрѣлка,
 Плавильщика снѣговъ упорныхъ,
 А рана? рана—не жалка
 Для этихъ глазъ, ему покорныхъ.

6.

О радость! въ горестномъ началѣ
Меня сковала нѣмота,
И ни сомнѣній ни печали
Не предали мои уста.

И слезъ моихъ, безсильныхъ жалобъ-
Не разболталъ послушный стихъ,
А что отъ стона удержало бѣ,
Разъ вѣтеръ въ полночи не стихъ?

Но тайною грозой омытый,
Нежданно свѣжъ и зеленъ лугъ,
И бурѣ, утромъ позабытой,
Не вѣрь, желанный, вѣрный другъ.

7.

Ахъ, не плыть по голубому морю,
Не видать намъ Золотого Рога,
Голубей и площади Санъ Марка.
Хорошо отплыть туда, гдѣ жарко,
Да двоицца милая дорога,
И не знаю, къ радости, иль къ горю.

Не видать открытыхъ, свѣтлыхъ палубъ
И судовъ съ косыми парусами,
Золотыми въ заревѣ заката.
Что случается, должно быть свято,
Управляемъ мы судьбой не сами,
Никому не надо нашихъ жалобъ.

Можетъ быть, судьбу и переспорю,
Сбудется веселая дорога,
Отплывемъ весной туда, гдѣ жарко
И покормимъ голубей Санъ Марка,
Поплывемъ вдоль Золотого Рога
Къ голубому, ласковому морю!

8.

Вѣтеръ съ моря тучи гонить,
Въ засіявшей синевѣ
Облакъ рвется, облакъ тонетъ,
Отражаясь въ Невѣ.

Словно вздыбивъ бѣлыхъ коней,
Заскакали трубачи.
Взмылясь бѣшеной погоней,
Треплютъ гривы космачи.

Пусть несутся въ буйныхъ ключьяхъ
По эмали голубой,
О весеннихъ полномочьяхъ
Звонкою трубя трубой.

С. Л. І.

V.
ОТТЕПЕЛЬ

Октябрь—Ноябрь, 1911.

1.

Ты замѣчалъ: осеннею порою
Какой-то непонятною игрою
Судьба насъ иногда тепломъ дарить,
А розсыпь звѣздъ все небо серебрить,
Пчелиному уподобляясь рою.

Тогда плащемъ себя я не закрою,
Закутавшись, какъ заябкій сибарить.
Лишь календарь про осень говоритъ.
Ты замѣчалъ?

Пусть вьюги зимнія встанутъ горою;
На вешній ладъ я струны перестрою.
И призову привѣтливыхъ харить.
Вѣдь то, что въ сердце у меня горить
И что, коль хочешь я легко утворю,
Ты замѣчалъ.

2.

Нѣтъ не зови меня, не пой, не улыбайся,
 Прелестный призракъ новыхъ дней!
 Кипящій юноша; стремись и ошибайся,
 Но я, не сталь ли холоднѣй!
 Чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣй смѣняются видѣнья,
 А жизни быстрый кругъ—такъ малъ.
 Кто зналъ погони пылъ, полеты и паденья,
 Лишь призракъ, призракъ обнималъ.
 О юность красная, смѣла твоя безпечность,
 Но память зеркала хранить,
 И въ нихъ увидишь ты минутной, хрупкой вѣчность
 И размагниченнымъ магнитъ.

Что для тебя найду, скажи какой отплатой
 Отвѣчу я на зовъ небесъ?
 Но такъ плѣнителенъ твой глазъ зеленоватый
 И клоуна носъ и губъ разрѣзъ!
 Такъ хочется обнять и нѣжно прикоснуться
 Бровей и щекъ, рѣсницъ и вѣкъ!
 Я спалъ до этихъ поръ; пора, пора проснуться:
 Все—мигомлетность, это—вѣкъ.

Слѣпая память, прочь, прочь зеркала обмана!
Я знаю, призракъ тотъ—живой:
Я вижу въ первый разъ, горитъ впервые рана.
Зови меня, зови! я твой!

3.

Я не знаю, не напрасно ль
Повстрѣчались мы въ пути?
Я не знаю, не опасно ль
Намъ вдвоемъ съ тобой идти.

Я не знаю, старъ, иль молодъ
Тотъ, кто любить въ сотый разъ,
Но восторженный, проколотъ
Свѣтлой парой карихъ глазъ.

Лишь одно я знаю—, даромъ
Эта встрѣча не пройдетъ:
Пораженное ударомъ,
Сердце`вдрогнетъ и падетъ.

4.

Съ какою-то странной силой
Владѣють нами слова,
И звукъ немилый, иль милый,
Какъ будто романа глава.
„Маркиза“—пара въ боскетѣ
И праздникъ ночной кругомъ.
„Левкой“—въ вечернемъ свѣтѣ
На Нилѣ пріютный домъ.
Когда назовутъ вамъ волка—
Сугробы, сумерки, звѣрь.
Но слово одно: „треуголка“
Владѣетъ мною теперь.
Конечно, тридцатые годы,
И дальше: Пушкинъ, лицей,
Но мнѣ надоѣли моды
И ветошь старыхъ рѣчей.
И вижу совсѣмъ я другое:
Я вижу вздернутый носъ
И Васъ, то сидя, то стоя,
Какимъ я Васъ въ сердцѣ унесъ.

5.

Катались Вы на острова,
 А я, я не катался.
 Нужны ль туманные слова
 Тому, кто догадался?
 Мы перстень цѣнимъ, не футляръ,
 Вѣдь что намъ до коробокъ?
 И у меня въ груди пожаръ,
 Пускай я съ виду робокъ.
 И я покоренъ, видитъ Богъ,
 Катались Вы,—не я же,
 Не пустите на свой порогъ,
 Пойду на это даже.
 Велите лѣзть на каланчу,
 Исполню повелѣнье.
 А что нелѣпо я молчу,
 Такъ это отъ волненья.
 Но пусть покоренъ я и глупъ,
 Одно я знаю вѣрно:
 Болтливыхъ не закрою губъ,
 Любя нелицемѣрно.

6.

Дождь моросить, темно и скучно,
Смотрю въ окно на телеграфъ.
Хотѣлъ бы думать равнодушно,
Въ умѣ недѣлю перебравъ.
Не такова моя натура:
Спокойствіе мнѣ не дано,
Какъ у больныхъ температура,
Скачу то въ небо, то на дно.
Во вторникъ (и безъ всякой лести)
Я чувствовалъ такой подъемъ:
У Юрочки сначала вмѣстѣ,
Потомъ въ театрѣ мы вдвоємъ.
Отъ среды и до субботы
Я въ заточеніе заключенъ.
Когда же невтерпежь забота,
Звоню я робко въ телефонъ.
И не нарушилъ я традицій:
Писалъ стихи, курилъ, вздыхалъ
И время вашихъ репетицій
„Презрѣнной прозой“ проклиналъ.

У Васъ въ субботу ужинъ „шпажный“,
На утро Вамъ стихи пришлю.
Еще не сбросивъ хмель отважный,
Прочтете Вы, что я люблю.
Еще три дня. О, я прославлю
Твой день, Архангелъ Михаилъ!
Въ полтину свѣчку я поставлю,
Чтобъ онъ почаще приходилъ.
Дождь моросить, но мнѣ не скучно
Смотрѣть въ окно на телеграфъ,
Сидѣть не въ силахъ равнодушно,
Въ умѣ недѣлю перебравъ.

7.

Какъ люблю я запахъ кожи,
 Но люблю и запахъ жасмина.
 Между собой они не схожи,
 Но есть что-то общее между ними.
 Случайно, конечно, они соединились
 Въ моемъ воспоминаньѣ,
 Но не равно ли у насъ сердца бились
 Тогда, какъ и въ любомъ преданьи?
 Вы помните улицу Calzajoli
 И лавку сапожника Томазо?
 (Недавно это было, давно ли—
 Это не относится къ разсказу).
 Я стоялъ, Вы ѣхали мимо,
 И изъ дверей пахло кожей;
 А въ стаканѣ, на полкѣ хранима
 Была вѣтка жасмина, (жасмина, не розы).
 Прохожіе шли попарно
 И меня толкали.
 Вы проѣхали, улыбнувшись, къ Лунгарно,
 А соборъ отъ заката былъ алымъ.
 Ничего подобнаго теперъ не случилось:
 Мы сидѣли рядомъ и были даже мало знакомы,
 Запаха жасмина въ воздухѣ не носилось,
 И кругомъ стояли гарсоны.

Никто никуда не ѣхалъ. небо не пылало,
 Его даже не было и видно.
 Но сердце помнило, сердце знало
 И ему было сладостно и обидно.
 Но откуда вдругъ запахъ кожи
 И легкое жасмина дуновенье?
 Развѣ и тогда было то же
 И чѣмъ-то похожи эти мгновенья?
 Во Флоренціи мы не встрѣчались:
 Ты тамъ не былъ, тебѣ было тогда три года,
 Но вѣтки жасмина качались
 И въ сердцѣ была любовь и тревога.
 Я знаю, знаю! а ты, ты знаешь?
 Звѣзда мнѣ разсвѣкла сердце!
 Напрасно ты не понимаешь
 И просишь посыпать еще перца.
 Покажи мнѣ твои глаза, не тѣ ли?
 Нѣтъ, лицо твое совсѣмъ другое,
 Но близко стрѣлы прошелестѣли
 И лишили меня покоя.
 Такъ вотъ отчего эта сладость,
 Вотъ отчего улица Calzajoli!
 Сердце, сердце, не близка ли радость,
 А давно ль ты собиралось умирать, давно ли?

8.

Голый отрокъ въ полѣ ржи
Мечетъ стрѣлы золотыя.
Отрокъ, отрокъ, придержи
Эти стрѣлы золотыя!
Къ небу взвившись, прямо въ рожь
Упадутъ златыя стрѣлы,
И потомъ не разберешь:
Гдѣ колосья, гдѣ тутъ стрѣлы.
Злато ржи сожнутъ въ снопы,
Но отъ стрѣлъ осталось злато.
Тяжко зерна бьютъ цѣпы,
Но отъ стрѣлъ осталось злато.
Что случилось? ѣль я хлѣбъ.
Не стрѣлой ли я отравленъ?
Отчего я вдругъ ослѣпъ?
Или хлѣбъ мой былъ отравленъ?
Ничего не вижу... рожь,
Стрѣлы, злато... милый образъ...
Все мнѣ—призракъ, все мнѣ ложь,
Вижу только—милый образъ.

9.

Рано горлица проворковала,
 Утромъ подъ окномъ моемъ пропѣла:
 „Что не бьешься, сердце, какъ бывало?
 Или ты во снѣ окаменѣло?
 Боже упаси, не стало ль старо,
 Заморожено ль какой кручиной?
 Тутъ изъ печки не достанешь жара,
 Теплой не согрѣешься овчиной“.
 Пташка милая, я застываю,
 Погибаю въ пагубной дремотѣ,
 Глазъ своихъ давно не открываю,
 Ни костей не чувствую, ни плоти.
 Лишь глубоко уголочекъ тлѣть,
 Въ сердцѣ тлѣть уголочекъ малый.
 Слышу я сквозь сонъ: ужъ вѣтеръ вѣть,
 Синій пламень раздуваетъ въ алый.

VI.

МАЯКЪ ЛЮБВИ

Декабрь—Январь, 1911—1912.

1.

Свѣтлый мой затворъ!
Ждалъ Царя во дворъ,
А ужъ гость сидитъ
Тамъ, гдѣ столъ накрытъ.
Поклонюсь ему,
Царю моему.

Сердца не позорь:
Отъ утра до зорь
Не устало ждать,
Скоро ль благодать
Гость мой принесетъ
Меня спасетъ.

Свѣтлый мой затворъ,
Ты—что царскій дворъ!
Умнымъ духомъ пьянъ,
Жгу святой тмьянъ:
Стукнуло кольцо
Въ высоко крыльцо.

Осення овера.

2.

Сколько разъ тебя я видѣлъ,
То ревнуя, то любя,
Жребій сердце не обидѣлъ:
Видѣлъ спящимъ я тебя.

Забывается досада,
Тупы ревности шпы,
Мнѣ не надо, мнѣ не надо
Мной извѣданной тропы.

Такъ докучны повторенья:
Радость, ревность и тоска,
Но для новаго строенья
Крѣпкой выбрана доска.

Что тамъ было, что тамъ будетъ,
Что гадаетъ намъ звѣзда?
Нѣжность въ сердцахъ не убудетъ
(Вѣрю, вѣрю) никогда.

Пусть разгуль все безшабашнѣй.
Пусть капризь острѣй и злѣй,
Но твой образъ, тотъ домашнѣй,
Тѣмъ яснѣй и веселѣй.

Ты принесъ мнѣ самовольно
Самый цѣнный, нѣжный даръ,
И расплавился безбольно
Въ ясномъ свѣтѣ мой пожаръ.

Павильоны строишь—зодчій—
Я, тоскуя и шутя,
Но теперь не ты ли, Отче,
Мнѣ вручилъ мое дитя?

3.

Не правда ли, на маякъ мы,—
Въ пріютъ чаекъ и стрижей,
Откуда жизнь и море—схемы
Намъ непонятныхъ чертежей?
Окошко узкое такъ мало,
А горизонтъ—далекъ, широкъ,
Но сердце сердце прижимало,
Шептало: „не насталъ ли срокъ?“
Намъ вѣстники—стрижи да чайки,
А паруса вдали—не намъ;
Любовь, какой другой хозяйкѣ,
Какъ не тебѣ, ключи отдамъ?
Входи, хозяйствуй, полновластвуй:
Незримою ты здѣсь была,
Теперь пришла,—живи и здравствуй
Надъ лономъ хладнаго стекла;
Отсюда жизнь и море—схемы
Намъ непонятныхъ чертежей,
И вотъ втроемъ на маякъ мы,
Въ пріютъ чашекъ и стрижей.

4.

Ты сидишь у стола и пишешь.
Ты слышишь?
За стѣной играютъ гаммы,
А въ верхнемъ стеклѣ отъ рамы
Зеленѣеть звѣзда...
Навсегда.

Такъ остро и сладостно мило
Томила
Теплота, а снаружи морозы...
Что значать вѣдь жалкія слезы?
Только вода.
Навсегда.

Смѣшно и подумать про холодъ,
Молодъ
Всякій, кто зналъ тебя близко.
Опустивши голову низко,
Прошепчешь мнѣ „да“.
Навсегда.

5.

Сегодня что: среда, суббота?
Скромный нынче деѣ, иль постъ?
Куда дѣвалася забота
Что всякій день и чистъ и простъ.

Какъ стерлись, кромѣ Васъ, всѣ лица,
Какъ ровно дни бѣгутъ впередъ!
А, пѣнялъ я: „Сплошной седмицы“
Въ любви моей насталь чередъ.

6.

Я знаю, я буду убить
 Весною, на таломъ снѣгѣ...
 Какъ путникъ усталый спать,
 Согрѣвшись въ тепломъ ночлегѣ,
 Такъ буду лежать, лежать,
 Пригвожденнымъ къ тебѣ, о мать.

Я самъ это знаю, самъ,
 Не мнѣ гадала гадалка,
 Но чьимъ-то милымъ устамъ
 Моихъ будетъ жалко...
 И буду лежать; лежать,
 Пригвожденнымъ къ тебѣ, о мать.

И будетъ мнѣ все равно,
 Наклонится ль кто надо мною,
 Но въ небесъ голубое дно
 Взгляну я съ улыбкой земною.
 И буду лежать, лежать,
 Пригвожденнымъ къ тебѣ, о мать.

7.

Твой голосъ издали мнѣ пѣлъ:
„Вернись домой!
Пускай насъ встрѣтять сотни стрѣлъ,
Ты—мой, ты—мой!“
И сладкимъ голосомъ влекомъ,
Я вопрошалъ:
„Но я не знаю, гдѣ мой домъ
Средь этихъ скалъ?“
И тихій шелеститъ отвѣтъ:
„Вездѣ, гдѣ я,
Гдѣ нѣтъ меня, ни счастья нѣтъ
Ни бытія.
Бѣги хоть на далекій Гангъ,
Не скрыться тамъ,—
Вернешься вновь, какъ бумерангъ,
Къ моимъ ногамъ“.

8.

Теперь я вижу: крѣпкимъ поводомъ
Привязанъ къ мысли я одной,
И передъ всѣми, всѣми слово дамъ.
Что ты мнѣ ближе, чѣмъ родной.
Блаженство ль, долгое ль изгнаніе,
Иль смерть вдвоемъ намъ суждена,
Искоренить нельзя сознанія;
Что эту чашу пью до дна.
Что призракъ золь, глухая Персія
И допотопный Араратъ?
Разъ цѣловалъ глаза и перси я,—
Въ послѣдній часъ я дѣтски радъ.

9.

Надъ входомъ ангелы со свитками
И надпись: „плоть Христову ѣшь“,
А телеграфъ прямыми нитками
Разносить тысячи депешъ.
Забвенье тихое, беззлобное
Сквозь трепеть яркихъ фонарей,
Но мнѣ не страшно мѣсто лобное:
Любовь, согрѣй меня, согрѣй!
Опять—маякъ и одиночество
Въ шумливомъ залѣ „Метрополь“.
Забыто имя здѣсь и отчество,
Лишь сердца не забыта боль.

10.

Какъ странно: снѣгъ кругомъ лежитъ,
А вѣдь живемъ мы въ центрѣ города,
Въ подвскѣ молодець бѣжитъ,
Затылки въ скобку, всюду бороды.
 Jeunes homm'ы чисты такъ и бриты,
 Какъ бельведерскій Аполлонъ,
 А въ вестибюлѣ ходятъ бритты,
 Смотрять на выставку иконъ.
Достанемъ все, чего лишь надо намъ,
И жизнь кипуча и мертва,
Но вдругъ пахнетъ знакомымъ ладаномъ...
Родная, милая Москва!

11.

Вы мыслите разъединить
 Тѣхъ, что судьбой навѣки слиты,
 И нѣжную расторгнуть нить,
 Которой души наши святы.
 Но что вы знаете о ней:
 Святой, смиренной, сокровенной,
 Невидной въ торжествѣ огней,
 Но яркой въ темнотѣ священной?
 Чужда томительныхъ оковъ,
 Она даетъ и жизнь, и волю,
 И блескъ очей, и стройность строфъ,
 И зелень радостному полю.
 Глуха къ безсильной клеветѣ,
 Она хранитъ одну награду,
 И кто любви не знали, тѣ
 Не переступятъ чрезъ ограду.

12.

Посрединѣ звѣринца—ограда,
 А за нею розовый садъ.
 Тамъ тишина и прохлада,
 И нѣтъ ни силковъ ни засадъ.
 Тамъ дышется сладко и вольно,
 И читають любовный псалтырь,
 А кругомъ широко и бездольно
 Распростерся дикій пустырь.
 Когда жъ приоткроютъ двери,
 Слышенъ лай и яростный вой,
 Но за стѣны не ступятъ звѣри:
 Ихъ крылатый хранитъ часовой.
 И все также тихо и мирно
 Голубой лепечетъ ручей,
 И медленно каплетъ смирна
 Изъ цвѣточныхъ очей.
 И издали вой, какъ „осанна“.
 Говорить: „люби, живи!“
 Но звѣриная жизнь—обманна
 Запечатанной тамъ любви.

VII.
Т Р О Е

Июль—Августъ, 1909.

1.

Насъ было трое: я и они,
 Утромъ цвѣты въ полѣ собирали,
 Чужды печали, шли наши дни,
 Горькой бѣды мы не гадали.
 Лѣтнія дали тучей грозятъ,
 Пестрый нарядъ вѣтеръ развѣетъ,
 Цвѣтикъ слабѣетъ, бурей измятъ,
 Тщетно твой взглядъ пламенемъ рдѣетъ.
 Кто же посмѣетъ насъ разлучить,
 Разомъ разбить счастье тройное?
 Все же насъ трое: крѣпкая нить,
 Насъ единить будетъ для боя!

Осеннія озера

2.

Ты именемъ монашескимъ овѣянъ,
Не даромъ гордымъ выросъ, прямъ и дивъ,
Но кѣмъ духъ нѣжности въ тебѣ посѣянъ,
Струю щедрой брызжущій родникъ?
Ты въ горести главою не поникъ:
Глаза блеснутъ сквозь темныя рѣсницы...
Опять погаснутъ... и на краткій мигъ
Мнѣ грозный ангелъ въ миломъ ликѣ мнится.

3.

Какъ странно въ голосѣ твоємъ мой слышенъ голосъ,
Моею нѣжностью твои глаза горять,
И мой чернѣется, густой когда-то, волосъ
Въ кудряхъ томительныхъ, что дѣлать скромный рядъ.

Молчимъ условленно о томъ, что мнится раемъ,
Любовью связаны и дружбой къ одному,
Глядимъ, какъ въ зеркало, и въ немъ другъ друга
знаемъ,
И что-то сбудется, какъ быть должно тому.

4.

Не правда ль, мальчикъ, то былъ сонъ,
Когда вскричалъ ты со слезами:
„Твой другъ убить! вотъ ножъ, вотъ онъ!“
И зорко поводитъ глазами,
А я сидѣлъ у ногъ прикованъ,
Ночною рѣчью околдованъ?

Не правда ль, мальчикъ, то былъ сонъ,
Когда въ горячкѣ пламенѣя,
Ты клялъ невѣдомый законъ,
И клялъ небывшаго злодѣя?
То ночи полное свѣтило
Тебя мечтами посѣтило.

Не правда ль, мальчикъ, то былъ сонъ?
Мой другъ живетъ, и ты проснешься,
И раннямъ утромъ освѣженъ,
Забудешь ночь и улыбнешься.
Зачѣмъ же днемъ, повсюду съ нами—
Твой страхъ, рожденный злыми снами?

5.

Увзжалъ я средь мрака...
Провожали меня
Только другъ, да собака.

Паровозы свистѣли...
Такъ же ль вѣренъ ты мнѣ?
И мечты наши тѣ ли?

Надвигались туманы...
Неужели во тьмѣ
Только ложь и обманы?..

Только другъ, да собака
Пожалѣли меня
И исчезли средь мрака.

6.

Не вешнихъ дней мы ждемъ съ тобою,
А ждемъ осеннихъ, ясныхъ дней,
Когда опять свиданье съ ней
Насъ свяжетъ радостью тройною.

Очищенъ позднею грозою,
Свѣжѣй сводъ неба и синѣй,
Не вешнихъ дней мы ждемъ съ тобою,
А ждемъ осеннихъ, ясныхъ дней.

Полубимъ осенью златою
Еще нѣжнѣй, еще сильнѣй.
Скорѣе, солнце, пламенѣй
И кроткой засвѣтись порою!
Не вешнихъ дней мы ждемъ съ тобою.

7.

Je crains de lui parler la nuit.
Grétry, „Richard Coeur de Lion“.

Когда душа твоя нѣмѣла,
Не ты ли пѣла:
„Съ нимъ ночью страшно говорить“?
Звучалъ твой голосъ такъ несмѣло,—
Ты разумѣла,
Чѣмъ можетъ насъ судьба дарить.

Кто сердца трепеть торопливый,
Любви пугливой
И страхъ, и шопоть, страсть и крикъ,
И сладость нѣжности счастливой,
Упрекъ стыдливый,—
Кто васъ подслушалъ, кто постигъ?

Слова, вы тучкою летучей,
Струей пѣвучей
Скользнули въ воздухъ пустомъ,
Но что же, времени могучѣй,
(Оставь, не мучай!)
Коснулось насъ своимъ перстомъ?

Волшебникъ странный, и прелестный,
Какой чудесной
Ты связью вяжешь насъ, Гретри?
Какой дорогой неизвѣстной
(Земной, небесной?)
Ты насъ ведешь, считая: „три!“?

И въ цѣпь одну связало пѣнье
Тройныя звенья,
Въ одно пожатые три руки,
И вижу, какъ сквозь сонъ, иль тѣнь, я—
Одно волненье
Волнуетъ разныхъ три рѣки.

Пусть я жилецъ другого края,
Ту пѣснь играя,
Слезу замѣчу на щекѣ.
И знаю я, что, вспоминая,
Душа иная
Меня услышитъ вдалекѣ.

8.

Казалось намъ: одежда мая
Сквозные скрасила кусты,
И вѣтеръ, вѣтокъ не ломая,
Слетитъ изъ синей высоты,
Проглянуть пестрые цвѣты,
Засвищутъ иволги пѣвучи,—
Зачѣмъ же радость простоты
Темнится тѣнью темной тучи?

Деревья нѣжно разнимая,
Кто вышелъ къ намъ изъ темноты?
Его улыбка—рѣчь нѣмая,
Движенья быстры и просты.
Куда отъ вольной красоты
Ведетъ онъ насъ тропой колючей?
А дали, искрасна-желты,
Темнятся тѣнью темной тучи.

Шесть дней идемъ, заря седьмая
Освѣтитъ дальніе кресты,—
И вождь,— „не слабая тесьма—я;
Сковались крѣпко онъ и ты,
И третья есть, вы всѣ—чисты,
Желанья—нѣжны и не жгучи,
И лишь пройденные мосты
Темнятся тѣнью темной тучи“.

О вождь, мы слабы, какъ листы,
Веди насъ на любыя кручи!
Вѣдь только дни, что прожиты,
Темнятся тѣнью темной тучи.

VIII.

ЛИСТКИ РАЗРОЗНЕННЫХЪ
ПОВѢСТЕЙ.

1.

Молчимъ мы оба и владѣемъ тайной,
И говоримъ: „вѣдь это—не любовь“.
Улыбка, взглядъ, приподнятая бровь,—
Все кажется примѣтой не случайной.
Мы говоримъ о постороннихъ лицахъ:
„А. любить Б., Б. любить Н., П.—А.“,—
Не замѣчая въ трепаныхъ страницахъ,
Что въ руки „Азбука любви“ дана.

1907. Октябрь.

2.

Кому есть выборъ, выбираетъ;
 Кто въ путь собрался,—пусть идетъ;
 Слѣди за картой, кто играетъ,
 Лети скорѣй, кому—полетъ.
 Ахъ, выборъ вольный, иль невольный
 Всегда отраднѣй трехъ дорогъ!
 Путь безъ тревоги, путь безбольный,—
 Тотъ путь, куда ведетъ насъ рокъ.
 Зачѣмъ плѣняться дерзкой ошибкой?
 Ты—мирный путникъ, не боецъ.
 Ошибку думаешь ошибкой
 Поправить ты, смѣшной слѣпецъ?
 Все, что прошло, какъ грузъ ненужный,
 Оставь у входа навсегда.
 Иди безъ думъ росой жемчужной,
 Пока горить твоя звѣзда.
 Летаютъ низко голубята,
 Орелъ на солнце взоръ вперилъ.
 Все, что случается, то свято;
 Кого полюбишь, тотъ и милъ.

1907. Ноябрь.

3.

Свѣтлыя кудри да свѣтлыя открытыя глаза...
Въ воздухѣ сонномъ чуется гроза.

Нѣжныя руки съ усиломъ на вссла налегли.
Темныя тѣни отъ берега пошли.

Алымъ румянцемъ покрылося знакомое лицо.
Видно сквозь ливень шаткое крыльцо.

Рядомъ мы сѣли такъ близко за некрашенный за столъ.
Въ окна виднѣлся за рѣкою долъ.

Памятна будетъ та лѣтняя веселая гроза,
Свѣтлыя кудри да свѣтлыя глаза!

4.

Тихія воды прудовъ фабричныхъ,
 Полныя раны запруженныхъ рѣкъ,
 Плотно плотины прервали валъ бѣгъ,
 Слышится шумъ машинъ ритмичныхъ.
 Запахъ известки сквозь запахъ сѣры—
 Въмѣсто покинутыхъ рощъ и травъ.
 Мирно вбирается ядъ отравъ.
 Ясны и просты колесъ размѣры.
 Хлынули воды, трепещутъ шлюзы,
 Пѣной и струями блещетъ скать!
 Мимо—постройки, флигель, садъ!
 Вольно расторгнуты всея союзы!
 Снова прибрежности миромъ полны:
 Шумъ—за горой, и умолкъ свистокъ...
 Кроткъ по прежнему прежній токъ;
 Ядомъ отравлены,—мирны волны.

1907. Іюнь.

5.

Съ каждымъ мѣрнымъ поворотомъ
Приближаюсь къ милой цѣли.
Эти тучки пролетѣли,
И скользнули легкимъ летомъ
На стѣнѣ ли? на лицѣ ли?

За окошкомъ запотѣлымъ
Чащи лѣса рѣже, рѣже...
И какъ встарь, надежды свѣжи:
Вотъ увидишь, тѣло съ тѣломъ,
Что любовь и ласки— тѣ же.

Сплю, и ты встаешь мечтаньемъ,
Наяву все ты же въ сердцѣ.
Истомленъ я ожидаьемъ:
Скоро ль сладостнымъ свиданьемъ
Запоеть знакомо дверца
И прерву твой сонъ лобзаньемъ.

1908. Октябрь.

6.

Въ потокѣ встрѣчныхъ лицъ искать глазами
 Всегда однѣ знакомыя черты,
 Не мочь усталыми уже ногами
 Покинуть разѣ намѣченной черты,
 То обогнавъ, то по пятамъ, то рядомъ
 Стезей любви идти и трепетать,
 И обмѣнявшись равнодушнымъ взглядомъ,
 Скорѣй уйти, какъ виноватый тать;
 Не знать той улицы, того проспекта,
 Гдѣ Вы живете (кто? богато ль? съ кѣмъ?);
 Для Васъ я только встрѣчный, только нѣкто,
 Чей взглядъ Вамъ непонятенъ, пусть и нѣмъ.
 Для сердца нѣтъ ужъ больше обороны:
 Оно въ плѣну, оно побѣждено,
 Исторіей любовниковъ Вероны
 Опять попрежнему полно оно.

И каждый день на тотъ же путь вступаю,
Забывши ночь, протекшую безъ сна,
Я встрѣчи жду, стремясь и убѣгая,
Не слыша, что кругомъ звенитъ весна.
Впередъ, назадъ, туда, сюда—все то же,
Въ потокѣ тѣхъ же лицъ—одно лицо.
Какъ приступить, какъ мнѣ начать, о Боже,
Какъ мнѣ разбить колумбово яйцо?

1907. Мартъ.

7.

Сердце бѣдное, опять узнало жаръ ты!
Успокою я тебя, раскину карты.
Оправдались плохо наши ожиданья:
Ни бесѣды, ни дороги, ни свиданья,
И повернуть къ намъ спиной король червонный,
Не достать его никакъ стезей законной.
Вотъ болѣзнь для сердца, скука да печали,
И въ концѣ лежитъ пиковка и вначалѣ.
Но не вѣрь, мой другъ, не вѣрь болтливой картѣ:
Не умреть наша любовь въ веселомъ мартѣ!

1907. Мартъ.

8.

Ночью легкій шорохъ трепетно ловится чуткимъ
слухомъ,
Застываетъ перо въ рукѣ...
Какъ давно не видѣлъ родинки Вашей за лѣвымъ ухомъ
И другой, что на правой щекѣ.
Дождь докучно лется... Сново ли солнце намъ завтра
будеть,
Истощивши ночную грусть?
Сердце злу не вѣрить, сердце все любить и не забудеть.
Пусть не видитъ Васъ долго, пусть!
Крѣпкой цѣпью держать память мою лишь одна походка,
И ничѣмъ ужъ не расковать,
Такъ ведется вѣрно свѣтомъ мячнымъ рыбачья лодка,
Свѣтъ же другой надо миновать.
Двѣ звѣзды мнѣ свѣтятъ: родинки темныя въ свѣтломъ
полѣ,
Я смотрѣть на нихъ не усталъ.
Ждать могу любви я годъ и два года, и даже болѣ,
Лишь бы видѣть не пересталъ.

1907. Маргъ.

IX.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1*).

Волны ласковы и мирны,
 Чуть бѣлбють корабли.
 Не забыть родимой Смирны,
 Розовѣющей вдали.
 Отраженъ звѣзды восточной
 Блѣдный блескъ струей воды,
 Наступаетъ часъ урочный,
 Какъ спускались мы въ сады.
 И смѣялись, и плескались,
 Пѣня плоскій водоемъ;
 Какъ встрѣчались, такъ разстались,
 Пѣсни плѣнные поемъ.
 Жадный глазъ нашъ еле ловить
 Ужъ туманные холмы;
 Что морская глубь готовить
 Въ пѣнѣ плещущей каймы?

1910. Сентябрь.

*) Къ пьесѣ Евг. Зноско-Боровскаго: „Обращенный Принцъ“.

2.

Боги, что за противный дождь!
 День и ночь онъ идетъ, гулко стуча въ окно.
 Такъ, пожалуй, мнѣ долго ждать,
 Чтобы крошка Фотисъ въ садикъ ко мнѣ пришла.
 Страшно ноги смочить въ дождѣ,
 Чистой туники жаль, жаль заплетенныхъ косъ.
 Можно ль мнѣ на нее роптать:
 Дѣва—нѣжный цвѣтокъ, такъ ей пристало быть.
 Я—мужчина, не хрупкій я,
 Что на воду смотрѣть? Тучь ли бояться мнѣ?
 Плащъ свой сѣрый накинну вмигъ,
 Въ домъ Фотисъ постучусь, будто пришлецъ чужой.
 То-то смѣху и рѣзвыхъ игръ,
 Какъ узнаетъ меня, кудри откроетъ мнѣ!
 Что, взялъ, гадкій, ты, гадкій дождь?
 Развѣ я не хитрецъ? кто не хитеръ въ любви?
 Стукнулъ въ двери моей Фотисъ,—
 Мать мнѣ открыла дверь, старую хмурую бровь.
 „Будетъ дома сидѣть Фотисъ,—
 Въ садъ къ подругѣ пошла: развѣ ей страшенъ дождь?“

1909. Январь.

3.

Что морочишь меня, скрывшись въ лѣсныхъ холмахъ?
 Нимфой горныхъ пустынь тщетно дразня меня?
 Знаю я хорошо, это вѣдь голосъ твой;
 Ты отвѣты даешь нѣжнымъ словамъ моимъ.
 Я „люблю“ закричу, ты мнѣ „люблю“ въ отвѣтъ;
 Я „навѣкъ“ повторю, ты повторишь „навѣкъ“;
 Но лишь только скажу въ сладкой надеждѣ „твой“, —
 Ты мнѣ „твой“ же назадъ съ легкимъ зефиромъ плешь.
 Всѣ холмы обыскалъ, всѣ обыскалъ лѣса,
 Чтобъ шалунью найти и услыхать: „твоя“.
 Тщетны поиски всѣ; бѣдный безумецъ я,
 Что въ безплодной мечтѣ съ эхомъ бесѣду велъ.

1909. Январь.

4.

ГЕРО.

Тщетно жечь огонь на высокой башнѣ,
Тщетно взоръ вперять въ темноту ночную,
Тщетно косы плестъ, умащаться нардомъ,
Бѣдная Геро!

Слышишь вихря свистъ? слышишь волнъ стenanье?
Грозенъ черный мракъ, распростертъ надъ моремъ.
Что бѣлветъ тамъ средь зыбей бездонныхъ,—
Пѣна, иль милый?

„Онъ придетъ, клянусь, мой пловецъ безстрашный!
Сколько разъ Леандръ, на огонь условный,
Къ зимнимъ глухъ волнамъ, разсѣкаль рукою
Глубь Геллеспонта!“

Онъ придетъ не самъ, но, волной влекомый,
Узришь трупъ его на пескѣ прибрежномъ:
Блѣденъ милый ликъ, размстались кудри,
Очи сомкнулись.

Звонче плачь начни, горемыка Геро,
Грудь рыданьемъ рви,—и заропщутъ горы,
Вторая крику мукъ и протяжнымъ воплямъ,
Эхомъ послушнымъ.

„Меркни, бѣлый свѣтъ, угасай ты, солнце!
Ты желтѣй, трава, опадайте, листья:
Сгибнулъ нѣжный цвѣтъ, драгоцѣнный жемчугъ
Моремъ погубленъ!

Какъ мнѣ жить теперь, разъ его не стало?
Что мнѣ жизнь и свѣтъ? безутѣшна мука!
Ахъ, достался мнѣ не живой любовникъ,—
Я же —живал!

Я лобзанье дамъ, но не ждуть отвѣта;
Я на грудь склонюсь,—не трепещетъ сердце,
Крикну съ воплемъ я: „пробудись, о милый,“
Онъ не услышитъ!

„Лейся, жизнь моя, въ поцѣлуяхъ скорбныхъ!
Токомъ страстныхъ слезъ истекай, о сердце!
Въ мой послѣдній часъ нацѣлуюсь въ волю
Съ блѣднымъ Леандромъ“!

1909. Мартъ.

5.

Въ тѣнистой роцѣ безмятежно
Спаль отрокъ милый и нагой;
Онъ улыбался слишкомъ нѣжно,
О камень опершись ногой.

Я на него смотрѣлъ прилежно
И думалъ: „какъ любовь, ты миль!“
Онъ улыбался слишкомъ нѣжно,—
Зачѣмъ его я разбудилъ?

Его рабомъ стать неизбежно
Миѣ рокъ прекрасный начерталъ;
Онъ улыбался слишкомъ нѣжно,—
Я, взявши рабство, не ропталъ.

6.

ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

Подслушанные вздохи о дѣтствѣ,
 когда трава была зеленѣе,
 солнце казалось ярче
 сквозь тюлевый пологъ кровати,
 и когда, просыпаясь,
 слышать ласковый голосъ
 ворчливой няни;
 когда въ дождливые праздники
 вмѣсто лѣтняго сада
 водили смотрѣть въ галлерей
 сраженья, сельскіе пейзажи и семейные портреты;
 когда лѣтомъ уѣзжали въ деревни,
 гдѣ круглолицыя дѣвушки
 работали на поляхъ, на гумнѣ, въ амбарахъ,
 и качались на качеляхъ
 съ простою и милой граціей,
 когда комнаты были тихи,
 мирны,
 уютны,

одинокіе читальщики
сидѣли спиною къ окнамъ
въ сѣрые, зимніе дни,
а собака сторожила напротивъ,
смотря умильно,
какъ тѣ, мечтая,
откладывали недочитанной книгу;
семейныя собранья
офицеровъ, дамъ и господъ,
лицеистовъ въ короткихъ курткахъ
и мальчиковъ въ длинныхъ рубашкахъ,
когда сидѣли на твердыхъ диванахъ,
а самоваръ пѣлъ на другомъ столѣ;
лучъ солнца изъ сосѣдней комнаты
сквозь дверь на вощеномъ полу;
милыя рощи, поля, дома,
милыя, знакомыя, ушедшія лица,—
очарованіе прошлыхъ вещей,—
вы—дороги,
какъ подслушанные вздохи о дѣтствѣ,
когда трава была зеленѣе,
солнце казалось ярче
сквозь тюлевый пологъ кровати.

1907. Сентябрь.

7.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Пѣла труба; солдаты ложились спать;
Тихи были сады съ просторными домами.
Куда я пошла, не спросила мать,
А я сказала, что иду за цвѣтами.
У берега качалась лодка.
Хватить ли денегъ? боюсь опоздать!
Матросъ сказалъ мнѣ: „сидись, красотка,
Свезу и даромъ,—велишь подать?“
Теперь ужъ близко, скорѣй, скорѣе!
Милая звѣзда, погибнуть не дай!
Ты съ каждой минутою все зеленѣе,
Крѣпче, крѣпче мнѣ помогай!
Вотъ и подъѣздъ. Неужели опоздала?
Глупое сердце, въ грудь не бей!
Слышались скрипки изъ оконъ зала,
Въ дверяхъ смѣялся высокій лакей.

Осеннія озера.

Но вотъ показались рыжія лошадки...
Зачѣмъ, зачѣмъ онъ такъ хорошъ?
Зачѣмъ эти минуты такъ горьки и сладки
И меня бросаетъ то въ жаръ, то въ дрожь?
Вышелъ изъ экипажа... легка походка,
Прошелъ, не глядя, шпорами звеня.
Вѣрная звѣзда, вѣрная лодка,
Вы и сегодня не обманули меня!
Дома всѣ спать, трещить лампадка
Утромъ вставать будетъ такая лѣнь!
Цвѣтовъ я не достала, это, конечно, гадко;
Безъ цвѣтовъ придется встрѣтить Троицынъ день.

1911. Февраль.

8.

Чѣмъ ты, лугъ зеленый, зеленъ,
Всенними ль травами?
Чѣмъ ты, медъ янтарный, хмеленъ:
Какими отравами?
Кѣмъ ты, путь мой дальній, велѣнъ:
Судьбами ль правыми?

Лугъ зеленый зеленится
Подъ острыми косами;
Меду сладкому смѣсится
Со скорбными росами;
Въ путь идетъ со мной дѣвица
Ногами босыми.

Кто о лугѣ новомъ бредитъ,
Тотъ въ свѣтѣ находится;
Меду новаго нацѣдитъ
Ему Богородица;
Съ кѣмъ незримый всадникъ ѣдетъ,
Тотъ вѣрно водится.

1909 Июль.

9.

Солнцем залить садъ зеленый...
Еле дышишь, еле видишь...
Рой вверху жужжить пчелиный...
Гдѣ-то стукъ копытъ услышишь...
Ѣдетъ всадникъ въ садъ зеленый...

Юный всадникъ, ты—влюбленный,—
Сердцемъ тотчасъ узнаю я:
Есть на сердцѣ знакъ единый.
Розу алую цѣлуя,
Гостя встрѣчу я, влюбленный.

Ѣдетъ „въ солнце облеченный“;
Если бѣ зналъ онъ, если бѣ вѣдалъ!
Вспомни, братецъ голубиный,
Имя прежнее не предалъ?
Что жъ молчишь ты, облеченный?

У калитки затворенной
Поводъ бросилъ, бросилъ стремя...
О, побудь хоть мигъ единый!
Знаешь самъ: летуче время,—
Нѣтъ калитки затворенной.

Я, любовью утомленный,
Къ сердцу всадника прижмуся...
Опустился рой пчелиный!...
Ты покой найдешь, клянуся!
Знойнымъ полднемъ утомленный

1909. Февраль.

10.

ПАСХА.

У Спаса у Евѣмія
Звонятъ въ колокола.
Причастенъ свѣтлой схимѣ я,
Когда весна пришла.
Сквозь зелени веселыя
Луга видны давно,
Смотрю на лѣсъ и села я
Черезъ узкое окно.
Минуло время страдное
И въ путь пора, пора!
Звучитъ мнѣ вѣсть отрадная
Отъ ночи до утра.
Престали быть мы сирыми,
Опять Христось межъ насъ,—
Побѣдными стихирами
Гремитъ воскресный гласъ.
О братья возлюбленная,
Ведите вы меня
Туда, гдѣ обновленная
Чернѣется земля.

Ахъ, небо, небо синее!
Ахъ, прежняя любовь!
Не доживу до инея,
Лишь тамъ сойдемся вновь!
Сойду не съ погребальными
Я пѣснями во гробъ:
Съ канонами пасхальными
Украститъ вѣнчикъ лобъ.
Скрещу я руки радостно,
Взгляну на вешній лѣсъ,
И благостно, и сладостно
Скажу: „Христосъ Воскресъ!“

1910. Мартъ

Х.

СТИХОТВОРЕНІЯ НА СЛУЧАЙ

1.

С. Ауслендеру.

Одна звѣзда тебѣ надъ колыбелью
 Цвѣла и надъ моею цвѣла весной.
 Два языка даны душѣ одной:
 Мои печаль постъ твоей свирѣлью.
 Ты, какъ Челлини, жаденъ къ рукодѣлю,
 Весну Тосканы сладко возродилъ.
 Печальный отрокъ, горестенъ и милъ,
 Бредешь въ поляхъ, вотще ища забавы.
 Вѣнки изъ травъ, исполненныхъ отравы,
 Сплетаешь нѣжно съ дремлющихъ могилъ.

Я помню вновь весны веселый трепеть,
 Когда мнѣ видятся твои черты.
 Не тотъ же ль хмель почувешь скоро ты,
 Пройдя шаговъ несмѣлыхъ первый лепеть?
 Взлетишь, взлетишь, какъ непокорный стрепеть!
 Любви чужной прележный ученикъ,
 Къ землѣ другой такъ набожно приникъ,
 Слова твои такъ сладостно правдивы,
 Что, мпится, вотъ подъ сѣверныя ивы
 Перенесешь живительный родникъ.

1908.

2.

В. Я. Брюсову.

АКРОСТИХЪ.

Валы стремятъ свой яростный приборъ,
А скалы все стоятъ неколебимо.
Летить орель, прицѣловъ жалкихъ мимо,
Едва ли кто ему прикажетъ: „стой!“

Разящій мечъ готовъ на грозный бой
И зовъ трубы звучать неутомимо.
Ютятся въ тѣни, шипить непримиримо
Безсильный хоръ враговъ, презрѣнь тобой.

Ретивый конь взрываетъ прахъ копытомъ.
Юродствуй рабъ, позоря Букефала!
Слѣди, казнясь, за подвигомъ открытымъ!

О летъ царя! какъ яро прозвучала
Въ годахъ, вѣкахъ труба немолчной славы!
У ногъ враги—безгласны и безглавы.

1908.

3.

Ю. Н. Верховскому.

ОВѢТНЫЙ СОНЕТЪ.

Ау, мой другъ, припомни вмѣстѣ съ „башней“
Еще меня, кому не чужды „Оры“.
Бывало, гость, я пѣлъ здѣсь до авроры,
Теперь же сталъ пѣвуньюю всегдашней,

Навѣрно, сталъ наглѣй я и безстрашнѣй,
Что смѣлъ вступить въ содружескіе хоры,—
Такъ песь дворной, забравшись въ гончихъ своры,
Летить стрѣлой, чтобъ не узнали шашней.

А впрочемъ нѣтъ: въ теперешнихъ напѣвахъ
Я—чистъ и строгъ, хоть и чужда мнѣ мрачность
И самъ въ себѣ не вижу иновѣрца,—

Но присмирѣлъ проказникъ въ правыхъ гнѣвахъ,
И флёръ покрылъ опасную прозрачность,
Чтобъ не смущать довѣрчиваго сердца.

1909. Августъ.

4.

Н. С. Гумилеву.

НАДПИСЬ НА КНИГЪ.

Манонъ Леско, влюбленный завсегдатай
Твоихъ временъ, я мыслю крылатой
Искалъ вотще исчезнувшихъ забавъ,
И образъ твой, прелестенъ и лукавъ,
Меня водилъ,—измѣнчивый вожатай. *а*

И съ граціей манерно-угловатой
Сказала ты: „пойми любви уставъ,
Прочтя романъ, гдѣ ясенъ милый нравъ
Манонъ Леско:

Отъ первыхъ словъ въ тавернѣ вороватой
Прошла вѣрна, то нищей, то богатой,
До той поры, когда безъ снѣгъ упавъ
Въ песокъ чужой, вдали родимыхъ травъ,
Была зарыта шпагой, не лопатой
Манонъ Леско!“

1909. Августъ.

5.

Вяч. Ив. Иванову.

Пѣвцу ли розы принесу
Цвѣтовъ царицу?
Въ какомъ саду, въ какомъ лѣсу
Сберу кошницу?

Мои укронныя поля
Въ день именинный
Сей цвѣтъ семейства миндаля
Дарятъ невинный.

Но розы уменьшенный видъ,
Хоть небогатый,
Гласить: „два дня,—и прилетитъ
Весны глашатай“.

Но помни: позднею порой
Въ сентябрьской стужѣ
Онъ принесетъ нарядъ второй,
Ничуть не хуже.

1911. Мартъ.

6.

С. Соловьеву.

Увы, любви своей не скрою:
Видна по тысячи примѣтъ.
Я слышу голосъ за горою,—
Моей тоскѣ звучить отвѣтъ.

Осенней, желтою порою
Весна повѣтъ на лугахъ.
Я слышу голосъ за горою:
Какой привѣтъ въ его словахъ!

Забудешь Мирту, встрѣтишь Хлою,
Не для тебя печаль могиль.
Я слышу голосъ за горою:
Поеть далеко, близко—милъ.

1908.

7.

В. К. Шварсалонтъ.

Пѣть начну я въ нѣжномъ тонѣ,
 Разъ я къ Мейстеру попалъ.
 Шлетъ привѣтъ его Миньонѣ,
 Кто избѣгнулъ злыхъ опалъ.
 Кровь нашель бездомный странникъ
 Послѣ жизни кочевой;
 Ужъ не странникъ, не изгнанникъ,
 Я отъ счастья самъ не свой.
 Отдалъ вольной жизни дань я,
 Не предъ радостнымъ концомъ
 Въ дверь таинственнаго зданья
 Робкимъ я стучусь жильцомъ.
 Двѣ жены на башнѣ тайной
 Правятъ вѣрно мѣрный ходъ,
 Гдѣ, пришелецъ не случайный,
 Я отру дорожній потъ.

Осенія озера.

Будто рыцарскія дамы
Вышиваютъ синій шарфъ,
И готовятъ орифламмы
Подъ напѣвы звучныхъ арфъ.
Синій цвѣтъ подходитъ къ шарфу,
И равна въ васъ благодать,
Какъ въ одной признавши Марю,
Въ Васъ Маріи не узнать?
То Марія, то Миньона,
Антигона вы всегда,—
Заревого небосклона
Засвѣтившая звѣзда.

1909.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

ВЪНОКЪ ВЕСЕНЪ (ГАЗЭЛЫ)

Май—Юнь, 1908.

1.

Чье-то имя мы услышимъ въ пути весеннемъ?
 Въ книжку сердца что напишемъ въ пути весеннемъ?
 Мы не вазы съ народомъ сладкимъ въ подвалѣ темномъ:
 Не пристало спать по нишамъ въ пути весеннемъ.
 Бѣгъ рѣки, ручьевъ стремленье кружить быстрѣ,
 Будто стало все дerviшемъ въ пути весеннемъ.
 Опьяненъ я свѣтлой рощей, горами, доломъ
 И травой по плоскимъ крышамъ въ пути весеннемъ!
 Звонче голосъ, бѣгъ быстрѣ, любовной пляски
 Не утишимъ, не утишимъ въ пути весеннемъ!
 Поводырь слѣпой слѣпого, любовь слѣпая,
 Лишь тобою мы и дышимъ въ пути весеннемъ!

2.

Ведеть по небу золотая вязь имя любимое.
Шепчу я, ночью долгою томясь, имя любимое.
На площадь выйдя, громко я скажу, всѣ пускай слу-
шаютъ,
Любви глашатай, крикну, не стыдись, имя любимое.
Пускай въ темницу буду заточенъ, славить мнѣ пѣснями
Не можетъ запретить жестокой князь имя любимое.
Двѣ буквы я поѣю на грядѣ желтой настурціей,
Чтобъ всѣ смотрѣли, набожно дивясь, имя любимое.
Пусть рукъ и языка меня лишаютъ,—томными вздохами
Скажу, какъ наша неразрывна связь, имя любимое!

3.

Кто видѣлъ Мекку и Медину—блаженъ!
Безъ страха встрѣтившій кончину—блаженъ!
Кто знаетъ тайну скрытыхъ кладовъ, волшебствъ,
Кто счастьемъ равенъ Аладину—блаженъ!
И ты, презрѣвшій прелесть злата, почетъ
И взявшій нищаго корзину—блаженъ!
И тотъ, кому легка молитва, сладка,
Какъ въ часъ вечерній муэдзину—блаженъ!
А я, смотря въ очей озера, въ садъ нѣгъ
И алыхъ устъ беря малину—блаженъ!

4

Намъ рожденъе и кончину—все даетъ Владыка неба.
 Жабъ голосъ, цвѣтъ жасмину—все даетъ Владыка неба.
 Лѣтомъ жаръ, цвѣты весною, грозды осенью румяной
 И въ горахъ снѣговъ лавину—все даетъ Владыка неба.
 И барышъ и разоренъе, путь счастливый, смерть въ
 дорогѣ,
 Власть царей и паутину—все даетъ Владыка неба.
 Кравчимъ блескъ очей лукавыхъ, мудрецамъ сѣдинъ
 почтенъе,
 Стройной станъ, горбунъ спицу—все даетъ Владыка
 неба.
 Башни тюремъ, бѣгъ Евфрата, стѣны скаль, пустынь
 просторы,
 И куда я глазъ ни кину,—все даетъ Владыка неба!
 Мнѣ на долю—плѣнъ улыбокъ, трубы встрѣчъ, разлуки
 зурны,
 Не клянупою судьбину: все даетъ Владыка неба.

5.

Что, скажи мнѣ, краше радугъ? Твое лицо.
Что мудренѣй всѣхъ загадокъ? Твое лицо.
Что струю томной вѣть въ вечерній часъ,
Словно духъ жасминныхъ грядокъ? Твое лицо!
Что, какъ молнія, сверкаетъ въ день лѣтнихъ грозъ
Изъ-за тяжкихъ, темныхъ складокъ? Твое лицо.
Что мнѣ въ сердце смерть вселяетъ и блѣдный страхъ,
Скорбной горечи осадокъ? Твое лицо.
Что калитку вдругъ откроетъ въ неожиданный садъ,
Гдѣ покой прудовъ такъ сладокъ? Твое лицо!
Что судьбы открытой книга, золотая вязь
Всѣхъ вопросовъ, всѣхъ разгадокъ? Твое лицо.

6.

Вверхъ взгляни на неба сводъ: всѣ свѣтила!
 Внизъ склонись надъ чашей водъ: всѣ свѣтила!
 Въ черномъ зеркалѣ пруда часъ молчаній
 Свилъ въ узорный хороводъ всѣ свѣтила.
 Двери утра на замкѣ, стражъ надеженъ,
 Правятъ вѣрно мѣрный ходъ всѣ свѣтила.
 Карій глазъ и персикъ щекъ, свѣтлый локонь,
 Розъ алѣе алый ротъ—всѣ свѣтила.
 Прудъ очей моихъ, отверстъ прямо въ небо,
 Отразилъ твоихъ красотъ всѣ свѣтила.
 Легкихъ пчель прилежный рой въ росныхъ розахъ,
 Медъ собираютъ въ звѣздный сотъ всѣ свѣтила.
 Поцѣлуевъ улей милъ: что дороже?
 Ахъ, смѣшайте праздный счетъ, всѣ свѣтила!
 Ты—со мной и ночь полна; утро, медли!
 Сладокъ намъ послѣдній плодъ, всѣ свѣтила!

7.

Я—заказчикъ, ты—купецъ: намъ пристала взглядовъ
мѣна.

Ты—прохожій, я—пѣвецъ: намъ пристала взглядовъ
мѣна.

Ты клянешься, я молчу; я пою и ты внимаешь;
Пусть злословить злой глупецъ: намъ пристала взгля-
довъ мѣна.

Я, прося парчи, перстней, съ мудрой тайной амулетовъ,
Пѣсенъ дамъ тебѣ вѣнецъ: намъ пристала взглядовъ
мѣна.

Разверни любви уставъ, тамъ законы ясно блещутъ,
Ты—судья, а я—истецъ: намъ пристала взглядовъ мѣна.
На охотѣ ты—олень: скоры ноги, чутки уши,
Но и я лихой ловецъ: намъ пристала взглядовъ мѣна.
На горѣ ты стадо пасъ: бди, пастухъ, не засыпая:
Я, какъ волкъ среди овецъ: намъ пристала взглядовъ мѣна.

Милый скряга, кладь храни: ловкій воръ къ тебѣ
 крадется,
 Ключъ хитрѣй бери, скупецъ, намъ пристала взглядовъ
 мѣна.

Кругъ оцѣплень, кличъ звучалъ, выходи на поединокъ,
 Я—испытанный боецъ, намъ пристала взглядовъ мѣна.
 Птица въ клѣткѣ, жаръ въ груди, кто намъ плѣнь
 нашъ расколдуетъ?
 Что жъ, летишь ли, мой скворецъ? намъ пристала
 взглядовъ мѣна.

У меня въ душѣ чертогъ: свѣчи таютъ, ладанъ дышитъ,
 Ты—той горницы жилецъ: намъ пристала взглядовъ
 мѣна.

Развѣ раньше ты не зналъ, что въ любви моряхъ
 широкихъ
 Я—пловецъ и ты — пловецъ? намъ пристала взглядовъ
 мѣна.

Кто смѣется—безъ ума; кто коритъ—безъ разсужденья;
 Кто не понялъ, тотъ—скопецъ: намъ пристала взгля-
 довъ мѣна.

Что молчишь, мой гость нѣмой? что косишь лукавымъ
 окомъ?
 Мой ты, мой ты, наконецъ: намъ пристала взглядовъ
 мѣна!..

8.

Покинь покой томительный, сойди сюда!
 Желанный и медлительный, сойди сюда!
 Собаки мной прикормлены, открыта дверь,
 И спать твой стражникъ бдительный: сойди сюда!
 Ахъ, дома мнѣ не спалося: все ты въ умѣ...
 Съ улыбкой утѣшительной сойди сюда!
 Оставь постели мягкія, свой плащъ накинь,
 На зовъ мой умильный сойди сюда!
 Луною, что четырнадцать прошла ночей,
 Яви свой ликъ слѣпительный, сойди сюда!
 Нарушено безмолвіе лишь звономъ водъ,
 Я жду въ тиши мучительной, сойди сюда!
 Вотъ слышу, дверью скрипнули, огонь мелькнулъ...
 Губительный, живительный, сойди сюда!

9.

Всѣхъ поишь ты безъ изъятя, кравчій.
Но всѣмъ твои объятя, кравчій!
Брови—лукъ, а взглядъ подъ бровью—стрѣлы,
Но не стану обнимать я, кравчій!
Станъ—копье, кинжалъ блестящій—зубы,
Но не стану цѣловать я, кравчій!
Въ шумѣ пира, въ буйномъ вихрѣ пляски
Жду условнаго пожатя, кравчій!
Ты не лей вина съ избыткомъ въ чашу:
Вѣдь вино—плохая сватья, кравчій!
А подъ утро я открою тайну,
Лишь уснуть устало братья, кравчій!

10.

Какъ нѣжно золотѣть даль весною!
 Въ какой уборъ одѣтъ миндаля весною!
 Ручей звеня бѣжитъ съ высотъ въ долину,
 И небо чисто какъ эмаль весною!
 Далеки бури, вѣтеръ съ горъ холодный,
 И облаковъ прозрачна шаль весною!
 Ложись среди ковра цвѣтовъ весеннихъ:
 Находить томная печаль весною!
 Влюбленныхъ въ горы рогъ охоть не манить,
 Забыты сабля и пищаль весною!
 Разлука зимняя, уйди скорѣе,
 Любовь, ладью свою причаль весною!
 Желанный гость, приди, приди въ долину
 И сердце вновь стрѣлой ужаль весною!

Осеннія оэра

11.

Цвѣтутъ въ саду фисташки, пой, соловей!
 Зеленые овражки, пой, соловей!
 По склонамъ горъ весеннихъ маковъ коверъ;
 Бредутъ толпой барашки. Пой, соловей!
 Въ лугахъ цвѣты пестрѣютъ, въ свѣтлыхъ лугахъ!
 И кашки, и ромашки. Пой, соловей!
 Весна весенній праздникъ всѣмъ намъ дарить,
 Отъ шаха до букашки. Пой, соловей!
 Смотри на глазъ лукавый, карій твой глазъ,
 Проигрываю въ шашки. Пой, соловей!
 Мы сядемъ на террасъ, сядемъ вдвоемъ...
 Дымится кофе въ чашкѣ... Пой, соловей!
 Но ждемъ мы ночи темной, пѣсни мы ждемъ
 Любимой, милой пташки. Пой, соловей!
 Прижмись ко мнѣ тѣснѣе, крѣпче прижмись,
 Какъ вышивка къ рубашкѣ. Пой, соловей!

12.

Нынче праздникъ, пахнетъ мята, все въ цвѣту,
И трава еще не смята: все въ цвѣту!
У ручья съ волною звонкой на горѣ
Скачуть, рѣзвятся козлята. Все въ цвѣту!
Скалы садъ мой ограждаютъ, стужи нѣтъ,
А лѣса-то! а поля-то: все въ цвѣту!
Утромъ вышелъ я изъ дома на крыльцо,—
Сердце трепетомъ объято: все въ цвѣту!
Я не помню, отчего я полюбилъ,
Что случается, то свято. Все въ цвѣту.

13.

Острый мечъ свой отложи, томной нѣгой полоненный.
 Шею нѣжно обнажи, томной нѣгой полоненный.
 Здѣсь не схватка ратоборцевъ, выступающихъ въ кругу,
 Позабудь свои ножи, томной нѣгой полоненный!
 Здѣсь не пляска пьяныхъ кравчихъ, съ блескомъ глазъ
 стекла свѣтлѣй,
 Окомъ каримъ не кружи, томной нѣгой полоненный!
 Возлюби въ лобзаньяхъ сладкихъ волнъ медлительную
 лѣнь,
 Словно зыбью зрѣлой ржи, томной нѣгой полоненный!
 И въ покоѣ затворенномъ изъ окна посмотришь въ
 садъ,
 Какъ проносятся стрижи, томной нѣгой полоненный.
 Лучъ вечерній краснымъ красить на коврѣ твой ята-
 ганъ,
 Ты о битвахъ не тужи, томной нѣгой полоненный!
 Мѣсяцъ милый намъ задержать, и надолго, утра часть,—
 Ты о днѣ не ворожи, томной нѣгой полоненный!

До утра перебирая страстныхъ четокъ сладкій рядъ,
На груди моей лежи, томной нѣгой полоненный!
Змѣи рукъ моихъ горячихъ сѣтью крѣпкой заплету,
Какъ свиваются ужи, томной нѣгой полоненный.
Ты дойдешь въ восторгахъ нѣжныхъ, въ новыхъ стран-
ствіяхъ страстей
До послѣдней до межи, томной нѣгой полоненный!
Цѣпи клятвъ, гирлянды вздоховъ я на сердце положу,
О, въ любви не бойся лжи, томной нѣгой полоненный.

14.

Зачѣмъ, златое время, летишь?
Какъ всадникъ, ногу въ стремя, летишь?
Зачѣмъ, заложникъ милый, куда,
Любви бросаая бремя, летишь?
Ты, сѣятель крылатый, зачѣмъ,
Огня посѣя сѣмя, летишь?!

15.

Что стоишь ты опечаленъ, милый гость?
Что за грузъ на плечи взваленъ, милый гость?
Проходи своей дорогой ты отъ насъ,
Если скорбью не ужаленъ, милый гость!
Ахъ, въ гостиницѣ закрытой—три двора
Тѣмъ, кто ищетъ усыпаленъ, милый гость.
Трое кравчихъ. Первый—бѣлый, имя—Смерть;
Глазъ открытъ, и зубъ оскаленъ, милый гость.
А второй—Разлука имя—красный плащъ,
Будто искра наковаленъ, милый гость.
Третій кравчій, то—Забвенье, онъ польетъ
Черной влагой омываленъ, милый гость.

16.

Слышу твой кошачій шагъ, призракъ измѣны!
 Вновь темнить глаза твой мракъ, призракъ измѣны!
 И куда я ни пойду, всюду за мною
 По пятамъ, какъ тайный врагъ—призракъ измѣны.
 Въ шумѣ пира, пляскѣ нѣгъ, стукѣ оружій,
 Въ буйствѣ бѣшеныхъ ватагъ—призракъ измѣны.
 Горы—голы, вѣтеръ—свѣжъ, лань быстронога,
 Но за лаемъ злыхъ собакъ—призракъ измѣны.
 Ночь благая, сонъ дарить бѣднымъ страдальцамъ,
 Но не властенъ сонный макъ, призракъ измѣны.
 Гдѣ, любовь, топаза глазъ, памяти панцырь?
 Отчего я слабъ и нагъ, призракъ измѣны?

17.

На смерть я сраженъ разлукой стрѣль острѣй!
 Море рѣжется фелукой стрѣль острѣй!
 Память сердца безпощадная, уйди,
 Въ грудь пронзенную не стучай стрѣль острѣй!
 Карій блескъ очей топазовыхъ твоихъ
 Мнѣ сіяль любви порукой, стрѣль острѣй.
 Поцѣлуй, что какъ розы зацвѣли,
 Жгли божественной наукой, стрѣль острѣй.
 Днемъ томлюсь я, ночью жаркою не сплю:
 Мучить мѣсяць сребролукій, стрѣль острѣй.
 У прохожихъ я не вижу красоты,
 И пиры мнѣ вѣютъ скукой, стрѣль острѣй.
 Что калѣвка, я на солнце правлю глазъ
 И безногій, и безрукій — стрѣль острѣй.
 О, печаль, зачѣмъ жестоко такъ казнить
 Ужъ израненнаго мукой, стрѣль острѣй?

18.

Дней любви считаю звенья, повторяя танецъ мукъ,
 И терзаюсь, что ни день, я, повторяя танецъ мукъ!
 Наполняя, подымая кубокъ темнаго вина,
 Провожу я ночи бдѣнья, повторяя танецъ мукъ.
 Пусть другихъ я обнимаю, отъ измѣны я далекъ,—
 Пью лишь терпкое забвенье, повторяя танецъ мукъ!
 Что, сосѣди, вы глядите съ укоризной на меня?
 Я несусь въ своемъ круженьи, повторяя танецъ мукъ.
 Раздѣленье и сліянье—въ поворотахъ томныхъ позъ;
 Блещутъ пестрые каменя, повторяя танецъ мукъ.
 И безсильно опускаюсь къ гіацинтовымъ коврамъ,
 Лишь глазами при паденьи повторяя танецъ мукъ.
 Кто не любить, приходите, посмотрите на меня,
 Чтобъ понять любви ученье, повторяя танецъ мукъ.

19.

Отъ тоски хожу я на базары: что мнѣ до нихъ!
 Не развѣютъ скуки мнѣ гусяры: что мнѣ до нихъ!
 Кисея, какъ облакъ зорь вечернихъ, шитый баркань...
 Какъ безъ глазъ, смотрю я на товары: что мнѣ до нихъ!
 Голубая кость людей влюбленныхъ, ты, бирюза,
 Отъ тебя въ сердцахъ горятъ пожары: что мнѣ до
 нихъ!

И клинокъ дамасскій ужъ не манить: время прошло,
 Что звенѣли радостью удары: что мнѣ до нихъ!
 Сотню гурій купишь ты на рынокѣ, былъ бы кошель,
 Ахъ, Зулейки, Фатьмы и Гюльнары: что мнѣ до нихъ!
 Не зови меня, купецъ знакомый, — щеголь ли я?
 Хороши шальвары изъ Бухары: что мнѣ до нихъ!

20.

Алость злата—блескъ фазаній въ склонахъ горъ!
 Не забыть твоихъ лобзаній въ склонахъ горъ!
 Рогъ охотъ звучитъ зазывно въ тишинѣ.
 Какъ бѣжать своихъ терзаній въ склонахъ горъ?
 Вѣрно мѣтитъ дротикъ легкій въ бѣгъ тигриць,
 Кровь забьетъ отъ тѣхъ вонзаній въ склонахъ горъ.
 Пусть языкъ коснѣя лижетъ остріе, —
 Тщетна ярость тѣхъ лизаній въ склонахъ горъ.
 Крикъ орловъ въ безлѣсныхъ кручахъ, визги стрѣлъ,
 Хмѣль строптивыхъ состязаній въ склонахъ горъ!
 Гдѣ мой плѣнъ? къ тебѣ зываю, милый плѣнъ!
 Что мнѣ сладость приказаній въ склонахъ горъ?
 Горный вѣтеръ, возврати мнѣ силу мышцъ
 Сѣтъ порвать любви вязаній въ склонахъ горъ.
 Ночь, спустись своей прохладой мнѣ на грудь:
 Власть любви все несказаннѣй въ склонахъ горъ!
 Я лежу, какъ пардъ пронзенный, у скалы.
 Тяжко бремя наказаній въ склонахъ горъ!

21.

Лѣтомъ намъ бассейнъ отраденъ плескомъ брызгъ!
 Блещетъ каждая изъ впадинъ плескомъ брызгъ!
 Томнымъ полднемъ лѣнь настала: освѣжись—
 Словно горстью свѣтлыхъ градинъ—плескомъ брызгъ!
 Мы на прудъ ходить не станемъ, окропись—
 Вдалекѣ отъ тинныхъ гадинъ,—плескомъ брызгъ!
 Ахъ, изсохло русло нѣги, о, когда
 Я уплюсь, лобзаній жаденъ, плескомъ брызгъ?
 И когда я, бѣдный странникъ, залечу
 Жаръ больной дорожныхъ ссадинъ плескомъ брызгъ?
 Встрѣчи ключъ, възграй привольно, какъ и встарь,
 (О, не будь такъ безпощаденъ!) плескомъ брызгъ!

22.

Несносный вѣтеръ, ты не вой зимою:
 И безъ тебя я самъ не свой зимою!
 Въ разводѣ съ лѣтомъ я, съ тепломъ въ разводѣ,
 Въ разводѣ съ вешней бирюзой зимою!
 Одѣтъ я въ трауръ, мой тюбанъ распущенъ,
 И плащъ съ лиловою каймой зимою.
 Трещи костеръ изъ щепъ сухихъ. О, сердце,
 Не солнце ль отблескъ золотой зимою?
 Смогу я въ ларчикѣ съ замкомъ узорнымъ
 Сберечь весну и полдня зной зимою.
 Печати воскъ—непроченъ. Ключъ лобзаній,
 Вонзись скорѣй въ замокъ рѣзной зимою!
 Разлукъ кровь не утишить; уймется
 Лишь подъ могильною плитой зимою!

23.

Когда услышу въ пѣньи птицъ: „снова съ тобой!?“
И скажетъ говоръ голубицъ: „снова съ тобой!?“
И вновь звучить охоты рогъ, свора собакъ,
И норы скрытыя лисицъ: „снова съ тобой!“
Кричитъ орелъ, шумитъ ручей,—все про одно,—
И солнца свѣтъ, и блескъ зарницъ: „снова съ тобой!“
Цвѣты пестро цвѣтутъ въ лугахъ—царскій коверъ—
Вѣнецъ любви, вѣнокъ царицъ—„снова съ тобой!“
Опять со мной топаза глазъ, розовый ротъ
И стрѣлы—ахъ!—золотыхъ рѣсницъ! Снова съ тобой!!

24.

Зову: „пещерный мракъ покинь, о Дженнъ! сильно за-
клятье!
Во тьмѣ, въ огнѣ, одѣтъ иль обнаженъ! сильно за-
клятье!
Я снялъ печать съ дверей твоихъ пещеръ, тайные
знаки;
Къ моимъ ногамъ ползи, какъ рабъ согбенъ! сильно
заклятье!
Стань дымомъ, рыбой, львомъ, змѣей, женой, отрокомъ
милымъ:
Игра твоихъ безцѣльна перемѣнъ. Сильно заклятье!
Могу послать тебя, куда хочу, долженъ летѣть ты,
Не то тебя постигнетъ новый плѣнъ. Сильно заклятье!
Не надо царства, кладовъ и побѣдъ; дай мнѣ увидѣть
Лицомъ къ лицу того, кто чуждъ измѣнъ. Сильно за-
клятье!
О факелъ глазъ, о станъ лозы, уста, васъ ли я вижу?!
Довольно, Дженнъ, твой сонъ благословенъ. Сильно за-
клятье!“

25.

Онъ пришелъ въ одеждѣ льна, бѣлый въ бѣломъ!
 „Какъ молочна бѣлизна, бѣлый въ бѣломъ!“
 Томень взглядъ его очей, тяжки вѣки,
 Роза щекъ едва видна: „бѣлый въ бѣломъ,
 Отчего проходишь ты безъ улыбки?
 Жизнь моя тебѣ дана, бѣлый въ бѣломъ!“
 Онъ въ отвѣтъ:—молчи, смотри: дѣло Божье!
 Бѣлизна моя ясна: бѣлый въ бѣломъ.
 Бѣло-тѣло, бѣль-нарядъ, ликъ мой блѣденъ,
 И судьба моя блѣдна: бѣлый въ бѣломъ!

*) Газелы 25, 26 и 27 представляютъ собоювольное переложение стихотворныхъ отрывковъ, вставленныхъ въ „1001 ночь“, написанныхъ, впрочемъ, не въ формѣ газель. Взято по переводу Mardrus (t. VI. „Aventure du poète Abou-Nowas“, pgs 68, 69 et 70, nuit 288.).

Осеннія озера.

26.

Онъ пришелъ, угрозы тая, красный въ красномъ,
И вскричалъ, смущенный, тутъ я: „Красный въ крас-
номъ!

Прежде былъ блѣднѣе луны, что же нынѣ
Рдѣютъ розы, кровью горя, красный въ красномъ?“
Облеченъ въ багряный нарядъ, гость чудесный
Улыбнулся, такъ говоря, красный въ красномъ.
„Въ пламя солнца вотъ я одѣтъ. Пламя — яро.
Прежде плащъ давала заря. Красный въ красномъ.
Щеки — пламя, красенъ мой плащъ, пламя — губы,
Дастъ вина, что жгучѣй огня, красный въ красномъ!“

27.

Черной ризой скрыты плечи. Черный въ черномъ.
И стоятъ, смотря безъ рѣчи, черный въ черномъ.
Я къ нему: „смотри: завистникъ-врагъ лжуетъ,
Что лишень я прежней встрѣчи, черный въ черномъ!
Вижу, вижу: мракъ одежды, черный локонъ—
Черной гибели предтечи, черный въ черномъ!“

28.

Какихъ достоинъ ты похвалъ, Искандеръ!
 Великій городъ основалъ Искандеръ!
 Какъ вѣтеръ въ небѣ, путь прошелъ къ востоку
 И ветхій узелъ разорвалъ Искандеръ!
 Въ пещеру двухъ владыкъ загнавъ навѣки,
 Ихъ узы въ ней заколдовалъ Искандеръ!
 Влекомъ, что валъ, велѣнемъ волю предвѣчныхъ,
 Былъ твердъ средь женскихъ покрывалъ Искандеръ.
 Ты—вольный вихрь, восточныхъ вратъ воитель,
 Воловій взоръ, луны овалъ, Искандеръ!
 Весь міръ въ плѣну: съ любви свѣчой въ десницѣ
 Вошелъ ты въ тайный мой подвалъ, Искандеръ.
 Твой страшенъ видъ, безмолвенъ ликъ, о дивный!
 Какъ врагъ иль вождь ты мнѣ кивалъ, Искандеръ?
 Желаній мѣдъ, желѣзо волю, воитель,
 Ты все въ мечѣ своемъ сковалъ, Искандеръ.
 Волшебникъ свѣтлый, ты молчишь? во вѣки
 Тебя никто, какъ я, не звалъ, Искандеръ!

29.

Взглянувъ на темный кипарисъ, пролей слезу, любив-
 шій!
 Будь ты подеищикъ, будь Гафизъ, пролей слезу, лю-
 бившій!
 Бѣлѣть стволъ столба въ тѣни, покоя стражникъ
 строгій,
 Концы чалмы спустились внизъ; пролей слезу, любив-
 шій!
 Воркуетъ горлицъ кроткій рой, покой не возмущая,
 Священный стихъ обвилъ карнизъ: пролей слезу, лю-
 бившій.
 Здѣсь сердце, путникъ, мирно спитъ: оно любовью
 жило:
 Такъ нищаго питаетъ рисъ; пролей слезу, любившій!
 Кто бъ ни былъ ты, идя, вздохни; почти любовь, про-
 хожій,
 И бросивъ набожно нарциссъ, пролей слезу, любившій!
 Придетъ ли кто къ могилѣ нѣгъ заросшею тропю
 Въ безмолвной скорби темныхъ ризъ? пролей слезу,
 любившій.

30.

Я кладу въ газэлы ларь вѣнокъ весенъ.
 Ты прими его какъ царь, вѣнокъ весенъ.
 Пѣсни ты сочти мои,—сочтешь годы,
 Что даетъ тебѣ какъ встарь вѣнокъ весенъ.
 Яхонтъ розы—дни любви, разлукъ время—
 Желтыхъ крокусовъ янтарь—вѣнокъ весенъ.
 Коль доволенъ, поцѣлуй, когда мало,—
 Взоромъ въ сердце мнѣ ударъ, вѣнокъ весенъ.
 Я ошибся, я считалъ лишь тѣ сроки,
 Гдѣ былъ я твой секретарь, вѣнокъ весенъ.
 Бровь не хмурь: вѣдь ящикъ мой съ двойной крышкой,
 Чтобъ длиннѣй былъ календарь, вѣнокъ весенъ!

ГАНСУ ф. ГЮНТЕРУ

II.
ВСАДНИКЪ

Іюль, 1908.

1.

Дремучій лѣсъ вздыбилъ по горнымъ кручамъ,
 Зубцы дубовъ; румяная заря,
 Прогнавши ночь, на зло упрямымъ тучамъ,
 Въ ручей лучить рубинъ и янтаря.
 Не трубить рогъ, не рыщутъ егеря,
 Дороги нѣтъ смиреннымъ пилигримамъ,—
 Куда ни взглянь—однихъ деревъ моря
 Уходятъ вдалъ кольцомъ необозримымъ.
 Все пламеннѣй востокъ въ огнѣ необоримомъ.

2.

Росится путь, стучитъ копытомъ звонкій
 О камни конь, будя въ лѣсу глухомъ
 Лишь птицъ лѣсныхъ протяжный крикъ и тонкій,
 Да бѣлки бѣгъ на стволъ, покрытый мхомъ.
 Въ dospѣхѣ латъ вѣвзжаетъ въ лѣсъ верхомъ,
 Узду спустивъ, молодой и блѣдный витязь.
 Онъ властью силъ таинственныхъ влекомъ.
 Безумень, кто бъ вслѣлъ: „остановитесь!“
 И кто бъ послу судьбы сказалъ: „назадъ вернитесь“.

3.

Заграждены его черты забраломъ,
 Лишь свѣтель блескъ въ стальныхъ орбитахъ глазъ,
 Да ротъ цвѣтетъ просвѣтомъ густо алымъ,
 Какъ полоса зари въ ненастный часъ.
 Казалось, въ лѣсъ вступилъ онъ въ первый разъ,
 Но страха чуждъ былъ ликъ полудѣвичій
 И безъ пятна золотыхъ очей топазъ.
 Не преградить пути оракуль птичій, —
 „Иди всегда впередъ“ — вотъ рыцаря обычай.

4.

Ужъ полпути отъ утра до полудня
 Свѣтило дня неспѣшно протекло.
 Какъ и всегда, въ день праздничный иль будни,
 Къ зениту вверхъ стремить свой бѣгъ оно.
 Туманна даль, какъ тусклое стекло,
 Вдругъ ковь храпятъ, какъ бы врага почуя,
 Трубить рожокъ, несслыханный давно,
 И громкій крпкъ несется, негодуя:
 „Ни съ мѣста, рыцарь, стой! Тебя давно ужъ жду я!“

5.

Блестящій щать и панцырь вскрометный
 Тугую грудь примѣтно отмѣчалъ,
 По шелкъ кудрей, румянецъ, чуть замѣтный,
 Дѣвицу въ немъ легко изобличалъ,

И рѣчь текла безъ риторскихъ началъ:
 „Браманта—я! самцовъ я ненавижу,
 Но міру дать вождя мнѣ духъ вѣщаль.
 Ты выбранъ мной! Пусть врагъ! теперь увижу,
 Напрасно ли судьба влекла меня къ Парижу!

6.

Сразись со мной! тебѣ бросаю вызовъ!
 О если бъ былъ ты встрѣчныхъ всѣхъ сильнѣй!
 Желанея мнѣ не прихотью капризовъ,
 Но силой той, что крѣпче всѣхъ цѣпей.
 Возьми меня! Какъ звонокъ стукъ мечей!
 Паду твоей! О сладость пораженья!
 Вотъ грудь моя: побѣду пей на ней!
 Не медли, мечъ! О рыцарь, брось сомнѣнья,
 Скуемъ любви союзъ и ненависти звеня!“

7.

Въ отвѣтъ молчить; безъ эха прозвучала
 Браманты рѣчь, и тягостнымъ мечемъ
 Разсѣвши ель, впередъ свой бѣгъ промчала
 Дѣвица-мужъ, мелькнувши въ лѣсъ плащомъ,
 Исчезла въ даль. Пожалъ герой плечомъ
 И ѣдетъ вновь впередъ неугомонно,
 Не думая, казалось, ни о чемъ.
 Лѣса и долъ,—все протекало мимо,
 Такъ странника влечетъ звѣзда Іерусалима.

8.

Ужь полдень слать лучи приутомился,
 Закинулъ лукъ, вложилъ стрѣлу въ колчанъ,—
 Какъ на лугу нашъ витязь очутился.
 Видѣлся холмъ, вѣнцомъ дубовъ вѣчанъ,
 И облаковъ бѣлѣлъ воздушный станъ.
 Надъ ручейкомъ безпечнымъ и спокойнымъ
 Въ поляхъ брела, склоняя гибкій станъ,
 Безъ покрываль, лучамъ открыта знойнымъ,
 Дѣвица, что весна, съ лицомъ, любви достойнымъ.

9.

Цвѣты рвала, на рыцаря взирая,
 И скромный стихъ въ устахъ ея звенѣлъ;
 Она жильцомъ скорѣй казалась рая;
 Былъ кожа цвѣтъ такъ нѣженъ и такъ бѣлъ,
 Что съ лилей сравниться бы посмѣлъ.
 Простой уборъ и косъ шафранныхъ пряди,
 А наверху волосъ прямой раздѣлъ,
 И жемчугъ легъ струей на тонкомъ рядѣ.
 Сильнѣе дѣвы власть при скромномъ столѣ нарядѣ.

10.

Стыдливо рѣчь ведетъ она къ герою,
 Потупя взоръ и выронивъ цвѣты:
 „Ждала тебя, о витязь мой, не скрою.
 Во снѣ давно уже являлся ты,

Посоль небесъ, неясный плодъ мечты!
 Молюсь тебѣ, склонивъ свои колѣни,
 Въ пустынный край влекутъ твои черты,
 Гдѣ жители лишь волки да олени,
 Но не услышишь ты ни жалобы, ни пени.

11.

Всегда съ тобой: какое счастье выше?
 Достался мнѣ блаженнѣйшій удѣлъ.
 Всевышній Богъ, мольбу мою услыши!
 Отъ копій злыхъ храни его и стрѣлъ,
 Чтобъ совершить не мало славныхъ дѣлъ.
 А мнѣ въ трудахъ служить твоимъ покоемъ,
 Любить тебя желанный часъ приспѣлъ.
 Мы славы, другъ, теперь уже не скроемъ:
 Какъ стоя на вѣсахъ, равно другъ друга стоимъ“.

12.

Движеньемъ рукъ томленье выражая,
 Къ себѣ манить проѣзжаго она:
 „Возьми меня: тебѣ я не чужая,
 Какъ не чужа въ рѣкѣ волнѣ волна.
 Вѣдь грудь твоя моей любви полна“.
 Подобна рѣчь струямъ ручья журчащимъ:
 Поетъ въ камняхъ, прохладна и темна.
 Но рыцарь вдалѣ стремится къ новымъ чащамъ,
 Влекомъ любви огнемъ стремящимъ и не спящимъ.

13.

Ужъ солнце вновь лучи свои скосило:
 Вечерній лѣсъ—чернѣе каждый мигъ.
 Коня ведетъ таинственная сила
 Путемъ, гдѣ свѣтъ закатный не проникъ.
 Былъ такъ же тихъ и свѣтелъ блѣдный ликъ
 У витязя съ безслезными глазами.
 Не щеть встрѣчь съ веселымъ стукомъ пикъ,
 И къ дѣвамъ слѣпъ съ завптыми косами,
 По къ цѣли Рокъ стремить безвѣстными путями.

14.

Пещеры сводъ навстрѣчу всталъ изъ чащи,
 Тѣнистый входъ въ темнѣющую тѣнь.
 А крови стукъ—тревожитъ и слаще,
 Трепещетъ грудь, какъ загнанный олень...
 Быстрѣй, быстрѣй стремится къ ночи день...
 Подъ сводомъ тѣмъ стоитъ недвижно дѣва,
 Ни съ мѣста конь, копытомъ бьетъ о пень...
 Глядитъ она безъ страха и безъ гнѣва,
 Слова звучатъ свѣжей свирѣльнаго напѣва.

15.

„Кто путь открылъ, куда всѣмъ путь заказанъ,
 Тотъ долженъ стать достойнымъ тайну знать.
 Елсемъ ты таинственнымъ помазанъ,
 Ты—господиъ, не самозванный тать.

Вступи сюда! Воззри, ночная Мать,
 Твой сынъ пришелъ прочесть нѣмые знаки;
 Вотъ—тайный часъ, чтобъ жатву жизни жать,
 Въ колосья ржи влести мечтаній маки,
 Внемли, ночная Мать, къ тебѣ зываю паки!“

16.

И руки, вверхъ поднявши, опустила,
 И бѣлый жезлъ чертилъ волшебный кругъ.
 Его душа тревожно-сладко ныла.
 Такъ тетиву прямишь упрямый лукъ,
 А та дрожить, неся стѣсненный звукъ.
 „Что дашь ты мнѣ?“ спросилъ у дѣвы странной.
 —Любовь и власть—дары все тѣхъ же рукъ—
 Она въ отвѣтъ.—Да къ мудрости неожиданной
 Получишь ключъ, войдя въ пещеру, гость желанный.

17.

„Любовь не здѣсь!“ — прочелъ я въ фоліантахъ;
 „Любовь не здѣсь“, сказалъ мнѣ говоръ птицъ,
 Когда читалъ о чудищахъ, гигантахъ,
 И бѣгалъ въ лѣсъ отъ пламенныхъ страницъ.
 Пусть гротъ таятъ всѣ тайнства блудницъ,—
 „Любовь не здѣсь!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный.
 „Впередъ, впередъ!“ зоветъ рожокъ зарницъ;
 И голосъ дѣвъ, прелестный, но случайный,
 Не въ силахъ совратить съ тропы необычайной.

18.

Она къ нему, полна глухой обиды:
 „Любовь не здѣсь? но гдѣ жъ тогда любовь?
 Елены гдѣ? Дидоны и Армицы?
 Не здѣсь ли всѣ? Молчи, не прескословь!
 Войди сюда, не хмурь угрюмо бровь:
 Въ любви лишь власть познанья мы обрящемъ.
 Уйми свой бѣгъ, что тянетъ вновь и вновь
 Идти впередъ къ инымъ, все новымъ чащамъ,
 Гдѣ неизвѣстность спать, глуха къ рогамъ манящимъ“.

19.

—Ты знаешь путь къ любви? въ моей дорогѣ
 Вотъ все, что нужно отъ тебя мнѣ знать.
 Гдѣ страсти храмъ, священные чертоги,
 Ты мнѣ должна, коль можешь, указать.
 Властитель я, не самозванный тать, —
 Твои слова, зовущая въ пещеру—
 Вѣнцомъ любви чело короновать
 Дается тѣмъ, кто сохраняетъ вѣру,
 Поправъ гордыни льва и ярости пантеру.—

20.

„Одинъ лишь путь, то путь къ себѣ я знаю,
 Другого нѣтъ пути въ любви страну,
 Зачѣмъ бѣжишь? зачѣмъ стремишься къ краю,
 Гдѣ тщетно ждешь безъ осени весну?“

Онъ тихо взоръ подъемлетъ на жену
 И поздній путь спѣша свершить до мрака,
 Онъ шпорой вновь въ бокъ колетъ скакуну.
 Послушенъ конь, какъ вѣрная собака;
 Чтобъ бѣгъ стремить, лишь ждалъ условленнаго знака.

21.

И снова лѣсъ, тѣснятся снова скалы;
 Ужъ гасить ночь вечерніе огни,
 И въ высотѣ изломы и оскалы
 Стѣнныхъ зубцовъ, чуть видные въ тѣни.
 „Эй, гдѣ ты, стражъ, ключъ ржавый поверни!
 Отвѣтъ рожку, пусть спустятъ мостъ подъемный,
 Сигнальный флагъ на башнѣ разверни:
 Здѣсь путникъ ждетъ, не недругъ вѣроломный!“
 Но горный замокъ спитъ, безмолвный и огромный,

22.

Не поднять мостъ, и конь, стуча копытомъ,
 Стремится внутрь, ворота миновавъ.
 На томъ дворѣ, ничьимъ слѣдомъ не взрытомъ,
 Деревьевъ нѣтъ, зеленыхъ нѣту травъ.
 Коня къ крыльцу надежно привязавъ,
 Спѣшить войти въ безмолвное жилище,
 Ища себѣ не суетныхъ забавъ,
 Но розу розъ всѣхъ сладостнѣй и чище.
 Взалкавшимъ по любви святая дастся пища.

23.

Лишь эхо залъ отвѣты отдавало
 Шагамъ, во тьмѣ звучащимъ темныхъ залъ.
 Все обойдя, по лѣстницѣ подвала
 Спустился онъ въ невѣдомый подвалъ.
 Замокъ съ дверей, на землю сбить, упалъ,
 И свѣтъ свѣчей чертой дрожащей круга
 Явилъ очамъ высокій пьедесталъ,—
 И отрокъ нагъ къ нему привязанъ туго.
 И витязъ сталъ предъ нимъ, исполненный испуга.

24.

Лукавый взоръ былъ свѣтель и печалень,
 Острился край златѣющихъ рѣсницъ,
 И розанъ рта, пчелой любви ужаленъ,
 Рубиномъ рдѣлъ, какъ лалъ въ вѣнцѣ царицъ;
 Костей составъ, отъ пятки до ключицъ,
 Такъ хрупокъ былъ подъ тѣломъ смугло-нѣжнымъ,
 Что тотчасъ всякъ лицомъ склонился бѣ ницъ,
 Признавъ его владыкой неизбѣжнымъ.
 И къ гостю ликъ склонилъ съ привѣтомъ безмятежнымъ.

25.

„Ты здѣсь, любовь! твой разрушу узы!“
 Воскликнулъ тутъ неистовый пришлецъ.
 „Миѣ все равно: твой ликъ, иль ликъ медузы
 Предсталъ бы миѣ, какъ странствія конецъ.“

Служить тебѣ—вотъ сладостный вѣнецъ!
 Прими въ рабы, твои беру девизы,
 Твои цвѣта—мнѣ дивный образецъ,
 Законъ же мнѣ—одни твои капризы.
 Смотри: я путь прошелъ, не запятнавши ризы. ²

26.

Съ улыбкою Амуръ освобожденный,
 Какъ поводырь, его за руку взялъ,
 И подведя ко двери потаенной,
 Сіявшій знакъ надъ нею указалъ.
 Цвѣтокъ любви тотъ знакъ изображалъ,
 Блестѣлъ въ тѣни, горя и не сгорая,
 И яркій лучъ струя въ подземный залъ.
 О сердца свѣтъ! о роза, роза рая,
 Я вновь крещенъ тобой, любви купель вторая!

27.

И молвилъ вождь: „вотъ я тебя цѣлую!“
 И ртомъ въ чело печать навѣки вжегъ.
 Трепещеть гость, почуя „алилуйю“.
 Отрывши дверь, ступилъ черезъ порогъ.
 Былъ малъ и пусть открывшійся чертогъ,
 Узорный полъ расчерченъ былъ кругами,
 Въ срединѣ кустъ, гдѣ каждый лепестокъ
 Сравнится бъ могъ съ рубинными огнями;
 Безмолвье и покой межъ свѣтлыми столбами.

Покой найдя, всталъ рыцарь уснокоенъ,
Любовь найдя, поднялся онъ влюбленъ,
Свой мечъ храня, явился чистымъ воинъ,
Кольцо храня, любви онъ обрученъ.
Амуръ глядитъ, мечемъ освобожденъ,
Цвѣтокъ цвѣтетъ, качаяся лѣниво,
И въ узкій кругъ волшебво заключенъ,
Лучить любовь до крайняго обвива.
О кругъ святой любви! о райской розы диво!

ВСЕВОЛОДУ КНЯЗЕВУ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Сладостной въря святынѣ,
Ждалъ не тебя ли?
Страстнымъ желаніямъ нынѣ
Ангелы вняли.*

*Въ комнату свѣтлой и тѣсной
Въ сумерки мая
Гость появился чудесный,
Латъ не снимая.*

*Кто его шопотъ разслышитъ
Въ пѣніи здѣшнемъ?
Сердце же любитъ и дышитъ
Въяніемъ вешнимъ.*

*Пусть мои мысли застыли,
Память нѣмая,
Вспомни, являлся не ты ли
Въ сумерки мая?*

*Камень копьемъ прободая,
Вызови воду,
Чтобы текла, золотая,
Вновь на свободу!*

I.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМЪ.

Вскликала Пречистая
 На гору высокую,
 Увидѣла Чистая
 Михайла-Архангела,
 Сказала Пречистая
 Михайлу-Архангелу:
 „Ты свѣтлый, пресвѣтлый
 Михаѣиль-Архангелъ,
 Сведи меня видѣть
 Всю муку людскую,
 Какъ мучатся грѣшники
 Бога не знавшіе,
 Христа позабывшіе,
 Зло творившіе“.
 Повелъ Пречистую
 Михаѣиль-Архангелъ
 По всѣмъ по мукамъ
 По мученскимъ:
 Въ геенну огненную,
 Въ тьму кромѣшную,
 Въ огонь неусыпающій,
 Въ рѣку огненную.

Что на сѣверѣ муки
 И на югѣ,
 На востокѣ солнца
 И на западѣ.
 Видѣла Чистая
 Всѣ муки людскія,
 Какъ мучатся грѣшники,
 Бога не знавшіе,
 Христа позабывшіе,
 Зло творившіе:
 Князья, помы и мірская чадь,
 Что въ церковь не хаживали,
 Кануновъ не читывали,
 Святыхъ книгъ не слыхивали,
 Заугрени просыпали,
 Вечерни пропивали,
 Съ кумами блудили,
 Нищихъ прогоняли,
 Странныхъ не принимали,
 Пьяницы, зерщики,
 Скоморохи, помы лѣнивые,
 Немилостивые, нежалостливые,
 Всѣ лихія скаредныя
 Дѣла сотворшіе.
 Какъ увидѣла Чистая
 Всѣ муки людскія,
 Восплакала, возрыдала,
 Грѣшникамъ говорила:
 „Вы бѣдные, бѣдные грѣшники,
 Бѣдные вы, несчастные,
 Лучше бы вамъ не родиться.

Ты свѣтлый пресвѣтлый
 Михаїль-Архангелъ,
 Вверзи меня
 Въ геенну огненную:
 Хочу я мучиться
 Съ грѣшными чадами Божьими“.

Сказаль Пречистой

Михаїль-Архангелъ:

„Владычица Богородица,
 Госпожа моя Пресвѣтлая!
 Твое дѣло—въ раю покоиться,
 А грѣшникамъ--въ аду кипѣть.
 А попроси лучше Сына Своего,
 Иисуса Христа Единороднаго,
 Да помилуетъ Онъ грѣшниковъ“.

Не послушалъ Господь Богородицы,

Не помиловаль Онъ грѣшниковъ,

И опять взмолилась Пречистая:

„Гдѣ вы, пророки, апостолы,
 Гдѣ ты, Моисей Боговидѣцъ,
 Даніилъ съ тремя отроки,
 Иванъ Богословецъ, Христовъ возлюбленникъ,
 Гдѣ ты, Никола угодникъ,
 Пятница, красота христіанская?
 Припадите вы ко Господу,
 Да помилуетъ онъ грѣшниковъ!“

Не послушалъ Господь Богородицы,

Не помиловаль Онъ грѣшниковъ,

И втретіе вскричала Пречистая:

„Гдѣ ты, сила небесная:
 Ангелы и архангелы,

Херувимы и серафимы,
Гдѣ ты, Михаилъ-Архангелъ,
Архистратигъ вой небесныхъ?
Припадите вы ко Господу,
Да помилуетъ онъ грѣшниковъ!“

И припали всѣ святые ангелы,
Пророки, апостолы,
Иванъ Богословецъ, Христовъ возлюбленникъ,
Пятница, красота христіанская, —
И застонала высота поднебесная
Отъ ихъ плача-рыданія.

И услышалъ ихъ Господь Милостивый,
И скажлся Онъ надъ грѣшниками:
Даль имъ покой и веселіе
Отъ Великаго Четверга
До святыхъ Пятидесятницы.

О СТАРЦѢ И ЛВѢ

Солнце за лѣсомъ ужъ скрылося,
 На луга ужъ палъ туманъ,
 По дорогѣ идетъ старецъ,
 Старецъ, инокъ пречестной.
 Навстрѣчу старцу
 Идетъ левъ звѣрь,
 Левъ дикій, лютый
 Звѣрь рыкающій.

„О люте льве, звѣрю рыкающій,
 Пожри, пожри меня:
 Во грѣхахъ я весь родился,
 И прощенья нѣтъ ужъ мнѣ.
 А грѣховъ на мнѣ,
 Что на соснѣ смолы.
 Тридцать лѣтъ о грѣхахъ я плачуся
 И очистилъ много ихъ,
 Лишь одинъ грѣхъ неочищенный
 День и ночь меня томить.
 Былъ я въ молодости возчикомъ,
 И дятя я задавилъ.

И съ тѣхъ поръ отрокъ загубленный
Все стоитъ передо мной.
Онъ стоитъ съ улыбкой тихою,
Говорить, головой киваючи:
„Ты за что сгубилъ мою душу?“
Ни постомъ, ни молитвой, ни бдѣніемъ
Не заглушить того голоса,
И одно лишь мнѣ спасеніе:
Свою жизнь отдать за сгубленную.
О люте льве, звѣрю рыкающій,
Ты пожри меня, старца грѣшнаго!“

И легъ старецъ льву на дорогѣ,
Чтобы пожралъ его лютый звѣрь,
Но лютый левъ, звѣрь рыкающій,
Кротко посмотрѣлъ на инска,
Помоталъ головой косматю,—
И прыгнулъ черезъ старца въ темный лѣсъ.
И всталъ старецъ свѣтель и радостенъ,
Знать, простилъ его Господь,
И простило дитя,
Отроча малое.

О РАЗБОЙНИКЪ.

Жилъ въ еракійскихъ странахъ
Лютый-злой разбойникъ,
Убиваль онъ, грабилъ,
Про Бога не помнилъ.
И стали мерзѣть ужъ
Ему грѣхъ, насилье,—
Тутъ о Богѣ вспомнилъ
И горько заплакалъ.
И пошелъ онъ въ городъ
Судиямъ предаться;
Ночевать остался
Въ гостиницѣ бѣдной.
И всю ночь онъ плакалъ,
Жизнь вспоминая,
Утираль убрुцсемъ
Горючія слезы.
Въ тѣ поры гостинникъ
Дивный сонъ онъ видѣлъ:
Ангелы Божьи
Подъемяють вси души

Осенія озера.

И несутъ ихъ борзо
 Къ престолу Господню.
 Принесли тутъ ангелы
 Разбойничью душу,
 Черна и страшлива,
 Къ ангеламъ прижалась.
 И кладутъ тутъ мурины
 На лѣвую чашку
 Всѣ грѣхи, неправду,
 Татьбы и убійства.
 Расплакались ангелы,
 Красные юноши:
 Нечего класть имъ
 На правую чашку.
 Вспомнили тутъ что-то
 Ангелы Господни,
 Встрепенули крыльями,
 Слетѣли на землю.
 Принесли убрусецъ,
 Слезами смоченный,
 Положили въ чашку
 Съ Божьимъ милосердьемъ.
 Дивно видѣнью!
 Неудобъ сказанью!
 Чашка съ грѣхами
 Вверхъ поднялась.
 Проснулся гостинникъ
 Въ страхъ превеликомъ,
 Бросился въ покоецъ,
 Гдѣ присталъ разбойникъ.
 Догорала свѣчка

У Спасова лика,
Лежить самъ разбойникъ,
Лежить онъ, но дышать,
Сложны на крестъ
Грѣшныя руки,
На груди убрусець,
Слезами смоченный.

СТИХЪ О ПУСТЫНѢ.

Я молодой, я бѣдный юношѣ,
 Я Бога боюся,
 Я пойду да во пустыню
 Богу помолюся.
 Молодое мое тѣло
 Постомъ утрудити,
 Мои глазоньки пресвѣтлы
 Слезами затмити.
 И срублю я во пустынѣ
 Себѣ тѣсну келью,
 Стану жить я во пустынѣ
 Съ дивными звѣрями.
 Я поставлю мѣдный крестикъ
 На зелену сбснѣ,
 Прилѣплю я желту свѣчку
 Ко тонкой ко вѣткѣ,—
 И начну я службу править,
 Птички зааминять,
 И услышитъ ангелъ Божій
 Тайную молитву.

Ни исправникъ, ни урядникъ
 Меня здѣсь не схватятъ,
 Ни попы, ни дьяконы
 Въ церковь не затачатъ.
 Никого въ пустынѣ нѣту,
 Да не возгорюю,
 Никого я здѣсь не встрѣчу,
 Да не воздохну я.
 Распѣваютъ малы пташки
 Архангельски гласы,
 Утѣшаютъ младу душу
 Тѣ ли пѣсни райски.
 Не попомню сладкихъ брашенъ,
 Одеждъ многоцвѣтныхъ,
 Не взыщу я питей пьяныхъ,
 Друзей прелюбезныхъ.
 Деревя, вы деревочки,
 Мои братцы милы,
 А береза бѣлоножка
 Дорога сестрица.
 О, прекрасная пустыня,
 Мати всеблагая,
 Пріими свое ты чадо
 Въ свои сладки нѣдра!

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Вы подумайте, мила братія,
 Каково будетъ намъ въ послѣдній день;
 Какъ вострубитъ ангель во трубушку,
 И отворятся двери райскія,
 Вся земля тутъ вспоколеблется,
 Солнце, мѣсяцъ тутъ померкнутъ вдругъ,
 Звѣзды съ неба спадутъ, какъ листвіе,
 Само небушко тутъ скорсжется,
 Протекетъ тогда рѣка огненна
 По всей землѣ по черной,
 Попалитъ она древа, быліе,—
 Ничего тогда не останется.
 И услышатъ ту злату трубушку
 Души праведны, души грѣшныя,
 И войдутъ онѣ въ тѣлеса своя
 Въ новой плоти на судъ воскреснути:
 Изъ сырой земли, со дна морюшка,
 Встаютъ праведны, встаютъ грѣшники,
 Звѣри лютыя, птицы дикія
 Отдаютъ тѣла бѣдныхъ грѣшниковъ.

И возсядетъ тутъ Самъ Исусъ Христосъ
Судить праведныхъ, судить грѣшниковъ.
Онъ—судья го вѣдь Судья Праведный,
Онъ не смотритъ на лица, Батюшка,
А у ангеловъ мѣрила правильны,
И вѣсы у нихъ справедливые.
Тутъ ужъ все равны: цари, нищие,
Простецы и попы соборные,
Не поможетъ тутъ злато-серебро,
Ни краса, ни уста румяныя,
Не помогутъ тутъ отецъ съ матерью,
Не помогутъ друзья любезныя,
Лишь дѣла наши аль оправятъ насъ,
Аль осудятъ на муку вѣчную.
Поглотитъ тогда рѣка огненна
Въ муку вѣчную отсылаемыхъ,
А святыхъ души засвѣтятся,
И пойдутъ они въ пресвѣтлый рай.

II.
ПРАЗДНИКИ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Февраль, 1909.

1.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Прости неопытную руку, Дѣва,
И грѣшный, ахъ, сколь грѣшный мой языкъ,
Но къ клятвамъ вѣрности я такъ привыкъ,
Что Ты словамъ хвалебнаго напѣва
Внемли безъ гнѣва.

Будь я царемъ—Тебѣ моя порфира,
Будь я монахъ—покаялся бѣ въ чистотѣ,
Но что мнѣ дать въ смиренной нищетѣ:
Мое богатство, данное отъ міра—
Одна лишь лира.

Слагаю набожно простыя строки,
Святая Дѣва, благостно внемли!
Ты видишь все на небѣ, на земли,
Тебѣ извѣстны тайныхъ слезъ потоки
И смерти сроки.

И какъ мнѣ пѣть? откуда взять хвалений?
Что я въ юдоли сей? никто, ничто.
Но сердце страстное, оно не заперто,
Оно дрожить и жаждетъ умилений
Въ часы горѣній.

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ.

Анна плакала въ пустынь:
„Ахъ, не зпать мнѣ благостыни!
Люди, звѣри, мошка, птица,—
Все вокругъ насъ веселится,
Мнѣ же, бѣдной, никогда
Но свивать себѣ гнѣзда.

О, неплодная утроба!
Кто проводить къ двери гроба?
Мы, какъ грѣшники въ притворѣ:
Скрыть упрекъ во всякомъ взорѣ.
Всякій чпще, всякъ святѣй
Той, что ходитъ безъ дѣтей“.

Иоакимъ вдали тоскуетъ,
Ангель съ неба возвѣствуетъ:
„Божій рабъ, тоска напрасна.

Глазъ Господень ежечасно
Скорби праведниковъ зрять
И награду вмъ дарять.

Браки людямъ не запретны,
Не тужи, что вы бездѣтны,
А иди къ своимъ воротамъ,
Анна ждетъ за поворотомъ.
Ты жену свою прими,
Сердце грустью не томи!“

Гдѣ нашъ путь? куда, откуда?
Всѣ мы ждемъ святого чуда,
Кто покоренъ, кто смирененъ,
Тотъ въ пути лишь будетъ вѣренъ.
Претерпѣвый до конца
Устоится вѣнца.

Молвить, плача, мать сѣдая:
„Богу вѣрила всегда я,
Онъ, слезу мою отершій,
Онъ, покровъ Свой распростершій,
Не покинетъ Онъ меня,
Сладкой вѣстью возманя!“

Дни и ночи, ближе, ближе,
Анна молить: „О, внимли же,
Милосердъ къ Своимъ созданьямъ,
Не томп насъ ожиданьемъ!“
И въ пазначонную ночь
Родила Марію дочь.

О Марія, Дѣва дѣвамъ,
Ты внемли моимъ напѣвамъ!
Спаса міра Ты носила,
Пусть и мнѣ подастся сила
Пѣсни свято довести
И себя Тобой спасти.

3.

ВВЕДЕНІЕ.

Вводится Дѣвица въ храмъ по ступенямъ,
Сверстницы-дѣвушки идутъ за Ней.
Зыблется свѣтъ отъ лампадныхъ огней.
Вводится Дѣвица въ храмъ по ступенямъ.

Въ митрѣ рогатой сѣдой іерей
Дѣву встрѣчаетъ, поднявъ свои рука,
Бренный свидѣтель неслѣнной поруки,
Въ митрѣ рогатой сѣдой іерей.

Лѣстницу поступью легкой проходить
Дѣва Марія, смиренно спѣша.
Бѣлой одеждой тихонько шурша,
Лѣстницу поступью легкой проходить.

Старецъ, послушный совѣту небесъ,
Вводитъ Ее во святилище храма.
Онъ не боится упрековъ и срама,
Старецъ, послушный совѣту небесъ.

Бѣлой голубкою скрылась внутри,
Плотно закрылась святая завѣса.
Чуждая злымъ искушеніямъ бѣса,
Бѣлой голубкою скрылась внутри.

Что вы, подружки, глядите вослѣдъ?
Та, что исчезла бѣлѣй голубицы,
Снова придетъ къ вамъ въ одеждѣ Царицы.
Что вы, подружки, глядите вослѣдъ?

4.

БЛАГОВѢЩЕНЬЕ.

Какую книгу Ты читала
И дочитала ль до конца,
Когда въ калитку постучала
Рука небеснаго гонца?
Передъ лилеей Назаретской
Склонился набожно посоль.
Она глядитъ съ улыбкой дѣтской:
„Ты—вѣстникъ счастья или золь?“
Вѣщаетъ гость, цвѣтокъ давая:
„Благословенна Ты въ женахъ!“
Она глядитъ, не понимая,
А въ сердцѣ радость, въ сердцѣ страхъ.
Румяной розою зардѣла
И говорить, унявъ испугъ:
„Непостижимо это дѣло:
Не знаю мужа я, мой другъ.“

Спасенья нашего начало
Ей возвѣщаетъ Гавріилъ;
Она смиренно промолчала,
Покорна волѣ вышнихъ силъ,
И утро новымъ блескомъ блещетъ,
Небесны розы скромныхъ грядъ,
А сердце сладостно трепещетъ,
И узкимъ кажется нарядъ.
„Вотъ Я—раба, раба Господня!“
И долу клонится чело.
Какъ солнце свѣтится сегодня!
Какой весной все расцвѣло!
Умоляли ангельскіе звуки,
И нѣтъ небеснаго гонца
Взяла Ты снова книгу въ руки,
Но дочитала ль до конца?

5.

УСПЕНИЕ.

Успеніе Твое, Мати Богородица,
Опозданіемъ Ѳомы намъ открылося.
Святымъ Духомъ апостолъ водится
Далеко отъ братскаго клироса.
Покидаетъ онъ страны далскія,
Переходитъ онъ рѣки широкія,
Горы высокія,—
И приходитъ къ братьямъ апостоламъ.

Вскричалъ онъ, Ѳома, со рыданіемъ:
„Завела меня пучина понтова!
Вы блаженны послѣднимъ лобзаніемъ,
А Ѳома, сирота, онъ лишень того!
Ужь вы дайте мнѣ, рабу покорному,
Поклониться тому мѣсту горнему
Гробу чудотворному,
Какъ дано было прочимъ апостоламъ.“

Между двухъ деревъ холмъ виднѣется,
Красно солнце садится за море,
На холмѣ томъ гробъ бѣлѣется,
Гробъ бѣлѣется бѣломраморенъ.

Бѣлы ноги у Ѳомы подгибаются,
 Бѣлы руки у него опускаются,
 Очи смыкаются, —
 И нашла туга на апостоловъ.

Снова плачь близнеца возносится,
 Подымается къ небу ясному,
 Злая грусть въ сердца братьевъ просится.
 „Ахъ, увы мнѣ, увы мнѣ несчастному!
 Неужели, Мати, въ такомъ загонѣ я,
 Что сталъ хуже жиды—Авеонія,
 Лишенъ благовонія?
 Нелюбимый я среди апостоловъ!“

И ко гробу Ѳома подводится,
 Подводится ко гробу бѣлому,
 Гдѣ почилъ Святая Богородица.
 Диво дивное сердцу оробѣлому!
 Расцвѣли тамъ, большіе и малые,
 Цвѣты бѣлые, желтые и алые,
 Цвѣты небывалые.
 И склонились святыя апостолы.

Вмѣсто тѣла Богородицы Пречистыя—
 Купина цвѣтовъ благовонная;
 Поясокъ изъ парчи золотистыя
 Оставила Матерь Благосклонная
 Въ награду за Ѳомино терпѣніе,
 Въ награду за Ѳомино смиреніе,
 И увѣреніе.
 И прославили Дѣву апостолы.

6.

ПОКРОВЪ.

Подъ чтеніе понамарей,
 Подъ звонкіе напѣвы клироса
 Юродивый узрѣлъ Андрей,
 Какъ небо пламенемъ раскрылося.
 А въ пламени, какъ царскій хоръ,
 Блится воинство небесное,
 И распростертый омофоръ
 Въ рукахъ Невѣсты Невѣстныя.
 Ударилъ колокольный звонъ,
 И клиры праздничными гласами,—
 Выходитъ дьяконъ на амвонъ
 Предъ царскими иконостасами.
 А дьяконъ тотъ—святой Романъ,
 Что „сладкопѣвцемъ“ называется,—
 Онъ видитъ чудо, не обманъ,
 Что златомъ въ небѣ разстилается.
 Андрей бросается впередъ
 Навстрѣчу воинству побѣдному
 И омофору, что даетъ
 Покровъ богатому и бѣдному.

И чудомъ вѣщимъ пораженъ
Народъ и причтъ, и царь съ царицею,
И сонмъ благочестивыхъ женъ
Склонился долу вереницею.
„Даю вамъ, дѣти, свой покровъ:
Безъ пастыря—глухое стадо вы,
Но пастырь здѣсь,—и нѣтъ оковъ,
Какъ дымъ исчезнуть козни адовы.“
Горитъ звѣзда святыхъ небесъ,
Мечи дрожать лучемъ пылающимъ,—
И ликъ божественный исчезъ,
Растаявъ въ куполѣ сияющемъ.
Край неба утромъ засѣрѣлъ,
Андрей повѣдалъ нищей братіи,
Что въ ночь протекшую онъ зрѣлъ
Въ святомъ соборѣ Халкопратіи.

7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Одигитрія).

Водительница-Одигитрія!

Ты въ морѣ движешь корабли,
Звѣздой сіяешь намъ вдали,
Далеко отъ родной земли!
Ведешь Ты средь камней и скалъ,
Гдѣ волны воютъ, какъ шакалъ,
Гдѣ рокъ смертельный насъ искалъ,—
Ты же изъ бури, пучины, погибели, рева,
Выведешь къ пристани насъ, Одигитрія-Дѣва!

Водительница-Одигитрія!

Ты воинство ведешь на бой,
И ратные—сильны Тобой,
На смерть готовъ изъ нихъ любой
Стучать блаженные мечи!
И воздухъ жарокъ, какъ въ печи,
А въ небѣ свѣтлые лучи!
Ты не допустишь дѣтей до послѣдняго срама,
Ты распростерла надъ ними свою орифламму!

Водительница-Одигитрія!

Ты цѣлымъ возвратишь царя,
 Ты міру--красная заря!
 Ты не сгораешь, вѣкъ горя!
 Побѣда дастся въ свой чередъ:
 Какъ знамя, съ нами Мать идетъ,—
 И вражій клонится народъ.
 Ты намъ — охрана, побѣда, защита и сила,
 Окомъ Своимъ Ты враждебныя рати скосила!

Водительница-Одигитрія!

Помазанъ не былъ я царемъ,
 Миѣ данъ лишь жизни злой ярѣмъ:
 Не сами мы судьбу беремъ.
 Но я, какъ странникъ, страха полнъ,
 Грозить разбиться утлый челнъ,
 И какъ спастись отъ ярыхъ волнъ?
 Ты приведешь меня въ тихую, сладкую воду,
 Гдѣ я узнаю покорности ясной свободу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Посвященіе	5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Осеннія озера.

1. Хрустальное небо, видное сквозь лѣсъ	11
2. Протянуло паутину	13
3. О тихій край	14
4. Осенній вѣтеръ жалостью дышалъ	15
5. Снѣга покрыли гладкія равнины	17
6. Моей любви никто не можетъ смѣрить	18
7. Не вѣрю солнцу	19
8. Не могу я вспомнить безъ волненья	21
9. Когда и какъ придешь ко мнѣ ты	23
10. Когда и какъ приду къ тебѣ я	23
11. Что сердце? огородъ неполотый	24
12. Умру, умру, благословляя	25

II. Осенній май.

1. Съ чего начать?	29
2. Трижды въ темный склепъ страстей томящихъ	30
3. Коснѣли мысли медленныя въ лѣни	32
4. Все пламеннѣй стремленья	33
5. Не мальчикъ я	35
6. Влѣдны всѣ имена, и стары всѣ названья	37
7. Къ матери нашей, Любви	39
8. Въ краю Эстляндіи пустынной	40
9. Одно и то же небо надъ тобою	41
10. Въ началѣ лѣта	43
11. Для насъ и въ августѣ наступитъ май	44

III. Весенній возвратъ.

	Стр
1. Проходить все, и чувствамъ нѣтъ возврата . . .	47
2. Можетъ быть, я безразсуденъ	48
3. Какъ радостна весна въ апрѣлѣ	49
4. Окна неясны очертанья	50
5. У окна стоитъ юноша	51

IV. Зимнее солнце.

1. Кого прославлю въ тихомъ гимнѣ я?	55
2. Отри глаза и слезъ не лей	57
3. Опять затопилъ я печи	58
4. Слезы ревности влюбленной	59
5. Смирись, о сердце, не ропщи	60
6. О радость!	61
7. Ахъ, не плыть по голубому морю	62
8. Вѣтеръ съ моря тучи гонить	63

V. Оттепель.

1. Ты замѣчалъ: осеннею порою	67
2. Нѣтъ не зови меня,	68
3. Я не знаю, не напрасно ль	70
4. Съ какой-то странной силой	71
5. Катались Вы на острова	72
6. Дождь моросить, темно и скучно	73
7. Какъ люблю я запахъ кожи	75
8. Голый отроекъ въ полѣ ржи	77
9. Рано горлица проворковала	78

VI. Маякъ любви.

1. Свѣтлый мой затворъ!	81
2. Сколько разъ тебя я видѣлъ	82
3. Не правда ли, на маякъ мы	84
4. Ты сидишь у стола и пишешь	85
5. Сегодня что: среда, суббота?	86
6. Я знаю, я буду убить	87

	Стр.
7. Твой голосъ издали мнѣ пѣлъ	88
8. Теперь я вижу.	89
9. Надъ входомъ ангелы со свитками	90
10. Какъ странно: снѣгъ кругомъ лежитъ	91
11. Вы мыслите разъединить	92
12. Посрединѣ звѣринца—ограда	93

VII. Трое.

1. Насъ было трое: я и они	97
2. Ты именемъ монашескимъ овѣянь	98
3. Какъ странно въ голосъ твоимъ	99
4. Не правда ль, мальчикъ, то былъ сонъ	100
5. Увѣжалъ я средь мрака	101
6. Не вешнихъ дней мы ждемъ съ тобою	102
7. Когда душа твоя нѣмѣла	103
8. Казалось намъ: одежда мая	105

VIII. Листки разрозненныхъ повѣстей.

1. Молчимъ мы оба и владѣемъ тайной	109
2. Кому есть выборъ, выбираетъ	110
3. Свѣтлые кудри, да свѣтлые открытые глаза.	111
4. Тихія воды прудовъ фабричныхъ	112
5. Съ каждымъ мѣрнымъ поворотомъ	113
6. Въ потокѣ встрѣчныхъ лицъ искать глазами	114
7. Сердце бѣдное, опять узнало жаръ ты!	116
8. Ночью легкій шорохъ	117

IX. Разныя стихотворенія.

1. Волны ласковы и мирны	121
2. Воги, что за противный дождь!	123
3. Что морочишь меня	123
4. Геро	124
5. Въ тѣнистой роцѣ безмятежно	126
6. Въ старые годы	127
7. Троицынъ день	129

	Стр.
8. Чѣмъ ты, лугъ зеленый, зеленъ	131
9. Солнцемъ залить садъ зеленый	132
10. Пасха	134

Х. Стихотворенія на случай.

1. Одна звѣзда тебѣ надъ колыбелью	139
2. Акrostихъ	140
3. Отвѣтный сонетъ	141
4. Надпись на книгѣ	142
5. Пѣвцу ли розы принесу	143
6. Увы, любви своей не скрою:	144
7. Пѣть начну я въ нѣжномъ тонѣ	145

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Вѣнокъ весенъ (газѣлы).

1. Чье-то имя мы услышимъ	151
2. Ведеть по небу золотая вязъ имя любимое	152
3. Кто видѣлъ Мекку и Медину—блаженъ!	153
4. Намъ рожденье и кончину	154
5. Что, скажи мнѣ, краше радугъ?	155
6. Вверхъ взгляни на неба сводъ	156
7. Я—заказчикъ, ты—купецъ	157
8. Покинь покой томительный	159
9. Всѣхъ пойшь ты безъ изъятья, кравчій	160
10. Какъ нѣжно золотѣетъ даль весною!	161
11. Цвѣтутъ въ саду фишашки	162
12. Нынче праздникъ	163
13. Острый мечъ свой отложи	164
14. Зачѣмъ, златое время, летишь?	166
15. Что стоишь ты опечаленъ, милый гость?	167
16. Слышу твой кошачій шагъ	168
17. На смерть я сраженъ разлукой	169
18. Дней любви считаю звенья	170
19. Отъ тоски хожу я на базары	171

	Стр.
20. Алость золота — блескъ фазаній	172
21. Лѣтомъ намъ бассейнъ ограденъ	173
22. Несносный вѣтеръ, ты не вой зимою	174
23. Когда услышу въ пѣньи птицъ	175
24. Зову: пещерный мракъ покинь	176
25. Онъ пришелъ въ одеждѣ льна	177
26. Онъ пришелъ, угрозы тая	178
27. Черной ризой скрыты плечи	179
28. Какихъ достоинъ ты похвалъ, Искандеръ!	180
29. Взглянувъ на темный кипарисъ	181
30. Я кладу въ газелы ларь	182
 II. Всадникъ	 183

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Посвященіе	199
 I. Духовные стихи.	
Хожденіе Богородицы по мукамъ	203
Стихъ о старцѣ и львѣ	207
О разбойникѣ	209
Стихъ о пустынѣ	212
Страшный Судъ	214
 II. Праздники Пресвятой Богородицы.	
1. Вступленіе	219
2. Рождество Богородицы	221
3. Введеніе	224
4. Благовѣщеніе	226
5. Успеніе	228
6. Покровъ	230
7. Заключеніе (Одигитрія)	232

О ПЕЧАТ КИ.

		<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
Стр. 58, строка	сн. 3	ты другъ	ты—другъ
61, " "	св. 3	ни сомнѣній	ни сомнѣній,
67,	сн. 5	перестрою	перестрою,
—	" 2	коль хочешь	коль хочешь,
68,	" 8	найду,	найду ²
78,	св. 2	моемъ	моимъ
88,	сн. 7	гдѣ я,	гдѣ я;
91,	" 5	Смотрять	Смотря
92,	св. 4	свиты.	свиты?
112,	сн. 2	кроткъ	кротокъ
139.	" 5	прележный	прилежный
141,	св. 1	Овѣтныи сонетъ	Отвѣтныи сонетъ
145,	сн. 7	Не	Но
182,	св. 3	тебѣ какъ встарь	тебѣ, какъ встарь,

Того же автора:

Стихи.

Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова.
К-во „Скорпионъ“. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Яблочный садъ. (Готовится).

Новый Ролла. Съ иллюстраціями Н. Сапунова. (Готовится).

Романы, повѣсти, пьесы и др.

Первая книга рассказовъ. К-во „Скорпионъ“. М. 1910.
Ц. 1 р. 50 к.

Вторая книга рассказовъ. К-во „Скорпионъ“. М. 1910.
Ц. 1 р. 80 к.

Комедіи. Изд. „Оры“. СПБ. 1909. Ц. 85 к.

Третья книга рассказовъ. (Готовится).

Книга о Святыхъ Воинахъ. (Готовится).

Музыка.

Куранты любви. Слова и музыка. Съ рисунками С. Судейкина и Н. Теофилактова. К-во „Скорпионъ“.
М. 1910. Ц. 3 р.

Духовныя стихи. Обложка В. Бѣлкина. Изд. Циммерманъ. СПБ. 1912. (Печатается).

М. КУЗМИН

ГЛИНЯНЫЕ ГОЛУБКИ

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ

Издание второе

ПЕТРОПОЛИС

1 9 2 3

Из глины голубых голубок
Лепил прилежной я рукой,
Вдыхая душу в них дыханьем.
И шевелилися с шуршаньем,
И жались одна к другой,
Садясь в круг на круглый кубок.
Клевали алые малины,
Лениво пили молоко,
Закинув горла голубые,
И были, как совсем живые,
Но не летали далеко,
И знал я, что они из глины.
И показалось мне бездушным
Таинственное ремесло,
И призрачными стали птицы,
И начала душа томиться,
Чтоб сердце дар свой принесло
Живым голубкам, но послушным.

1913

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЕСЕЛЫЙ ПУТЬ

I

В ДОРОГЕ

1913 (Февраль—Август)

Посвящается Юр. Юркуву

1

Нет, жизни мельница не стерла
Любовной смелости в крови, —
Хочу запеть во все я горло
Мальчишескую песнь любви!
Довольно таять! мы не бабы
И не эстеты, чорт возьми!
Поверьте, мы не так уж слабы,
Чтоб дамам корчить bel-amí!
Ах да, боа, перчатки, перья
И юбок шелковых фру-фру...
Мы—два веселых подмастерья,—
Идем, обнявшись, поутру.
Придется—красим и заборы,
Простую песенку споем.

Без уверенья верны взоры,
Весь мир другой, когда вдвоем.
Что нам обманчивая слава?
На мненье света наплевать!
Отель закрыт,— с травой канава
Заменит пышную кровать.
Нам все равно: столицы, села,
Или некошенный пустырь,
Куда ведет, смеясь, веселый,
Влюбленный в солнце, поводырь.
Цветем, как в пору только розе,
Пою бесцельно, словно чиж,
И ни в какой манерной позе
Теперь меня не уличишь.
Движенья нежности — не резки,
И смелая любовь — проста.
Не лучше-ль свадебной поездки
Итти пешком, уста в уста?

Вы — молчаливо-нежное дитя,
Лениво грезите о Дориане,
И на лице, как на сквозном экране,
Мечты капризные скользят, летя.
Мне нравится чуть уловимый шорох
Страницы книжной у моих шкафов
И, обернувшись, я всегда готов
Ответ найти в прозрачно-серых взорах.
Знакомый трепет будится в душе,
Как будто близко расцветает роза,
А вдалеке играют Берлиоза
И слышен запах старого саше.
С лукавством милым вы тихонько ждете,
Задумчиво-пленительный божок,
И вдруг неслышно, кошкой подойдете, —
И поцелуй уста мои обжег.

Слезами сердце я омою
И праздную уйму печаль, —
Ведь в веющий теплом февраль
Весна встречается с зимою.
Как в сельский топленный покой,
Протрубит солнце светом новым,
Что сердцу должно быть готовым
Стать полноводною рекой, —
Так, в дом вступив, мой гость неожиданный
Принес мне молодость и свет,
Зарю грядущих теплых лет
И поцелуй любви желанной.
Все голубее тонкий лед,
Он скоро сломится, я знаю,
И вся душа, все мысли к маю
Уж окрыляют свой полет.

Я твой до дна . . . бери и пей:
Моя любовь неистощима,
Бескрайна, как простор степей,
И, как судьба, непоправима.
За что, зачем тебя люблю?
Позором крою, иль прославлю?
Но пусть с собой тебя гублю, —
Живым тебя я не оставлю.
Как жертву, сердце я держу:
Трепещет, бьется на ладони,
И близок час, когда заржут
На смерть обещанные кони.

Ютясь в тени тенистых ив,
Раздумчиво смотрю в аллею.
О прошлых днях я не жалею:
Чего жалеть уж, разлюбив?
 Как будто едет, молчалив,
 Ездок влюбленнейший в лилею.
Ютясь в тени, я не жалею
 Раскатной радости мотив.
Какой блаженной тишью нив
Утишен, я живу и млею?.. —
Нет! прошлых дней я не жалею,
Узнав дней нынешних прилив.

Вы — белое бургундское вино,
Где дремлет сладостно струя шампани,
И резвится, и пенится заране,
Восторга скрытого оно полно.
Вы — персик, румянеющий янтарно:
Пьянит и нежит девственный пушок.
Не правда-ль, вы тот стройный пастушок,
Которым бредила царица Арно?
В вас светится таинственный топаз,
Как отголосок солнца, еле-еле.
Оживлено дыханием апреля
Веселье светлых и лукавых глаз.

Зачем мне рассказы гадалки,
Какой мне ждать еще весны,
Когда очей твоих фиалки
Мне льют весеннейшие сны?
Зовут томительно и нежно
В неведомую даль итти,
И сердце сладостно-мятежно
Готово к новому пути.
Когда б веселые равнины
И пасмурные все места
Могли пройти мы до кончины,
Как и теперь, — уста в уста!

Разве можно дышать, не дыша,
Разве можно ходить, не вставая,
Разве можно любить, коль другая
Не ответит влюбленно душа?

Ах, без солнца бессолнечен день,
Холодны водопадные реки,
И с трудом поднимаются веки,
Если голову ломит мигрень.

Разве странно, что только любя,
Я дышу, и пишу, и мечтаю,
Что нигде я покоя не знаю,
Проведя полчаса без тебя?

Еще не скоро разбухнут почки
И до апреля, ведь, далеко,
А я читаю простые строчки, —
И мне так радостно — легко.
Мы все умеем лицемерить
И за словом в карман не лезть,
Но сердцу хочется так верить,
Что ваши строчки — благая весть,
Я верю, верю. К чему порука?
Ведь я не скептик, не педант,
Но ревность — это такая мука,
Какой не выдумал и Дант.

Склоненный ангел на соборе
Свой пламенный бросает в твердь,
Исчезла с яростью во взоре
Растоптанная смертью смерть.
Дрожит восторженная ода
В гудении колоколов.
Все улицы полны народа,
Как будто чудный свой улов
„Ловец людей“ сюда на сушу
Весь выкинул. Вдали пальба. —
Ожесточеннейшую душу
Растопит радостью мольба.
Иду с тобой. Весь мир — безлюден,
Толпы как нет, лишь ты, да я.
Для нас одних так праздник чуден.
Идем, дыханье затая.
И в сердце огненной горою
Не купина, — горящий лес
Поет: „тобой, одним тобою
Сегодня навсегда воскрес!“.

Ни вид полей в спокойной дали,
Ни мир безоблачных небес,
Ни полные простой печали
Старинные напевы месс,
Мне не дают успокоенья,
Не льют мне сладостной любви. —
Все то же темное волненье
Бунтует в сумрачной крови.
И я, вода тоскливым оком,
Вдруг падаю тебе на грудь, —
И вот к живительным истокам
Уж найден долгожданный путь.
И нет уж тяжести безмерной,
Светло и вольно впереди,
Когда прижмусь я к верной, верной
Твоей целованной груди.

Глупое сердце все бьется, бьется —
Счет ведет...
Кажется вот вот сейчас разобьется —
Нет, живет...

Вы перержавели, вы устали,
Мысли, сны. —
Но вдруг воспрянешь упрямей стали,
Ждешь весны.

Весны не будет, весны не будет.
Ложь, все ложь!
Сердце! когда же страданье убудет...
Когда умрешь?

Мы думали, кончилось все,
Захлопнулась дверь...
Почему? Отчего? Не знаю...
Милый, поверь, поверь:
Мое сердце всегда твое!
Кончилось все навек,
Лежу, не смыкая век...
Вспоминаю
Твое письмо,
Жестокие разговоры...
Белой ночи бельмо
Белеет сквозь бледные шторы...
Что это? сон?
Бесшумно двери открылись...
Остановились
Вы на пороге.
Ни радостный стон,

Ни крик
Моей не выдал тревоги...
Долгий, долгий миг!
Смотрю, раскрыв глаза, —
Так, это вы...
Только нет в руках ваших палки...
Так близки и так новы.
На глазах чуть блестит слеза...
Заплаканные фиалки!
Целуете... запах эфира
Знаком... Но зачем, зачем?
Как жилец иного мира,
Гость мой ласков и нем.
Жутко слегка и легко мне...
Целую, целую в уста.
Теперь я знаю: запомни!
Без тебя моя жизнь пуста.
С тобой пройду до могилы,
Измена — ложь!
И будешь мне также милый,
Даже когда умрешь.
Я знаю (и тверд я в вере):
Когда мне будет не в мочь,
Вы тихо откроете двери,
Как в эту ночь.
В дверце зеркального шкапа
Видна ваша шляпа
С большими полями.

Вы стоите без палки . . .
Не увянут в могильной яме
Заплаканные фиалки!
Раскрываю глаза все шире,
Жуткий, сладкий сон . . .
В знакомом, мертвом эфире
Чувствую: это он.

II

ХОЛМ ВДАЛИ

1912 (Май — Октябрь)

1

Счастливым сон-ли сладко снится,
Не грежу-ли я наяву?
Но кровли кроет черепица...
Я вижу, чувствую, живу...
Вот улицы и переулки,
На палках вывески висят;
Шаги так явственны и гулки,
Так странен старых зданий ряд.
Иль то страницы из Гонкура,
Где за стеной звучит орган?
Но двери немца винокура
Зовут в подвальный ресторан.
И знаю я, что за стеною
Ты, милый, пишешь у окна.
За что безмерною ценою
Отплата мне судьбой дана?
И кажется, что в сердце, в теле,
Разлит любовный водоем...
Подумать: более недели
Мы проживем с тобой вдвоем!

Тобой целованные руки
Сожгу, захочешь, на огне.

В. К.

Целованные мною руки
Ты не сжигай, но береги :
Не так суровы и строги
Законы сладостной науки.
Пожаром жги и морем мой,
Ты поцелуев смыть не сможешь
И никогда не уничтожишь
Сознания, что в веках ты — мой.
Ты — мой, и ты владеешь мною,
Твоим дыханьем я дышу
И стон последний заглушу
Перед стрелою неземною.
Поверь: судьба, не просто случай,
Тебе открыла тайну сил,
Чтоб ты стрелу благословил,
„Плененный прелестью певучей“.

Ряд кругов на буром поле
Образует странно сеть...
Милый друг, не в силах боле
На обои я смотреть.
Выступают капли поту
И сжимается рука,
На обоях сквозь дремоту
Вижу буквы „В“ и „К“.
Память тихо улетает,
Застилает взор туман...
Сквозь туман плывет и тает
Твой „зеленый доломан“.
Мнится: встанешь, поцелуешь,
Сердце весело отдашь...
Обернусь — ты все рисуешь,
Да скрипит твой карандаш.
Мысли бьются, мысли вьются,
Как зимой мятель в трубе.
Буквы в сердце остаются,
Доломан же — на тебе.

Влюблен ли я — судите сами:
Могу смотреть на вас часами,
Не отводя плененных глаз,
Мне все уныло, все не мило,
Мне все как мрачная могила,
Когда не вижу рядом вас.

Нет ни натяжки, ни рисовки,
(Хотя на то поэты ловки)
Когда пою ваш „доломан“;
Коль вами жизнь моя согрета,
Пускай клеймят насмешки света
Мой нежный, набожный роман.

В своей судьбе уж я не волен.
Без вас я сумрачен и болен
И вами брежу наяву.
Пускай вопрос решится вами:
Какими новыми словами
Свое я чувство назову?

Дороже сына, роднее брата
Ты стал навеки душе моей
И без тревоги я жду возврата
Румяно-ясных, осенних дней.
Зима и осень, весна и лето
Теперь — единый, счастливый круг,
Когда все сердце тобой согрето,
Мой неизменный, желанный друг.

Я тихо от тебя иду,
А ты остался на балконе.
„Коль славен наш Господь в Сионе“
Трубят в Таврическом саду.
Я вижу бледную звезду
На теплом, светлом небосклоне,
И лучших слов я не найду,
Когда я от тебя иду,
Как „славен наш Господь в Сионе“.

Покойся, мирная Митава,
Отныне ты в моей душе,
Как замков обветшалых слава,
Иль запах старого саше.
Но идиллической дремоты
Бессильны тлеющие сны,
Когда мой слух пронзили ноты
Кристалльно-звонкие весны!
И осень с милым увяданьем
Мне непонятна и пуста,
Когда божественным лобзаньем
Меня поят твои уста.

Что за Пасха! снег, туман,
Неожиданная слякоть!
В Марте верить ли зиме?
Ты опять придешь ко мне,
Мой зеленый доломан,
Будешь снова шпорой звякать.

Был и я в чужих краях...
Ах, Firenze, Vienna, Roma...
Но я думал: „не обман —
Твой зеленый доломан!
Хорошо гостить в гостях,
Но куда милей быть дома!“

О проказах — ни гу-гу,
Пусть молчат твои чикчиры...
Сядем лучше на диван.
Мой зеленый доломан!
Для тебя я сберегу
Песенки все той же лиры.

Ты приедешь сюда загорелым,
Но всегда бесконечно милым.
Вед и в смуглом теле, как в белом,
Та же кровь струится по жилам.
 Твои губы, они не увяли,
 Твои щеки упруги, как прежде...
 А бывало: не я ли, не я ли
 Изнывал в далекой надежде?
Опьянен я все тем же телом,
Я покорен все тем же силам...
Ты приедешь сюда загорелым,
Но всегда бесконечно милым.

„Два ангела напрасных
за спиной“.

В обманчивом, тревожном сне
Я пел про ангелов напрасных,
Не зная, из каких прекрасных,
Пленительных и нежно страстных
Пошлетя спутник с неба мне.
 Твои улыбчивые губы
 Амур стрелой нарисовал
 И юный округлил овал.
 Кого я прежде ни знавал,
 Перед тобой — пусты и грубы.
Кто дал такую удлиненность
Приподнятых и светлых глаз?
Прозрачней фьорда в тихий час,
Они всегда вселяют в нас
Благоговенье и влюбленность.

Не ты ль от Божьего престола,
Плащом прикрывши прелесть плеч,
Держа в руках копье, иль меч,
Пришел для предрешенных встреч
К тому, кто звал тебя из дола?
Нет, не обманчивы мечты:
Пускай пути мои опасны,
Пускай грехи мои ужасны, —
Те ангелы, они напрасны,
Когда вождем мне послан ты.

Смутишься ль сердцем оробелым?
Моя любовь не так мала,
Чтоб не сказать пред миром целым,
Какое счастье мне дала,
К какому счастью привела.
Не трусы мы, не лицемеры...
Пусть все, кому любовь мила,
Прочтут влюбленности примеры.

Природа душу вместе с телом
В союзе стройном создала,
И в сердце лишь окаменелом
За это не звучит хвала.
Мы все — природы зеркала,
Мы люди с кровью, не химеры,
И тот, кого пронзит стрела,
Прочтет влюбленности примеры.

Блаженным и высоким делом
Соединяет страсть тела.
Безумьем было-б неумелым
Отрезать ветви от ствола.
Кто — яркий пламень, не зола,
Кудрявый сын златой Венеры,
Кого стрела твоя звала,
Прочтет влюбленности примеры.

Ты сам, амур, кому была
Известна крепость нашей веры,
Присядь у нашего стола —
Прочеть влюбленности примеры.

Всегда стремясь к любви неуловимой,
 Скитался я, как странник меж людей,
 Еще тебя не зная, чародей,
 Воинственно облеченный схимой.
 Очаровательною пантомимой
 Любуясь, думал я: „помолодей,
 О сердце, язвы от страстных гвоздей
 Другим, а не тебе, да идут мимо!“

Кошунственно я мыслил о любви,
 Не зная близости чудесной встречи,
 И вдруг увидел сердце все в крови.

Зовешь меня мечом небесной сечи?
 Еще зовешь? на радость, иль на бой
 Веди меня! я — твой, я — твой, я — твой!

III

ОСТАНОВКА

1912—1913 г.

1

Какой насмешливый механик
Будильник в сердце мне вложил,
Чтоб меж восторгов и средь паник
Один мотив всегда в нем жил?

Минуты горько боевые
Как всем, дадут мне небеса,
Но „очи, очи голубые“

Поет будильник полчаса.

Не радостен, но и не скучен,
Молчать и петь равно готов,
Кому-нибудь всегда поручен
Заводной ключик от часов.

Часы тоски, минуты шутки, —

Напрасный и нелепый счет, —

Как хорошо, что через сутки

Опять про „очи“ запоет!

Воспользуйся правами шире,
Завод любовный повтори:
Я не всегда пою в четыре,
Могу я петь и в два, и в три.

Девять родинок прелестных
Поцелуями считаю,
И считая, я читаю
Тайну, слаще тайн небесных.
На щеках, на милой шее,
У груди, где сердце бьется...
От лобзаний не сотрется
То, что мускуса темнее.
Так по лестнице небесной,
Четки нег перебирая,
Я дверей достигну рая
Красоты твоей чудесной.
Та ли родинка восьмая
Мне милей всего на свете,
Слаще тени в теплом лете
И милей, чем ветер Мая.
А дойду я до девятой, —
Тут уж больше не считаю...
Только таю, таю, таю,
Нежным пламенем объятый.

Ты ходишь в куртке зеленой,
Отвечаешь на всякий зов,
Но мой взор неясно-влюбленный
На тебя обратиться готов.
Напрасно и глупо ревную,
Следя улыбку и взгляд,
И волнует душу тупую
Знакомый и легкий яд.
Я тебя никогда не встречу,
А может быть, встречу опять . . .
И зачем я тебя замечу,
Тебе будет трудно понять.

Кому любви огонь знаком,
Те понимают,
Как лепесток за лепестком
Томительно влюбленным ртом
Срывают.

И сочной, белой розы яд
Впиваем сладко,
И щеки пламенем горят . . .
Туманит нежно близкий взгляд
Догадка.

Еще, еще последний раз,
Не розу, губы! . . .
Игра причудливых проказ
И трепет томно-темных глаз
Мне любы.

В грустном и бледном гриме
Играет слепой Пьеро.
Не правда ли, лишь в пантомиме
Ты слеп, белокурый Пьеро?
 Тебе не другие сказали,
 Что теперь я пленен тобой,
 Что, сидя в потухшем зале,
 Слежу за одним тобой.
Ты видишь слепыми глазами
Мои не слепые глаза,
И взгляды, взгляды меж нами, —
Как стрелы из глаз в глаза.
 Ты знаешь: ничто не вечно,
 Зачем же плачет твой рот?
 А я бы хотел бесконечно
 Целовать этот алый рот.
О будущем я не гадаю, —
Все проходит, грустный Пьеро.
А теперь люблю и мечтаю
О тебе белокурый Пьеро.

Свежим утром рано рано
Бросил взор я на рябину: —
О, запекшаяся рана!

Мальчик, вы́брав хворостину,
Пурпур ягод на зeмь бросит —
А куда я сердце кину?

Осень ясность дней приносит,
Просквозили леса чащи.
Сердце радости не просит.

Все упорнее, все чаще
Прилетает призрак смерти,
Что любви и жизни слаще.

О, не верьте, о, не верьте,
Этим призрачным наветом
Грусть осеннюю умерьте.

Возвратится солнце с летом,
Зацветет опять рябина,
Жар придет с веселым светом.

Для кого моя терцина,
Тот не знает, тот не спросит,
А найдется хворостина, —

Пурпур ягод на земь сбросит.

7

Я знаю ты любишь другую,
Другую сердце полно,
Зачем же не плачу тоскуя,
Как будто мне все равно?
Тоскую, тоскую, тоскую,
Но будет, что суждено:
Все равно, ты любишь другую
И ею сердце полно.

Мой милый, молю, на мгновенье
Представь, будто я — она.
Излей на меня волнение,
Каким твоя грудь полна.
Забудусь сладким забвением,
Что любовь у нас одна,
Что одним, одним волнением
Моя грудь и твоя полна.

Ты шепчешь имя чужое,
Но видишь мои глаза...
Я страданье глубоко скрою,
На глазах не блестит слеза.
Прошумит, прошумит весною
Молодою весной гроза, —
И встретят меня не чужою
Твои не чужие глаза.

IV
ОТДЫХ

1912—1913

1

Бывают странными пророками
Поэты иногда...
Косноязычными намеками
То накликается,
То отворачивается
Грядущая беда.

Самим неведомо, что сказано,
Какой иероглиф.
Вдруг то, что цепью крепкой связано,
То разлетается, —
То раздражается, —
Сердца испепелив...

Мы строим призрачные здания,
Чертим чужой чертеж,
Но вдруг плотину рвут страдания
И разбиваются,
И расстилаются...
Куда от них уйдешь?

Чем старше мы, тем осторожнее
В грядущее глядим.
Страшны опасности дорожные,
И в дни субботние
Все беззаботнее
Немеет нелюдим.

Зачем те чувства, что чище кристалла,
Темнить лукавством ненужной игры?
Скрываться время еще не настало,
Минуты счастья просты и добры.
Любить так чисто, как Богу молиться,
Любить так смело, как птице летать.
Зачем к пустому роману стремиться,
Когда нам свыше дана благодать?

Как сладко дать словам размеренным
Любовный яд и острие!
Но слаще быть вполне уверенным,
Что ваше сердце — вновь мое.
Я знаю тайно, вне сомнения,
Что неизбежен странный путь,
Зачем же смутное волнение
Безверную тревожит грудь?
Мне все равно: позор, победа ли, —
Я все благословлю, пока
Уста любимые не предали
И не отдернулась рука.

Дни мои — облака заката...
Легок, ал златокрылый ряд...
Свет же их от твоих объятий,
Близко ты и зарей горяг.

Скрылся свет — и потухли груды
Хмурых туч, как свинцовый груз,
Нет тебя — и весь мир — безлюдье,
Тяжек гнет ненавистных уз.

Какие дни и вечера!
Еще зеленый лист не вянет,
Еще веселая игра
В луга и рощи сладко тянет.
Но свежесть белых облаков,
Отчетливость далеких линий
Нам говорит: „порог готов
Для осени златисто-синей!“
Гляжу в кисейное окно
На палевый узор заката
И терпеливо так давно
Обещанного жду возврата.
И память сердца так светла,
Печаль не кажется печальной,
Как будто осень принесла
С собою перстень обручальный.
И раньше, чем кудрявый вяз,
Подернут золотом, покраснеет,
(Я верю) вновь увидит Вас,
Кто любит, помнит, пламенеет!

Я не любовью грешен, люди.
Перед любовью грешен я,
Как тот, кто слышал весть о чуде
И сам пошел к навозной груде
Зарыть жемчужину огня.
Как тот, кто таял в свете новом,
И сам, играя и смеясь,
Не веря сладостным оковам,
Высоким называет словом
Собачек уличную связь,
О, радость! в третий раз сегодня
Мне жизнь надежна и светла,
С ладьи небес спустились сходни
И нежная рука Господня
Меня от бездны отвела.

Не называй любви забвеньем,
Но вещей памятью зови,
Учась по преходящим звеньям
Бессмертию одной любви.
Пусть мы искры, знаем, знаем:
Святая головня жива!
И, повторяя, понимаем
Яснее прежние слова.
И каждым новым поворотом
Мы утверждаем ту же власть,
Не преданы пустым заботам
Во искушение не впасть.
Узнав обманчивость падений,
Стучусь я снова в ту же дверь,
И огненный крылатый гений
Родней и ближе мне теперь.

Судьба, ты видишь: сплю без снов
И сон глубок.
По самой смутной из основ
Снует челнок.
И ткет, и ткет в пустой тени, —
Узора нет.
Ты нити длинной не тяни,
О, лунный свет!
Во власти влажной я луны,
Но я не твой:
Мне ближе — солнце, валуны
И ветра вой.
Сиявший позабыл меня,
Но он придет,
Сухая солнечность огня
Меня зовет.
Затку я пламенный узор,
(Недолго ждать),
Когда вернется прежний взор
И благодать!

Мне снился сон: в глухих лугах иду я,
Надвинута повязка до бровей,
Но сквозь нее я вижу, не колдуя:
Растет трава, ромашка и шалфей,
(А сердце бьется все живей, живей)
И вдруг, как Буонаротова Сивилла,
Предстала вещая царица Фей
Тому, кого повязка не томила.

Недвижно царственная, как статуя,
Она держала, как двойной трофей,
Два зеркала и ими, негодуя,
Грозилась мне; на том, что поправей,
Искусства знак, природы — тот левей,
Но как в гербе склоненные стропила,
Вязались тончайшей из цепей
Для тех, кого повязка не томила.

Затрепетал, как будто был во льду я
Иль как челнок, забытый среди зыбей,
А им играет буря, хмуро дуя.
Жена ко мне: „напрасный страх развеи,
Смотри сюда, учись и разумей,
Что мудрость в зеркалах изобразила.
Обретено кормило среди морей
Тому, кого повязка утомила!“

„О, Фея, рассказал мне соловей,
Чье имя зеркала соединило!
И свято имя это (ну, убей!)
Тому, кого повязка не томила“.

V

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

(1913)

Посвящается Юр Юркуну

1

Вы думаете, я влюбленный поэт?
Я не более, как географ . . .
Географ такой страны,
которую каждый день открываешь
и которая чем известнее,
тем неожиданнее и прелестнее.
Я не говорю,
что эта страна — ваша душа,
(еще Верлен сравнивал душу с пейзажем)
но она похожа на вашу душу.
Там нет моря, лесов и альп,
там озера и реки
(славянские, не русские реки)
с веселыми берегами
и грустными песнями,
белыми облаками на небе;

там всегда апрель,
солнце и ветер,
паруса и колодцы,
и стая журавлей в синеве;
там есть грустные,
но не мрачные места
и положе,
будто когда-то
беспечная и светлая страна
была растоптана
конями врагов,
тяжелыми колесами повозок,
и теперь вспоминает порою
зарницы пожаров:
там есть дороги
обсаженные березами
и замки,
где ликовали мазурки,
выгнанные к шинкам;
там вы узнаете жалость
и негу,
и короткую буйность,
словно весенний ливень;
малиновки аукаются с девушкой,
а Дева Мария
взирает с острых ворот.
Но я и другой географ,
не только души.

Я не Колумб, не Пржевальский,
влюбленные в неизвестность,
обреченные кочевники, —
чем больше я знаю,
тем более удивляюсь,
нахожу и люблю.
О, янтарная роза,
розовый янтарь,
топазы,
амбра, смешанная с медом,
пурпуром слегка подкрашенная,
монтраше и шабли,
смирнский берег
розовым вечером,
нежно-круглые холмы
над сумраком сладких долин
древний и вечный рай!
Но, тише . . .
и географу не позволено
быть нескромным.

Похожа-ли моя любовь
на первую или на последнюю,
я не знаю,
я знаю только,
что иначе не может быть.
Разве Венерина звезда
может не восходить,
хотя не видная,
за тучей,
каждый вечер?
Разве хвост Юнониной птицы,
хотя бы сложенный,
не носит на себе
все изумруды и сафиры востока?
Моя любовь — проста и доверчива,
она неизбежна и потому спокойна.
Она не даст
тайных свиданий, лестниц и фонарей,
серенад и беглых разговоров на бале,
она чужда намеков и масок,

почти безмолвна;
она соединяет в себе
нежность брата,
верность друга
и страстность любовника, —
каким же языком ей говорить?
Поэтому она молчит.
Она не романтична,
лишена милых прикрас,
прелестных побрякушек,
она бедна в своем богатстве,
потому что она полна.
Я знаю,
что это — не любовь юноши,
но ребенка — мужа
(может быть, старца).
Это так просто,
так мало,
(может быть скучно?)
но это — весь я.
Разве можно хвалить человека
за то, что он дышит,
движется, смотрит?
От другой любви мне осталась
черная ревность,
но она бессильна,
когда я знаю,
что ничто,

ни она,
ни даже Вы сами,
не может нас разделить.
Это так просто,
как пить, когда жаждешь,
не правда-ли?

Бывают мгновенья,
когда не требуешь последних ласк,
а радостно сидеть,
обнявшись крепко,
крепко прижавшись друг к другу.
И тогда все равно,
что будет,
что исполнится,
что не удастся.
Сердце
(не дрянное, прямое, родное мужское сердце)
близко бьется,
так успокоительно,
так надежно,
как тиканье часов в темноте,
и говорит:
„все хорошо,
все спокойно,
все стоит на своем месте“.

Твои руки и грудь
нежны, оттого что молоды,
но сильны и надежны;
твои глаза
доверчивы, правдивы,
не обманчивы,
и я знаю,
что мои и твои поцелуи —
одинаковы,
неприторны,
достойны друг друга,
зачем же тогда целовать?
Сидеть, как потерпевшим кораблекрушение,
как сиротам,
как верным друзьям,
единственным,
у которых нет никого, кроме них
в целом мире;
сидеть,
обнявшись крепко,
крепко прижавшись друг к другу!..
сердце
близко бьется
успокоительно,
как часы в темноте,
а голос
густой и нежный,
как голос старшего брата,

шепчет:
„успокойтесь:
все хорошо,
спокойно,
надежно,
когда вы вместе“.

Как странно,
что твои ноги ходят
по каким-то улицам,
обуты в смешные ботинки,
а их бы нужно без конца целовать...
Что твои руки
пишут,
застегивают перчатки,
держат вилку и нелепый нож,
как будто они для этого созданы!..
Что твои глаза,
возлюбленные глаза
читают „Сатирикон“,
а в них бы глядеться,
как в весеннюю лужицу!
Но твоё сердце
постыжает, как нужно:
оно бьётся и любит.

Там нет ни ботинок,
ни перчаток,
ни „Сатирикона“...
Не правда-ли?
Оно бьется и любит...
больше ничего.
Как жалко, что его нельзя поцеловать в лоб,
как благонаправного ребенка!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В. К.

Пуститься бы по белу свету
Вдвоем с тобой в далекий путь,
На нашу старую планету
Глазами новыми взглянуть!
Все так же траурны гондолы,
Печален золотистый Рим?
В Тосканские спускаясь доли,
О Данте вновь заговорим.
Твой вечер так же ль изумруден,
Очаровательный Стамбул?
Все так же ль в час веселых буден
Пьянит твоих базаров гул?
О дальнем странствии мечтая,
Зачем нам знать стесненье мер?
Достигнем мы садов Китая,
Среди фарфоровых химер.

Стихов с собой мы брать не будем,
Мы их в дороге сочиним,
И ни на миг не позабудем,
Что мы огнем горим одним.
Когда с тобою на корме мы,
Что мне все песни прошлых лет?
Твои лобзанья мне поэмы,
И каждый сердца стук — сонет!
На океанском пароходе
Ты так же мой, я так же твой!
Ведет нас при любой погоде
Любовь — наш верный рулевой.

1912

Залетною голубкой к нам слетела,
В кустах запела томно филомела,
Душа томилась вырваться из тела,
Как узник из темницы.

Ворожея, жестоко точишь жало
Отравленного, тонкого кинжала!
Ход солнца ты б охотно задержала
И блеск денницы.

Такою беззащитною пришла ты,
Из хрупкого стекла хранила латы,
Но в них дрожат, тревожны и крылаты,
Зарницы.

1912

Ю. Ракитину

Уж прожил года двадцать три я,
Когда увидел, пьян и горд,
Твой плоский и зеленый порт,
Блаженная Александрия!
С жасмином траурный левкой
Смешался в памяти бродячей,
Но воздух нежный и горячий
Все возмущает мой покой.
Когда нога твоя коснется
Златого, древнего песка,
Пускай к тебе издалека
Мой зов, как ветер, донесется.
И пусть мохнатая звезда
В зеленых небесах Каноба,
Когда задумаетесь оба,
Засветит вам, как мне тогда.

Но пусть ваш путь не так печально
Окончится, как мой давно,
Хотя нам все присуждено
С рождения первоначально.
Я верю, деньги все прожив,
Вернешься счастливо в Одессу,
И снова милого повесу
Увижу я, коль буду жив.

1912

Возможно ль: скоро четверть века?
Живем-ли мы в века чудес?
Как дивен жребий человека,
Что волею храним небес!
Как, двадцать лет! и так же молод,
По прежнему его черты
Изобразят то жар, то холод
В расцвете той же красоты!
Как прежде, трепетно и остро
Игру следим мы перемен,
Секрет-ли знаешь Калиостро,
Или ты — новый Сен-Жермен?
Иль, двадцать лет всего лишь было,
Как появился ты на свет?
Все счеты сердце позабыло:
Ведь и всегда тому, что мило,
Все тот же возраст — двадцать лет.

1912

НОВЫЙ ГОД

Мы ждем, и радостны и робки,
Какой сюрприз нам упадет
Из той таинственной коробки,
Что носит имя: новый год.
Какая рампа, что за рама
Нам расцветет на этот раз:
Испанская-ли мелодрама,
Иль воровской роман Жиль-Блаз?
Заплачем-ли, ломая руки,
Порхнем-ли милы и просты?
Но пусть не будет только скуки,
Тупой и хмурой суеты.
Тоскливых мин, морщин не надо,
Уж свежий ветер пробежал,
Пусть будет лучше серенада,
Притон игорный и кинжал!
Кому же в смене жизни зыбкой
Святой покой в душе залег,
Тот знает с мудрою улыбкой,
Что это все напел Лекок.

ВОЛХВЫ

Тайноведеньем веры
Те, что были на часах,
Тихий свет святой пещеры
Прочитали в небесах.
Тот-же луч блеснул, ликуя,
Простодушным пастухам.
Ангел с неба: „аллилуйя!
Возвещаю милость вам“.
Вот с таинственнейшим даром,
На звезду направляя взор,
Валтассар идет с Каспаром,
Следом смутный Мельхиор.
Тщетно бредит царь угрозой,
Туча тьмою напряглась:
Над вертепом верной розой
Стая ангелов взвилась.

И, забыв о дальнем доме,
Преклонились и глядят,
Как сияет на соломе
Божий Сын среди телят.
Не забудем, не забыли
Мы ночной канунный путь,
Пастухи-ли мы, волхвы-ли,
К яслям мы должны прильнуть!
За звездою изумрудной
Тайной все идем тропой,
Простецы с душою мудрой,
Мудрецы с душой простой.

1913

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Я был любим. Унылая могила
Моих стихов влюбленных не сокрыла.
Звенит свирели трепетная трель,
Пусть холодна последняя постель,
Пушкой угасло страстное кадило!

Ко мне сошел ты, как весенний Лель,
Твоя улыбка мне во тьме светила.
В одном сознании — радость, счастье, сила:
Я был любим!

Рассказов пестрых сеть меня пленила,
Любви плененье петь мне было мило,
Но слава сладких звуков не во сне-ль?
Одно лишь, как смеющийся Апрель,
Меня будило, пенило, живило —
Я был любим!

1912

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЭНДИ

Разочарован, мрачен, скучен
Страну родную покидал,
Мечте возвышенной послушен,
Искал повсюду идеал.
Бездонен жизненный колодец,
Когда и кто его избег?
Трудиться — я не полководец,
Не дипломат, не хлебопек.
Тщеславье — это так вульгарно,
Богатство — это так старо!
Ломает чернь неблагодарна
Поэта славное перо...
Любовь — единая отрада,
Маяк сей жизни кочевой
И тихо-мирная услада
И яд безумно-огневой!

Ищу тебя, моя жар-птица,
Как некий новый Дон-Жуан,
И, ах, могло ли мне присниться,
Что и любовь — один обман?
Теперь узнал, как то ни больно,
Что я ловил пустой фантом,
И дым отечества невольно
Мне сладок, как родимый дом.
От Эдинбурга до Канады
И от Кантона вплоть до Сьер
Я не нашел себе отрады,
Теряя лучшую из вер.
Ах, женщины совсем не тонки,
Готовы все на компромисс,
И негритянки, и японки,
И даже английские мисс!
Мне экзотические чары
Сулили счастье до дна,
Но это все аксессуары
И только видимость одна.
Теперь от томной, бледной леди
Я не впадаю больше в транс,
С тех пор, как, позабыв о плече,
Покинул спешно дилижанс.
Вид добродетельных Лукреций
Мне ничего не говорит,
А специальных разных специй
Желудок мой уж не варит.

Не знаю, вы меня простите ль
За мой томительный куплет.
Теперь я зритель, только зритель,
Не Дон-Жуан и не поэт.

1913

ПИСЬМО ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Прощайте, нежная Колетта!
Быть может не увижу вас,
Быть может, дуло пистолета
Укажет мне последний час,
И, ах, не вы, а просто ссора
За глупым ломберным столом,
Живая страстность разговора
И невоспитанный облом, —
Вот все причины. Как позорно!
Бесчестия славнее гроб,
И предо мной вертит упорно
Дней прожитых калейдоскоп.
Повсюду вы: то на полянке
(О, первый и блаженный миг!)
Как к вашему лицу смуглянки
Не шел напудренный парик!

Как был смешон я, как неловок,
(И правда, ну, какой я паж!)
Запутался среди шнуровок,
И смял ваш голубой корсаж!
А помните, уж было поздно,
И мы катались по пруду.
„На век“ сказали вы серьезно
И указали на звезду.
Панье в зеленых, желтых мушках
Напоминало мне Китай,
Ваш профиль в шелковых подушках...
Прощайте, ах, прощай, прощай!
Мой одинокий гроб отметим
Строкой короткой, как девиз:
„Покоится под камнем этим
Любовник верный и маркиз“

1913

БАЛЕТ

(картина С. Судейкина).

О царство милое балета,
Тебя любил старик Ватто!
С приветом призрачного лета
Ты нас пленяешь, как ничто.
Болонский доктор, арлекины
И пудры чувственный угар!
Вдали лепечут мандолины
И ропщут рокоты гитар.
Целует руку... „Ах... мне дурно!
Измены мне не пережить!
Где бледная под ивой урна,
Куда мой легкий прах сложить?“
Но желтый занавес колышет
Батман, носок и пируэт.
Красавица уж снова дышит,
Ведь этот мир — балет, балет!

Амур, кого стрелой ужалишь,
Ты сам заметишь то едва,
Здесь Коломбина, ах, одна лишь,
А Арлекинов целых два.
Танцуйте, милые, играйте
Шутливый и любовный сон
И занавес не опускайте,
Пока не гаснет лампцион.

1912

ПРОГУЛКА

(картина С. Судейкина).

Оставлен мирный переулок
И диссертации тетрадь,
И в час условленных прогулок
Пришел сюда я вновь страдать.
На зов обманчивой улыбки
Я, как сонambuла, бегу, —
И вижу: там, где стали липки,
Она сидит уж на лугу.
Но ваше сердце, Лотта, Лотта,
Ко мне жестоко, как всегда!
Я знаю, мой соперник — Отто,
Его счастливее звезда.
Зову собачку, даже песик
Моей душой не дорожит,
Подняв косматый, черный носик,
Глядит, глядит и не бежит.
Что, праздные, дивитесь шельмы?
Для вас луна, что фонари,
Но мы, безумные Ансельмы —
Фантасты и секретари!

1912

По реке вниз по Яику
Плывут казаки-молодчики,
Не живые — мертвые,
Плывут, колыхаются,
Их ноздри повывраны,
Их уши обрублены,
Белое тело изранено,
Алые кафтаны изодраны,
Государевы ль люди,
Воровы ли приспешники,
За вольность и за старинку
Живот положившие?
На берегу стоит старица,
Трупья клюкой притягивает,
Мила внучка выглядывает:
„Где ты, милый внучек мой,
Где ты, Степанушка?
Не твои ли кудри русые,
Очи соколиные,
Брови соболиные,
Не твое ли тело белое?“

Надо мною вьются осы...
Тяжки, тяжки стали косы...
Голова тяжела!
Обошла я все откосы, —
Ветерка не нашла...
Не нашла.

Распласталась в небе птица,
Лень в долину мне спуститься,
Где протек ручеек.
Кто же даст воды напиться?
Милый брат, он далек...
Он далек.

Не придет, не сядет рядом.
Все гуляет он по грядам,
И одна я, одна.
Солнце, встало ты над садом,
Душу пьешь всю до дна...
Всю до дна.

Солнце двинется к закату...
Я пойду навстречу к брату,
(Так знаком этот путь!)
Опершись на лопату,
Он прижмет к сердцу грудь,
К сердцу грудь.

Милый братец мой, когда же
Отдохну от скучной пряжи
Снов докучных моих?
И на облачном на крыже
Встанет тих наш жених,
Наш жених?

1912

Защищен наш вертоград надежно
От горных ветров и стужи,
Пройти к нему невозможно:
Путь чем дальше, тем уже.
Корабельщикам сада незаметно:
Никакой реки не протекает.
И с горы искать его тщетно:
Светлый облак его скрывает.
Благовонен розоватый иней
На яблонях, миндалях и вишнях
И клубит прямо в купол синий
Сладкий дух, словно „Слава в вышних“,
А летом заалеют щеки
Нежных плодов, райских:
Наливных, золотых, китайских,
Как дары царицы далекой.
Зимы там, как видно, не бывает —
Все весна да сладкое лето.
И осенней незаметно приметы,
Светлый облак наш сад скрывает.

1912

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Ведь Марию Египтянку
Грешной жизни пустота
Прикоснуться не пустила
Животворного креста.
А когда пошла в пустыню,
Блуд забыв, душой проста,
Песни вольные звучали
Славой новою Христа.
Отыскал ее Зосима,
Разделив свою милость,
Чтоб покрыла пред кончиной
Уготованную плоть.
Не грехи, а Спаса сила,
Тайной жизни чистота
Пусть соделает Вам легкой
Ношу вольного креста.

А забота жизни тесной,
Незаметна и проста,
Вам зачтется, как молитва,
У воскресшего Христа,
И отыщет не Зосима,
Разделив свою милоть:
Сам Христос, придя, прикроет
Уготованную плоть.

1 Апреля 1912 г.

II

БИСЕРНЫЕ КОШЕЛЬКИ

1912 (Сентябрь)

1

Ложится снег... Печаль во всей природе.
В моем же сердце при такой погоде,
Иль в пору жарких и цветущих лет
Печаль все о тебе, о мой корнет,
Чью прядь волос храню в своем комоде.

Так тягостно и грустно при народе,
Когда приедет скучный наш сосед!
Теперь надолго к нам дороги нет!
Ложится снег.

Ни смеха, ни прогулок нет в заводе,
Одна нижу я бисер на свободе:
Малиновый, зеленый, желтый цвет, —
Твои цвета. Увидишь ли привет?
Быть может, ведь и там, в твоем походе
Ложится снег!

1912

Я видела, как в круглой зале
Гуляли вы, рука с рукой;
Я слышала, что вы шептали,
Когда, конечно, вы не ждали,
Что мной нарушен ваш покой.

И в проходной, на геридоне,
Заметила я там письмо!
Когда вы были на балконе,
Луна взошла на небосклоне
И озарила вас в трюмо.

Мне все понятно, все понятно,
Себя надеждой я не льщу!..
Мои упреки вам не вмятны?
Я набелю румянца пятна
И ваш подарок возвращу.

О, кошелек, тебя целую;
Ведь подарил тебя мне он!
Тобой ему и отомщу я:
Тебя снесу я в проходную
На тот же, тот же геридон!

Раздался трижды звонкий звук, —
Открыла нянюшка сундук.
На крышке из журнала дама,
Гора священная Афон,
Табачной фабрики реклама
И скачущий Багратион.

И нянька, наклонив чепец,
С часок порылась. Наконец
Из пыльной рухляди и едкой,
Где нафталин слоями лег,
Достала с розовою меткой
Зеленый длинный кошелек.

Подслеповатый щуря глаз,
Так нянька начала рассказ:
„Смотри, как старый бисер ярок,
Не то, что люди, милый мой!
То вашей матушки подарок.
Господь спаси и упокой.

Ждала дружка из далека,
Да не дошла кошелька.
Погиб дружок в дороге дальней,
А тут приехал твой отец,
Хоть стала матушка печальней,
Но снарядилась под венец.

Скучала или нет она,
Но верная была жена:
Благочестива, сердобольна,
Кротка, прямая детям мать,
Всегда казалась довольна,
Гостей умела принимать.

Бывало, на нее глядим, —
Ну, прямо Божий Херувим!
Волоски светлые, волною,
Бела, — так краше в гроб кладут.
Сидит вечернею порою,
Да на далекий смотрит пруд.

Супруг же, отставной гусар,
Был для нее, пожалуй, стар.
Бывало, знатно волочился
И был изрядный ловелас,
Да и потом, хоть и женился,
Не забывал он грешных нас.
Притом, покойник сильно пил,
И матушку, наверно, бил.
Завидит на поле где юбки,
И ну, как жеребенок, ржать.

А что же делать ей, голубке,
Молиться, да детей рожать?
Бледней, хуже что ни день,
Но принесла вас целых семь.
В Ни́колу, как тебя крестили,
Совсем она в постель слегла,
И, как малиной ни поили,
Через неделю померла.
Как гроб был крышкою закрыт,
Отец твой зарыдал наварыд;
Я-ж, прибирая для порядка,
Нашла в комоде медальон:
Волос там светлорусых прядка,
И на портрете прежний, „он“.
С тех пор осиротел наш дом“...
Отерла тут глаза платком,
И крышкою сундук закрыла.
„Ах, няня, мать была святой,
Когда и вправду все так было!
Как чуден твой рассказ простой!“
— Святой? Святой-то где же быть,
Но барыню грешно забыть.
Тогда ведь жили все особо:
Умели сохнуть по косе,
И верность сохранять до гроба, —
И матушка была, как все.

III

ПЕСЕНКИ

1912 — 1913

1

В легкой лени
Усыпленья
Все ступени
Наслажденья
Хороши!

Не гадаешь,
Замирая,
Где узнаешь
Радость рая
В той тиши.

Нам не надо
Совершенья,
Нам отрада —
Приближенья...
Сумрак густ. —

Без заката
Зори счастья.
Тихо, свято
То причастье
Милых уст.

1912

Солнце — лицо твое, руки белы,
Жалят уста твои жарче пчелы.

Кудри шафрановы, очи — смелы,
Взгляд их быстрее и острее стрелы.

Щеки, что персик — нежны и спелы,
Бедрa, что кипень, морские валы.

Где же найти мне достойной хвалы?
Скудные песни бедны и малы.

Улыбка, вздох ли?
Играют трубы...
Мои же губы
Все пересохли...
Прозрачная пленка,
Ты ее целовал...
Ее сорвал
Мой ноготь тонкий.
Поцелуй вчерашний,
Лети, лети!
В моей груди
Ты раной всегдашней.
Зачем пересохли
За ночь губы?
Играют трубы...
Улыбка, вздох ли!..

1912

Сердце — зеркально,
Не правда ль, скажи?
Идем беспечально
До сладкой межи.

Мы сядем вдвоем,
Сердце к сердцу прижмем.

Зеркало верно,
Не правда ль, скажи?
Не лицемерно,
Без всякой лжи.
Что же покажет,
Чьи там черты?
Прелесть расскажет
Чьей красоты?

Мы сядем вдвоем,
Сердце к сердцу прижмем.

Сердце все ближе. —
Чьи там черты?
В обоих твои же.
Все ты, да ты.

1912

Сердца гибель не близка ли?
Для меня это не тайна.
Мы Эрота не искали,
Мы нашли его случайно,
Розы алые сорвав.

Крылья нежные расправил,
И хохочет, и щекочет,
И без цели и без правил
Сердце бьется, сердце хочет,
Муки сладкие узнав.

То Эрот, иль брат Эрота,
Что поет так нежно-сладко?
Ах, напрасная забота,
Уж разгадана загадка
Тем, кто пьян, любовь узнав.

1911

Звезды сверху, звезды снизу,
И в пруду, и в небесах.
Я-ж целую сладко Лизу,
Я запутался в косах.

Встарину пронзал маркизу
Позолоченный твой лук.
Я-ж целую сладко Лизу,
Опустясь на мягкий луг.

Кто заткал чудесно ризу
Черно-синюю небес?
Я-ж целую сладко Лизу,
Нет мне дела до чудес!..

Если б были вы Эюлейкой,
Заключенною в сераль,
Я бы вашей канарейкой
Пел любви своей печаль.
И печалью беспечальной
Пел сегодня ли, вчера ль,
Что не терем погребальный,
А Цитера ваш сераль.
Ах, зрачки так близко, близко,—
Все клубится сладко вдаль:
Канарейка, одалиска...
Только двое — весь сераль.
Целый день пою я в клетке,
Но свободы мне не жаль,
Коли сны не нежно-редки,
Коль слова нередко метки, —
Ваше сердце — мой сераль.

УТЕШЕНИЕ ПАСТУШКАМ

Мне матушка твердила:
„Беги любви злой,
Ее жестока сила, —
Уколет не иглой.
Покоя ты лишишься,
Забудешь отчий дом,
Коль на любовь решишься
С пригожим пастушком“.
Я матушке послушна,
Приму ее совет.
Но можно ль равнодушно
Прожить в шестнадцать лет?
Пускай ругают: „Дура!
Тебе добра хотим!“
Но я, узнав Амура,
Уж не расстанусь с ним.
А я жила на воле,
Запрет мне не знаком,
Но встретилась я в поле

С пригожим пастушком,
Мы сели с ним бок-о-бок,
С рукой сплелась рука,
Но он был очень робок,
И я была робка.
Прожить-ли равнодушно
Когда шестнадцать лет?
Любви своей послушна,
Я не сказала: нет!
Пускай сперва робеет,
Настанет скоро тьма, —
Чего пастух не смеет,
Посмею я сама.
Любовь зови, любовь гони, —
Она придет сама,
Как прилетают вешни дни,
Когда уйдет зима.
Пускай любил ты прошлый год,
Полюбишь в новый вновь.
Она придет, она придет,
Крылатая любовь.
Пускай любви еще не знал,
Полюбишь в Новый год.
Любовь ты звал, любовь ты гнал?
Она сама придет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОВЫЙ РОЛЛА

1908 — 1910

Неоконченный роман в отрывках

ВЕНЕЦІЯ

1

Ты помнишь комнату и свечи,
Открытое окно,
И песню на воде далече,
И светлое вино?
Ты помнишь первой встречи трепет,
Пожатье робких рук,
Неловких слов несмелый лепет
И взгляд безмолвных мук?
Навес мостов в дали каналов,
Желтеющий залив,
Зарю туманнее опалов
И строгих губ извив?
Вечерний ветер, вея мерно,
Змеил зеркальность вод,
И Веспер выплывает верно
На влажный небосвод.

О поцелуй, божественный подарок,
Кто изобрел тебя — великим был.
Будь холоден, жесток, печален, жарок
Любви не знал, кто про тебя забыл!
Но слаще всех минут в сей жизни краткой,
Твой поцелуй, похищенный украдкой.

Кем ты была: Дездемоной, Розиной,
Когда ты в зал блистающий вошла?
А я стоял за мраморной корзиной,
Не смея глаз свести с того чела.
Казалось, музыка с уст сладких не слетела!
Улыбкой, поступью ты молча пела.

Была-ль та песня о печальной иве,
Туманной Англии глухой ручей,
Иль ты письмо писала Альмавиве,
От опекунских скрытая очей?
Какие небеса ты отражала?
Но в сердце мне любви вонзилось жало.

Все вдруг померкло, люстр блестящих свечи,
Дымясь, угасли пред твоим лицом,
Красавиц гордых мраморные плечи
Затменным отодвинулись кольцом.
И вся толпа, вздыхая, замолчала,
Моей любви приветствуя начало.

По струнам лунного тумана
Любви напев летит.
Опять, опять открылась рана,
Душа горит.

В сиянии мутном томно тает
Призывно-нежный звук.
Нет, тот не любит, кто не знает
Ревнивых мук!

Колдует песня крепким кругом,
Моей любви полна.
Ревную я тебя к подругам,
Будь ты одна.

Душа моя полна тревоги
И рвется пополам.
Ревную к камням на дороге
И к зеркалам.

Ревную к ветру, снам, к прохожим
И к душной темноте,
Ко вздохам на мои похожим,
К самой тебе.

Собор был темен и печален
При свете стекол расписных
И с шепотом исповедален
Мешался шум шагов глухих.
Ты опустилась на колени,
Пред алтарем простерлась ниц.
О, как забыть мне эти тени
Полуопущенных ресниц!
Незрим тобой, я удалился,
На площадь выйдя, как слепой,
А с хоров сладостно струился
Напев забытый и родной.
Скорей заставьте окна ставней,
Скорей спустите жалюзи!
О друг давнишний и недавний,
Разгул, мне в сердце нож вонзи!

Нос твой вздернут, губы свежи,
О, целуй меня пореже,
Крепче, крепче, прижимай,
Обнимай, ах, обнимай!

А та, любимая...

Пусть твои помяты груди,
Что для нас, что скажут люди!?
Слов пустых не прибирай,
Что нам небо, что нам рай!

А та, любимая...

Вижу, знаю эти пятна...
Смерть несешь мне? презанятно!
Скинь скорей смешной наряд,
Лей мне в жилы, лей твой яд!

А та, любимая...

Лишь прощаясь, ты меня поцеловала
И сказала мне: „теперь прощай навек!“
О, под век твоих надежное забрало
Ни один не мог проникнуть человек.
Светел образ твой, но что за ним таится?
Рай нам снится за небесной синевой,
Если твой я весь, простится, о простится,
Что когда-то я не знал, что весь я твой.
Вот душа моя ужалена загадкой,
И не знаю я, любим, иль не любим,
Но одним копьем, одной стрелой сладкой
Мы, пронзенные, любви принадлежим.
Лишь одно узнал, что ты поцеловала
И сказала мне: „теперь прощай навек“.
Но под век твоих надежное забрало
Ни один не мог проникнуть человек.

ПИСЬМО

Я тронута письмом, что вы прислали,
Печали голос так понятен в нем,
Огнем любви те строки трепетали
О если б ваша ночь вновь стала днем!
Вы пишете, что снова власть разгула,
Как дуло пистолета метит в Вас,
Чтоб в час ужасный к вам я протянула
Улыбку кротких и прохладных глаз.
Вы обманулись званием доступным,
Преступным было бы ответить „да“.
Когда объаты вы тем ядом трупным,
Молюсь за вас сильнее, чем всегда.
Я скрыть могу, но вот я не скрываю:
Страдаю не любя, но не люблю,
Внемлю мольбам, но их не понимаю,
Пусть судит Бог, когда я вас гублю.
Вам недостаточно того, я вижу,
(Обижу-ль вас, я не могу решить).
Просить не стану, тем себя обижу,
Но в ваших мыслях я-б хотела жить.
В моей пустыне было бы отрадой,
Оградой вам служить на злом пути.
Найти звезду так сладостно, так надо,
Что я не смею вам сказать: „прости“.

В ранний утра час покидал я землю,
Где любовь моя не нашла награды,
Шуму волн морских равнодушно внемлю,
Парус направлен!

Твой последний взгляд, он сильнее ограды,
Твой последний взгляд, он прочней кольчуги,
Пусть встают теперь на пути преграды,
Пусть я отравлен!

Вот иду от вас, дорогие други,
Ваших игр, забав соучастник давний;
Вдаль влекут меня неудержно дуги
Радуг обетных.

Знаю, видел я, что за плотной ставней
Взор ее следил, затуманен дремой,
Но тоска моя, ах, не обрела в ней
Взоров ответных.

О прощай навек! кораблем влекомый,
Уезжаю я, беглеца печальней,
Песни я внемлю, так давно знакомой,
Милое море!

Что я встречу там, за лазурью дальней:
Гроб-ли я найду, иль ключи от рая?
Что мне даст судьба своей накавальней,
Счастье иль горе?

II ГЛАВА

КОРФУ

1

Взорам пир — привольный остров в море.
О леса, зеленые леса!
Моря гладь с лазурью неба в споре,
Что синей: волна иль небеса?
Что белей: наш парус, или чайка?
Что алей, чем алых маков плащ?
Сколько звезд на небе, сосчитай-ка, —
Столько струй родник стремится из чаш.
По горам камней ряды сереют,
По камням сверкает светлый ключ.
В облаках зари румяна рдеют,
Из-за туч широк прощальный луч.
О Корфу, цветущая пустыня,
Я схожу на твой счастливый брег!
Вечер тих, как Божья благостыня,
Кроток дух, исполнен тихих нег.

О вольные сыны беспечности суровой,
Насколько вы милей, чем дети городов!
Дремотный дух навей, дубравы кров дубовый,
Голконду бы отдать за горы я готов!
Горды вы и просты, но нет средь вас обмана,
Улыбка ваших жен открыта и чиста.
Кто злобой поражен, кого сочится рана,
Пусть радостно спешит в священные места.
О вольные орлы, друзья моей тревоги,
Парите выше скал и выше облаков,
Ах долго я искал заоблачной дороги,
Куда бы мог бежать темницы и оков.
Счастливые края, счастливые селенья,
Целительный бальзам мне в сердце пролился,
Я горным высотам предам свои волненья,
Я вольной простоте с весельем предался.

Легче птицы, легче стрел
 Горный танец, быстр и смел,
 Кончен круг и вновь сначала
 Тучкой вьется покрывало.

Гнися вниз, как нарцисс,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

Слышишь скрипок жгучий звук?
 Видишь кольца смуглых рук?
 Пospешай, приспело время
 Бросить в пляску злое бремя!

Не стройней кипарис,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

Завей и развевай
 Хоровод наш, милый Май.
 Не хочу я знать, не знаю,
 Где конец настанет Маю.

Локон твой как повис,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

Белой павой дева ступит,
 Кто ее казною купит?
 Пролетает, улетает,
 Точно тучка в небе, тает.

Белый рис — крылья риз,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

О Фотис, скажи, какою силой
Ты мой взор усталый привлекла
И землей живую нарекла,
Что считал я мертвою могилой?
Кто тебя в унылости немилый
Мне послал, весеннего посла?

Как цветок цветет на дне долины,
Ты росла в кругу своих подруг,
И далек любовный был недуг,
Как весной ручья далеки льдины.
Ах, не знать тебе бы той кручины
И не звать к себе напрасных мук!

Ты смогла невинностью стыдливой
Победить блистательных цариц.
О, стрела опущенных ресниц,
Ты сильнее, чем взгляд любви счастливой.
Так сверкнет средь ночи молчаливой
Белый блеск трепещущих зарниц.

Но кропя меня водой живою,
Ты сама, Фотис, уже не та:
Ты — чиста, как прежде, и свята,
Но навек уж лишена покою, —
И теперь я знаю, хоть и скрою,
Что во сне твердят твои уста.

Сестры, о сестры! судьба злая,
Спрячусь куда я твоих стрел?
Горя не чая, к нему шла я,
Срок жгучей страсти меж тем зрел.
Я потеряла покой ночи,
Я потеряла покой дней,
Дома скрываться уж нет мочи,
Страстью гонимой, судьбы злей.
Выйду на площадь, скажу сестрам,
(Пусть подивятся, подняв бровь!)
Как пронзена я мечом острым,
Яда лютее моя кровь!
Милое имя, язык странный,
Лепет невнятный — твоя речь.
Голос твой звонкий — призыв бранный,
Светлые взоры — любви меч!
О, я сгораю, где тень рощи?
Где ты, прозрачный лесной ключ?
Пение птиц мне бичей жестче,
Как беспощаден дневной луч!

Не ты ли приходила
Под тень чинар?
Всех сил сильнее сила
Полночных чар.
Травой росистой скрыты
Твои следы,
Бледны твои ланиты,
Боясь беды.
Стоит мой конь ретивый,
Не бьет, не ржет,
Струю стремится ленивый
Поток вперед.
Никто нам не помеха,
Отбрось твой страх.
Ни шопота, ни смеха
В густых кустах...
Уста мои застыли,
Застыла кровь.
Чу, шорох, ах не ты ли,
Моя любовь?..

Она говорила: „любима другим,
Его не люблю я, — давай бежим.
Мне жалко покинуть родные поля,
Но все мне заменит любовь твоя“.

Она говорила: „ах, в доме твоём
Мы новое счастье, мой друг, найдем.
Нас там не настигнет ревнивца рука,
Нас там не догонит печаль-тоска“.

Она говорила: „в пирушке друзей
Ты хвастаться можешь красотою моею.
А если разлюбишь и лучше найдешь,
То горю поможет мой острый нож“.

Она говорила: „в закрытую дверь
Других не пущу я, поверь, поверь.
Могу я быть верной, могу умереть,
Но я не умею расставить сеть“.

Она говорила: „не вижу других,
Мне солнце не светит без глаз твоих.
Без глаз твоих, милый, мне нету тепла,
Навеки с тобою судьба свела“.

Опять „прощай“, опять иду,
Когда ж покой и мир найду?
Но не клоню я взоров вниз, —
Со мной она, со мной Фотис.
Ну, кормщик, снасти подбирай,
Прощай, Корфу, веселый рай!
Шуми, волна, домой, домой!
Мне песню прежнюю запой!
И всплески весел говорят:
„Церквей опять увидишь ряд,
Старинный дом, большой канал,
Чего нигде не забывал“.
Отчизна та ж, но я не тот,
Уж не боюсь пустых невзгод.
Я снова молод, снова смел,
И не страшусь коварных стрел,
Любовь, любовь меня спасла
И целым к счастью привела.

ОПЯТЬ ВЕНЕЦИЯ

1

Лишь здесь душой могу согреться я,
Здесь пристань жизни кочевой:
Приветствую тебя, Венеция,
Опять я твой, надолго твой!
Забуть уклады края жаркого
Душе признательной легко-ль?
Но ты, о колокольня Маркова,
Залечишь скоро злую боль!
Пройдут, как тени, дни страдания,
Взлетит, как сокол, новый день!
Целую вас, родные здания,
Простор лагун, каналов тень.
Вот дом и герб мой: над лужайкою
Вознесся темный кипарис, —
Сегодня полною хозяйкою
Войдет в тот дом моя Фотис.
Привыкнет робою тяжелой
Смирять походки вольный бег,
Влекумы траурной гондолой,
Забудем ночью дальний берег.

Как воздух полн морскими травами!
Луна взошла на свой зенит,
А даль старинными октавами,
Что Тассо пел еще, звенит.
Когда ж от ласк устал, я падаю,
И сон махнет тебе крылом,
Зачем будить нас серенадою,
Зачем нам помнить о былом?
Здесь каждый день нам будет праздником,
Печаль отгоним рядом шлюз,
С амуром, радостным проказником,
Тройной мы заключим союз!

Зачем в тот вечер роковой
Вдвоем с тобой мы не остались?
Зачем с покоем мы расстались,
Какой несчастною судьбой?
Зачем „Севильский брадобрей“
На пестрой значился афише,
А голос несся выше, выше,
Под вопли буйных галлерей?
Зачем спокойна и одна
Она явилась рядом в ложе,
И что шепнуло мнѣ, о Боже:
Взгляни налево, вот она!
Как прежде, смотрят очи вниз,
Бросая сладостные тени,
Но нет: глаза мои на сцене,
А сердце там, где ты, Фотис!
Принес цирюльник фонари,
И ловкий брак уже улажен,
Соседки вид — печально важен.
Будь верен, глаз мой, не смотри!

Зачем толпы живой поток
Опять нам бросил случай встречи?
Она на мраморные плечи
Небрежно кинула платок,
Движенья те же и новы.
— Фотис! Фотис, я твой навеки! —
Тяжелые поднявши веки,
Другая шепчет: это — Вы?

Опять, как встарь, открыта дверь балконная —
Опять как встарь ...
Вино желто в бокалах, что янтарь,
А ночь струит мне волны благовонные,
Опять как встарь.

Во мгле ночной медлительно приблизилась —
Во мгле ночной, —
Гондолы тень с расшитой пеленой;
Грифона пасть у носа смутно виделась
Во мгле ночной. —

Она сошла, одета в платье черное,
Она сошла
В условный дом, откуда выпела
Судов видны; с решимостью упорною
Она сошла.

Я долго ждал за темною решеткою,
Я долго ждал,
Смотря без дум на дремлющий канал,
Встревоженный одною вашей лодкою,
Я долго ждал.

Но вот шаги... дверь тихо растворилась,
Но вот шаги...
Любовь, любовь! еще раз помоги,
Чтоб сердце так в груди моей не билось!

Цепь былую ныне рву я,
 Не порвал ли уж вчера?
 И свободу торжествуя,
 Лишь с Фотис одной пируя,
 Проведу все вечера!
 Я-ль, как мальчик, ждал свиданья?
 Но любовь меня спасла.
 Та, которой робко дань я
 Прежде нес, сама признанья
 Запоздалые несла.
 Я не дрогнул, я не сдался,
 Пусть стучала кровь в висках!
 Я свободен, не остался
 В ваших сладостных тисках.
 Как мертвец из смертной сени,
 Как больной восстав с одра,
 Я бегу обнять колени,
 Вылить слезы, вылить пени
 На груди, что так мудра.
 Не вздохнула, не спросила:
 „Что с тобой“? моя Фотис,
 Но целительная сила
 Так любовно пригласила:
 „Не клонись главою вниз“.

Не зная вас, вам шлю письмо.
Меня, как женщина, поймете.
Увидевши, что в каждой йоте
Сквозит любви моей клеймо.
Быть может, я неосторожна,
Свиданье было бы верней,
Но лишь дойду я до дверей
До ваших, — мысли: „невозможно“.
Тот мало честью дорожит,
Кто страстью поздней пламенеет,
Бумага, к счастью, не краснеет,
Пускай рука моя дрожит,
Зачем вам повести унылой
Докучное начало знать?
Дана вам свыше благодать
Не сделать жизнь мою могилой.
Робею, медлю, как дитя,
Прервать письмо уже готова,
Но нет, мучительное слово
Скажу, волненье укротя;

Сошлись любовные дороги
Моя и ваша. Разный путь
Заставил нас в глаза взглянуть,
Прочесть в другой свои тревоги,
Но ваша юная любовь
С моей равняться вряд ли может,
Ничто мне в муке не поможет,
Лишь в смертный час остынет кровь.
Другое счастье в долгой жизни
Еще вам будет суждено,
И знаю — встретится оно
Не здесь, а в радостной отчизне.
Как прежде позабыл меня,
Так вас он скоро позабудет,
И лепет детский не разбудит
Уже потухшего огня.
А я готова быть рабыней,
Всегда лежать у милых ног,
И взгляд один взрастить бы мог
Сады над бывшею пустыней!
Безумна просьба и смешна,
Для вас, быть может, непонятна.
Всегда любовь другим не внятна, —
Любви лишь явственна она.
Но если признаки недуга
Знакомы вам и не чужды,
Отбросьте мелочность вражды,
Коль вправду любите вы друга,

Не бойтесь слез, не бойтесь слов —
Ответьте на мое призванье.
Под вечер, позже, в семь часов
Придите в среду на свиданье.
Мы обе вместе там решим,
В чем нам искать теперь спасенья,
И две любви соединим
В одну любовь, в одно хотенье.

Под пологом ли слишком жарко,
 Ночник ли пущен слишком ярко,
 Иль шум и шелесты мышей
 Твоих коснулись ушей,
 Что ты не спишь, раскинув руки,
 И слушаешь глухие звуки?

„Фотис, ты спишь?“ — Я сплю, молчи, —
 И снова замерло в ночи.
 „Ты плачешь?“ — Нет, спокойся, милый,
 Расторгнут нас одной могилой! —
 На утро встала так бледна,
 Как будто год была больна.

Весь день был ветрен, сух и ясен,
 Но лишь закат зарделся, красен,
 Фотис сказала: „я пойду
 На час“. Предчувствуя беду,
 Ее просил побыть я дома,
 Покуда не пройдет истома.

„Не бойся, друг, не будь враждебен.
Клялась я отслужить молебен.
Одна доеду без труда
И тотчас возвращусь сюда.
Ты жди меня, не мучься скукой —
Молитва будет нам порукой“.

Я скрыл тогда невольный вздох.
Вот шум шагов вдали заглох,
На темном и глухом канале
Гондолу тихо отвязали,
Но уж давно взошла луна,
Когда вернулась она.

Что с Фотис любезною случилось?
Отчего ее покой утрачен?
Отчего так скучен и так мрачен
Темный взор и что в нем затаилось?
Онемела арфа рокотунья
И, печальная, стоит у стенки,
А сама, Фотис, обняв коленки,
Все сидит, не бегаёт, летунья.
Или холодно моей голубке
От приморского дождя-тумана,
Что не встанет с мягкого дивана,
Что не скинет с плеч тяжелой шубки?
Или остров вспомнился родимый,
Хоровод у берега девичий,
Иль тяжёл чужой земли обычай,
О семье-ль взгрустнулося родимой?
Подойдешь, — как прежде, улыбнется;
Голосок, — как прежде, будто флейта.
Скажешь: „милая, хоть пожалей-то!“ —
Промолчав, к подушке отвернется.

Сердце бьется, пленный стрепет, —
Пенит волны белый след,
Бледных звезд неверный свет
Отмель плоскую отметит.
Смокнул долгий разговор,
Лишь плеснет последний лепет,
Да замедлит нежный взор.

Снова скажет, слишком зная,
Что отвечу ей „мой друг,
Что моих бояться мук?
Любит больше та, другая!
Всех она прекрасней жен,
Но, любя, иль умирая,
Я приму любви закон“.

Стихла речь, ей отвечали
Взгляд, объятье, поцелуй.
Видишь, муть молочных струй
Розы солнца пронизали?
Полно, сердце, слез не лей!
Снова реят в ясной дали
Флаги вольных кораблей!“

Не вернулись ли снова златые дни,
Не весной ли пахнуло в осенний день?
Мы опять засветили любви огни,
И далеко бежала былая тень.
Пролетело ненастье, лазурь — для нас,
Только в мире и дышим, что я, да ты,
Будто завтра наступит последний час,
Будто завтра увянут в саду цветы.
Каждый день — лучше утра, а вечер — дня,
Ночи — счастья залогов — того милей,
Как две арфы, согласной струной звеня,
Наше сердце трепещет и звук полней.
Крепче к сердцу прижмися, сильней, вот так!
Не расторгнутся губы, пусть смерть придет!
Разорвать цепь объятий не властен враг,
Вместе склонимся долу в святой черед.

Любовь, какую жалкой и ничтожной
 Девчонкой вижу я себя! Возможной
 Казалась мне дорога и не ложной,
 Но я слаба.

Страшна ли я, горбата и ряба,
 Иль речь моя несвязна и груба, —
 Что глупая, привозная раба
 Меня милее?

Склонится ли негнущаяся шея?
 И с плаксой ли расплачусь я слабей?
 Нет сердце, нет, не бойся! не вотще я
 Отчизны дочь.

Венеция, ты мне должна помочь!
 Сомненья, робость, состраданье, прочь!
 Зову любовь, зову глухую ночь,
 Моих служанок.

Не празднуйте победы спозаранок;
 Я вспомню доблесть древних венецианок
 И выберу в ларце меж тайных стклянок
 Одну для вас.

И тот, последний, долгожданный час
 Любви моей да будет воскресеньем!
 И раньше, чем закат вдали погас,
 Ты будешь мой, клянусь души спасеньем!

Не даром красная луна
В тумане сумрачном всходила
И свет тревожный наводила
Сквозь стекла темного окна.
Одной свечей озарены,
Вдвоем сидели до утра мы,
И тени беглые от рамы
У ног скользили чуть видны.
Но вдруг лобзанья прервала
И с тихим стоном отклонилась,
Рукою за сердце схватилась,
Сама, как снег в горах, бела.
„Фотис, но что, скажи, с тобой?“
Она чуть слышно мне: „не знаю“.
Напрасно руки ей лобзаю,
Кроплю ее святой водой.
Был дик и странен милый взгляд,
В тоске одежду рвали руки,
И вдруг сквозь стон предсмертной муки
Вскричала: „поздно, милый!.. яд!“

И вновь, сломясь, изнемогла,
Любовь и страх в застывшем взоре...
Меж тем заря на белой шторе
Уж пятна красные зажгла.
И лик Фотис — недвижно бел...
Тяжеле тело, смолкнул лепет —
Меня сковал холодный трепет:
Без слез, без крика я немел.

В густой закутана вуаль,
С улыбкой сдержанной и странной
Она вошла, как гость неожиданный,
В покой, где веяла печаль.
Ко мне она не подошла,
С порога лишь заговорила:
„Теперь узнайте, что за сила
Меня опять к вам привела,
Любовь слепая так сильна,
Что в тягость стала мне личина.
Откроюсь — я была причина
Внезапной смерти, я одна.
Мое признание, ваш отказ,
Фотис надменной отречение,
Любовь, обида, жажда мщенья, —
Водили мной в тот страшный час.
Но нет раскаянья во мне,
Так сладко быть для вас преступной.
Судите мерой неподкупной:
Любовь лишь к вам — в моей вине.

Я знаю, в вас еще живет
Былой огонь, бывшее чувство.
Напрасно хладное искусство, —
Безумной страсти бил черед.
Я жизнь и честь для вас сожгла,
Стыдливость, гордость позабыла,
Желанье сердце отравило,
Как ядом полная игла.
Плативший вышею ценой
Едва ли может быть обманут;
Пусть скорби все в забвенье канут,
Со мной узнайте мир иной!“
И платьем траурным шурша,
Она подвинулась, взглянула...
Не ты ль, Фотис, крылом махнула,
Что вдруг проснулась душа?
Наверно, диким был мой взор,
Утраты полн непоправимой,
И ясно в нем непримиримый
Она узнала приговор, —
Затем, что смертно побледнев,
Она внезапно замолчала,
Но долго взор не отвращала:
Была в нем страсть, и смерть, и гнев.
Ушла навеки. Не вонзил
Ножа в предательское тело.
Какая воля так хотела,
Чтоб я был трус, лишенный сил?

ПАРИЖ

1

Снизу доносятся смутные шумы,
Крик продавцов и шум карет.
Тупо и тягостно тянутся думы,
В будущем счастья сердцу нет.
Как в голубятне, сижу я в светелке,
Мимо бежит глухой Париж...
Что собираешь сосуда осколки,
Целым разбитый вновь творишь?
Ветер в окошко мне пыль не доносит,
Смолкнут вдали колеса фур,
Бледное золото вечер набросит
На пол, на стол, на белый шнур.
Все, что минулося, снова всплывает,
В этот прозрачный, светлый час.
Час одиночества, тот тебя знает,
В ком навсегда огонь погас!

Как в сердце сумрачно и пусто!
В грядущем — дней пустынных ряд.
Судьба, — искусная Локуста, —
Как горек твой смертельный яд!
Не я ль, словам твоим послушен,
Стоял часами на мосту?
Но все ж я не был малодушен,
Не бросил жизни в темноту.
По небу пламенным размахом
Закат взвихрился выше труб,
Но я не стал бездушным прахом:
Дышу, живу, ходячий труп.
Кто грудь мою мечом разрежет?
Кто впрыснет влагою живой?
Когда заря в ночи забрезжит,
Затеплю где светильник свой?

Он подошел ко мне свободно,
Сказавши: „вашей меланхолии
Причина очень мне близка,
И если мыслить благородно,
Что наша жизнь? мираж, не более.
Любовь — безумье, труд — тоска“,
И пальцем поправлял слегка
В петлице лепестки магнолии.

Острится подбородок тонкий,
Отмечен черной эспаньолкою,
Цилиндр на голове надет,
Перчаткою играл с болонкой,
Кривились губы шуткой колкою,
И горько говорил поэт:
„И я, как ты, моя Пипетт,
На счастье лишь зубами щелкаю.

Любовь и „вечное“ искусство
На камне призрачном основаны,
И безусловна смерть одна.
Что наше сердце, наши чувства?

Не вами, нет, душа окована,
Мечта лишь нам в удел дана“.
Тут осушил стакан до дна
И замолчал разочарованно.

Казалось мне, в том разговоре
Всплывало смутно сновидение,
Когда-то виденное мной,
И в этой позе, в этом взоре,
В пустых словах разуверения
Мне голос слышится иной.
И в глубь души моей больной
Входило странное влечение.

Чья таинственная воля
Мне в пути тебя послала,
Странно другом нарекла?
Как утопанное поле,
Жизнь в грядущем мне предстала
И пустыней привлекла.
Так различны, так несхожи,
Сердца грустные желанья,
Наши тайные мечты, —
Но тем ближе, тем дороже
Мне по улицам скитанья,
Где идешь со мною ты.
Вздохам горестным помеха,
Чувствам сладостным преграда, —
Стал сухой и горький смех.
Как испорченное эхо,
Мне на все твердит: „не надо:
Вздохи, чувства — смертный грех“.
Все, что мыслю, все, что знаю,
Я в тебе ничтожным вижу,

Будто в вогнутом стекле, —
Но очей не отвращаю
И судьбу свою приближу
К намагниченной игле.
Словно злыми палачами
К трупам вражьему прикован,
Я влачуся сам, как труп,
И беззвездными ночами
Я не буду расколдован
Ярым ревом новых труб.

Салон шумел веселым ульем,
В дверях мужчин теснился строй,
Манил глаза живой игрой
Ряд пышных дам по желтым стульям.
К камину опершись, поэт
Читал поэму томным девам;
Старушки думали: „ну где вам
Вдохнуть, как мы, ему в ответ?“
В длиннейшем сюртуке политик
Юнцов гражданских поучал,
А в кресле дедовском скучал
Узобленный и хмурый критик.
Седой старик невдалеке
Вел оживленную беседу,
То наклоняся к соседу,
То прикасяся к руке,
А собеседником послушным
Был из провинции аббат,
В рябинах, низок и горбат,
С лицом живым и простодушным.

Их разговор меня привлек
Какой-то странной остротою, —
Так утомленный темнотою,
Влечется к лампе мотылек.
Но вдруг живой мотив „редовы“
Задорно воздух пронизал, —
И дамы высыпали в зал:
Замужние, девицы, вдовы.
Шуршанье платьев, звяки шпор,
Жемчужных плеч и рук мельканье,
Эгреток бойкое блистанье,
И взгляды страстные в упор...
Духов и тел томящий запах,
Как облак душный, поднялся,
А разговор меж тем велся
О власти Рима и о папах.
И старца пламенная речь
Таким огнем была повита,
Что, мнилось, может из гранита
Родник живительный иссечь.
И я, смущенье одолев,
Спросил у спутника: „кто это?“
Сквозь стекла поглядев лорнета,
Он отвечал: „Де-Мэстр, Жозеф“.

Письмо любви! о пальцы женских рук,
Дрожали ль вы, кладя печать цветную?
Как без участия тот конверт миную,
Где спят признанья, девичий испуг!
А может быть, кокетка записная
Обдуманый, холодный приговор
Прислала мне, и блещет зоркий взор,
Заранее свою победу зная?
Зовете вы любя, иль не любя, —
Что мне до вас: одна, другая, третья?
Ах, не могу огнем былым гореть я
И не хочу обманывать себя.
Я не сорву заманчивой печати,
Где сердце со стрелой и голубки..
Слова любви, вы — сладки — и гибки,
Но я — уж не борец любовной рати.

И вот без шума и без стука
Скок на порог подруга-скука.
В лицо пытливо заглянула:
Не ждя в ответ
Ни „да“, ни „нет“,
В приют привычный проскользнула.

Я ни мольбой, ни гибкой тростью
Прогнать не в силах злую гостью.
Косыми поведет глазами,
Как будто год
Со мной живет,
Сидит не двигаясь часами.

Сухой рукой укажет флягу,
Я выпью, на кровать прилягу,
Она присядет тут же рядом
И запоем,
И обоймет,
Шурша сереющим нарядом.

С друзьями стал теперь в разводе,
И не живу я на свободе.
Не знаю, как уйти из круга:
Всех гонит прочь
В глухую ночь
Моя ревнивая подруга.

Лежу, лежу... душа пустеет.
Рука в руке застывает.
Сама тоска уйдет едва ли...
И день за днем
Живем, живем,
Как пленники в слепом подвале.

Аббат воскликнул: „вы больны,
Мое дитя, примите меры!
Как чадо церкви, чадо веры,
В своей вы жизни не вольны.
Ведь не свободный вы мыслитель,
Для вас воскрес и жив Спаситель!“

.
.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глиняные голубки	5

Часть первая. ВЕСЕЛЫЙ ПУТЬ

I. В ДОРОГЕ

1. Нет, жизни мельница не стерла	11
2. Вы — молчаливо-нежное дитя	13
3. Слезами сердце я омою	14
4. Я твой до дна... бери и пей	15
5. Ютась в тени тенистых ив	16
6. Вы — белое бургундское вино	17
7. Зачем мне рассказы гадалки	18
8. Разве можно дышать, не дыша	19
8. Еще не скоро разбухнут почки	20
10. Склоненный ангел на соборе	21
11. Ни вид полей в спокойной дали	22
12. Глупое сердце все бьется, бьется	23
13. Мы думали, кончилось все	24

II. ХОЛМ ВДАЛИ

1. Счастливый сон-ли сладко снится	27
2. Целованные мною руки	28
3. Ряд кругов на бурном поле	29
4. Влюблен ли я — судите сами	30
5. Дороже сына, роднее брата	31

	Стр.
6. Я тихо от тебя иду	32
7. Покойся, мирная Митава	33
8. Что за Пасха! снег, туман	34
9. Ты приедешь сюда загорелым	35
10. В обманчивом, тревожном сне	36
11. Смутишься ль сердцем оробелым	38
12. Всегда стремясь к любви неуловимой	40

III. ОСТАНОВКА

1. Какой насмешливый механик	41
2. Девять родинок прелестных	42
3. Ты ходишь в куртке зеленой	43
4. Кому любви огонь знаком	44
5. В грустном и бледном гриме	45
6. Свежим утром рано, рано	46
7. Я знаю, ты любишь другую	48

IV. ОТДЫХ

1. Бывают странными пророками	50
2. Зачем те чувства, что чище кристалла	52
3. Как сладко дать словам размеренным	53
4. Дни мои — облака заката...	54
5. Какие дни и вечера	55
6. Я не любовью грешен, люди	56
7. Не называй любви забвеньем	57
8. Судьба, ты видишь: сплю без снов	58
9. Мне снился сон: в глухих лугах иду я	59

V. НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

1. Вы думаете, я влюбленный поэт	61
2. Похожа-ли моя любовь	64
3. Бывают мгновенья	67
4. Как странно	70

Часть вторая

I. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Пуститься бы по белу свету	75
2. Залетною голубкой к нам слетала	77
3. Уж прожил года двадцать три я	78
4. Возможно ль: скоро четверть века	80
5. Новый год	81
6. Волхвы	82
7. Эпитафия самому себе	84
8. Возвращение дэнди	85
9. Письмо перед дуэлью	88
10. Балет	90
11. Прогулка	92
12. По реке вниз по Яику	93
13. Надо мною вьются осы	94
14. Защищен наш вертоград надежно	96
15. Мария египетская	97

II. БИСЕРНЫЕ КОШЕЛЬКИ

1. Ложится снег... Печаль во всей природе	99
2. Я видела, как в круглой зале	100
3. Раздался трижды звонкий звук	101

III. ПЕСЕНКИ

1. В легкой лени	104
2. Солнце — лицо твое, руки белы	106
3. Улыбка, вздох ли	107
4. Сердце — зеркально	108
5. Сердца гибель не близка ли	109
6. Звезды сверху, звезды снизу	110
7. Если б были вы Эюлейкой	111
8. Утешение пастушкам	112

I Глава. ВЕНЕЦИЯ

1. Ты помнишь комиату и свечи 117
2. О поцелуй, божественный подарок 118
3. По струнам лунного тумана 120
4. Собор был темен и печален 121
5. Нос твой вздернут, губы свежи 122
6. Лишь прощаясь, ты меня поцеловала 123
7. Письмо 124
8. В ранний утра час покидал я землю 125

II Глава. КОРФУ

1. Взорам пир — привольный остров в море . . 127
2. О вольные сыны беспечности суровой . . . 128
3. Легче птицы, легче стрел 129
4. О Фотис, скажи, какую силой 130
5. Сестры, о сестры! судьба злая 132
6. Не ты ли приходила 133
7. Она говорила: „любима другим 134
8. Опять „прощай“, опять иду 135

III Глава. ОПЯТЬ ВЕНЕЦИЯ

1. Лишь здесь душой могу согреться я 136
2. Зачем в тот вечер роковой 138
3. Опять, как встарь, открыта дверь балконная . 140
4. Цепь былую ныне рву я 142
5. Не зная вас, вам шлю письмо 143
6. Под пологом ли слишком жарко 146
7. Что с Фотис любезною случилось 148
8. Сердце бьется, пленный стрепет 149
9. Не вернулись ли снова златые дни 150
10. Любовь, какую жалкой и ничтожной 151

	Стр.
11. Не даром красная луна	152
12. В густой закутана вуаль	154

IV Глава. ПАРИЖ

1. Снизу доносятся смутные шумы	156
2. Как в сердце сумрачно и пусто	157
3. Он подошел ко мне свободно	158
4. Чья таинственная воля	160
5. Салон шумел веселым ульем	162
6. Письмо любви! о пальцы женских рук . . .	164
7. И вот без шума и без стука	165
8. Аббат воскликнул: — Вы больны	167

